

ISSN 1992–7940

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 2

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2023

Учредители

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет»

Редакционный совет

А. А. Чувакин, д. ф. н., проф. — председатель (Барнаул), О. В. Александрова, д. ф. н., проф. (Москва), К. В. Анисимов, д. ф. н., проф. (Красноярск), Е. Н. Басовская, д. ф. н., проф. (Москва), В. В. Красных, д. ф. н., проф. (Москва), Л. О. Бутакова, д. ф. н., проф. (Омск), Т. Д. Венедиктова, д. ф. н., проф. (Москва), О. М. Гончарова, д. ф. н., проф. (Санкт-Петербург), Т. М. Григорьева, д. ф. н., проф. (Красноярск), Е. Г. Елина, д. ф. н., проф. (Саратов), Е. Ю. Иванова, д. ф. н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс), О. Т. Молчанова, д. ф. н., проф. (Польша, Щецин), М. Ю. Сидорова, д. ф. н., проф. (Москва), И. В. Силантьев, д. ф. н., проф. (Новосибирск), К. Б. Уразаева, д. ф. н., проф. (Казахстан, Астана), И. Ф. Ухванова, д. ф. н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хоффман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена), А. Д. Цветкова, к. ф. н, доцент (Казахстан, Павлодар), А. П. Чудинов, д. ф. н., проф. (Екатеринбург)

Главный редактор

Т. В. Чернышова

Редакционная коллегия

П. В. Алексеев (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), Л. А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), М. П. Гребнева, В. В. Десятов, В. Н. Карпухина, И. Ю. Колесов, Л. М. Комиссарова, А. И. Куляпин, Е. В. Лукашевич, В. Д. Мансурова, С. А. Осокина, Ю. В. Трубникова, Л. Н. Тыбыкова

Секретариат

О. А. Ковалев, С. Б. Сарбашева

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66; Алтайский государственный университет, Институт гуманитарных наук, оф. 405а. Тел.: 8 (3852) 296617.

E-mail: soveto1@filo.asu.ru

Адрес на сайте АлтГУ: <http://journal.asu.ru/pm/>

Адрес в системе РИНЦ: https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=25826

Адрес в Open Journal System: <http://journal.asu.ru/pm/index>

ISSN 1992-7940

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- Н. Ю. Шнякина.** Репрезентация количественного аспекта абстрактных объектов в немецком инженерном дискурсе (на примере сложных имен существительных).....7
- М. С. Богославцева, А. И. Миляева.** Английский язык теологии и его специфика 25
- И. Н. Клевакина, Н. В. Мельник.** Лингвоперсонологическое осмысление аксиологических доминант профессионального кинокритика 38
- К. Д. Войцех.** Роль внутреннего контекста кинематографического произведения в создании и понимании языковой игры (на материале телесериалов “The Sandman”, “Anne with an E” и “Shadow and Bone”) 49
- А. Э. Ефремова.** Английский язык методом цифровой печати как форма визуального языка и альтернативный способ коммуникации (на примере надписей и принтов на одежде и обуви).....63
- К. В. Смирнов.** Искусители, жертвы, свои и чужие в пьесе А. Н. Островского «Таланты и поклонники» 80
- А. И. Куляпин.** Психобиография вождя: Ленин в рассказах для детей Михаила Зощенко 99
- Ю. Ю. Кравинская, Е. М. Караваяева.** Проблема идентичности в контексте критического изучения постколониальной литературы 110

Научные сообщения

- С. В. Беликов.** Роль ассоциативного эксперимента в формировании лингвокультурного концепта «ХАРБИН» 122
- Д. Р. Миниярова, А. В. Уразметова.** Годонимическая система Лондона как отражение культурно-языкового ландшафта 136
- И. А. Широких.** Эмотивный потенциал риторических вопросов и его реализация в текстах англоязычных песен 145
- С. Н. Усманова, Д. А. Хамраева.** Сопоставительная классификации омонимов в русском и узбекском языках..... 153
- Г. М. Маматов.** Образы огня и света в цикле Вильгельма Мюллера «Зимний путь» 163
- И. М. Клокова.** Семиотика дачного пространства в романе Д. Бобылевой «Вьюрки»..... 173

Люди. Факты. События

- Т. А. Сироткина.** Человек в языке и культуре (по итогам работы I Международной конференции «Язык культуры и культура языка») 182
- Резюме** 190
- Наши авторы**..... 204

CONTENTS

Articles

- N. Yu. Shnyakina.** Representation of the Quantitative Aspect of Abstract Objects in the German Engineering Discourse (in the Compound Nouns) 7
- M. S. Bogoslavtseva, L. I. Milyaeva.** The English Language of Theology and Its Specific Features 25
- I. N. Klevakina, N. V. Melnik.** Linguopersonological Comprehension of Axiological Dominants of a Professional Film Critic.....38
- K. D. Voytsekh.** The Role of the Internal Context of a Cinematographic Work in Creating and Interpreting the Wordplay (Based on the TV Shows: “The Sandman”, “Anne with an E”, and “Shadow and Bone”) 49
- A. E. Efremova.** English by Digital Printing as a Form of Visual Language and an Alternative Way of Communication (in the Inscriptions and Prints on Clothing and Footwear).....63
- K. V. Smirnov.** Tempters, Victims, Friend and Foes in the Play by A. N. Ostrovsky “Talents and Admirers” 80
- A. I. Kulyapin.** Psychobiography of the Leader: Lenin in Stories for Children by Mikhail Zoshchenko.....99
- Y. Y. Kravinskaya, E. M. Karavaeva.** The Problem of Identity in Critical Studies of Postcolonial Literature 110

Scientific reports

- D. R. Miniirnova, A. V. Urazmetova.** London’s Godonymic System as a Reflection of the Cultural and Linguistic Landscape..... 122

S. V. Belikov. The Role of the Associative Experiment in the Formation of the Linguacultural Concept “HARBIN”	136
I. A. Shirokikh. Emotional Potential of Rhetorical Questions and Its Realization in the Lyrics of English Songs	145
S. N. Usmanova, D. A. Khamraeva. Comparative Classification of Homonyms in Russian and Uzbek Languages	153
G. M. Mamatov. Images of the Fire and Light in the Wilhelm Müller’s Cycle of Verses “Winterreise”	163
I. M. Klokova. Semiotics of Dacha Space in D. Bobyleva’s Novel “Vyurki”	173

Reviews

T. A. Sirotkina. Man in Language and Culture (Based on the Results of the Work of the I International Conference “The Language of Culture and the Culture of Language”)	182
Summary	190
Our authors	204

СТАТЬИ

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АСПЕКТА АБСТРАКТНЫХ ОБЪЕКТОВ В НЕМЕЦКОМ ИНЖЕНЕРНОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ СЛОЖНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ)

Н. Ю. Шнякина

Ключевые слова: языковая репрезентация, сложное существительное, абстрактный объект, инженерный дискурс, количество, семантико-когнитивный анализ.

Keywords: language representation, compound noun, abstract object, engineering discourse, quantity, semantic-cognitive analysis.

DOI 10.14258/filichel(2023)2-01

Введение

Настоящая статья посвящена выявлению в немецком инженерном дискурсе способов указания на количественную сторону недоступных непосредственному наблюдению, но мыслимых объектов: процессов, признаков, конструируемых сознанием понятий, идей, совокупных множеств и т.д. Внимание сосредоточено на когнитивном, номинативном и коммуникативном потенциале сложных терминов, в состав которых входят определяемый компонент, выражающий абстрактный объект и слово с количественным значением. Предпринимаемое исследование представляется актуальным, поскольку входит в круг проблем, связанных со спецификой концептуализации понятий невидимого мира и их когнитивной и языковой сегментации. Интерес к заявленной в статье проблеме вызван высокой степенью абстрактности инженерного дискурса, отражающего результаты технического прогресса в научных и научно-популярных текстах. Изучение вопроса о том, каким образом человек осознает количественность абстрактных объектов, представляется перспективным в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы.

В качестве материала исследования выступают языковые фрагменты в количестве 200 единиц, выбранные из специализированных немецких интернет-изданий (*Der Maschinenbau*, *Technik und Wissen*), основ-

ными рубриками которых являются: робототехника, механика, электрика, электроника, мехатроника, программное обеспечение, производство, автоматизация, дигитализация. Названные предметные сферы образуют тематическое ядро инженерного дискурса и представлены в большом количестве текстов, описывающих новейшие достижения ученых всего мира. Объектом исследования признается научный термин, образованный путем словосложения и содержащий в своем составе в качестве первого компонента номинацию абстрактного объекта, а в качестве второго — языковой показатель количества. Предметом исследования в рамках настоящей статьи является когнитивный, номинативный и коммуникативный потенциал рассматриваемых терминов.

Для изучения примеров используется семантико-когнитивный анализ, предполагающий несколько этапов: декомпозицию сложного слова, анализ словарных дефиниций определяемого слова с количественным значением, опирающийся на собственный языковой и когнитивный опыт, рефлексивный анализ семного состава определяющего слова, номинирующего абстрактный объект, семную интерпретацию словарных дефиниций, позволяющую выявить когнитивные признаки стоящего за словом количественного понятия.

Теоретическая значимость работы состоит в формулировании положений, касающихся когнитивных и языковых особенностей абстрактных терминов с количественным компонентом. Полученные результаты могут быть использованы в дисциплинах семантико-когнитивной и коммуникативно-дискурсивной направленности.

Достижение поставленной в статье цели предполагает решение ряда задач. К задачам теоретического плана, рассмотрение которых основывается на изучении имеющихся по данной тематике работ, относятся определение места инженерной коммуникации в современном дискурсивном пространстве, представление ее языковых и неязыковых характеристик, а также выявление специфики субстантивной терминологии и видов абстрактной лексики. Практической задачей статьи является описание языковых средств выражения количественного аспекта в рамках сложного субстантива с абстрактным значением, а также выявление когнитивного, номинативного и коммуникативного потенциала рассматриваемых языковых построений.

Обзор литературы

Определение места инженерного дискурса в коммуникативном пространстве и описание его языковых и неязыковых характеристик следует начать с дефиниции понятия «дискурс». Дискурс представляет собой многокомпонентное и многоаспектное явление, получившее всесторон-

нее рассмотрение в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, задающей направление изучения вербализованных структур знания и опыта в связи с их ролью в процессах познания мира и общения. В работе Т. А. ван Дейка под дискурсом понимается «речевой поток, язык в его постоянном движении, вбирающий в себя все многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение» [Дейк, 1994, с. 169]; также подчеркивается конструирующий потенциал дискурса, связанный с созданием в процессе его развертывания мира, являющегося результатом интерпретации коммуникантами знаний о действительности [Демьянков, 1982, с. 7].

Специфика лингвистического осмысления дискурса характеризуется обращением к экстралингвистическим категориям: участникам, условиям, способам и организации общения [Карасик, 2004, с. 241]. В этом плане внеязыковой контекст, обусловленный названными элементами, в значительной степени влияет на семантическое оформление и грамматическую организацию текста. Наиболее ярко это влияние проявляется при изучении различных видов дискурса, описываемых в соответствии с условиями коммуникации [Карамова, 2017; Карасик, 2004; Чернобров, 2012].

Научный дискурс является неотъемлемой частью общего дискурсивного пространства; в рамках научного дискурса осуществляется познавательная деятельность ученых, нацеленная на решение научных проблем, выработку нового знания и прогнозирование развития гипотетических ситуаций в определенной предметной области. Специфика обстоятельств сферы научной коммуникации позволила выделить научный дискурс как отдельный вид, противопоставив его политическому, религиозному, деловому и т. д. [Карамова, 2017, с. 362; Карасик, 2004, с. 250]; согласно другой классификации о научном дискурсе можно говорить с точки зрения тематики, цели, стиля и уровня [Чернобров, 2012, с. 87].

Научный дискурс исследуется учеными в различных аспектах. **Коммуникативно-прагматические** предпосылки изучаются исследователем Н. Н. Дюмон [Дюмон, 2008]; автором подчеркивается возможность отождествления научного дискурса с научным текстом, поскольку создание научного текста обусловлено коммуникативно-типологическими факторами и прагматическими стратегиями, операциональными установками автора и комплексом обстоятельств общения [Дюмон, 2008, с. 66]. С **когнитивной** точки зрения научный дискурс рассматривается в работе [Мордовина, Воякина, Королева, 2019]; как пишут авторы, «науч-

ный дискурс — это не только среда, способ и средство познания и получения-передачи знаний, но и форма реализации самой научной деятельности посредством различных стратегий» [Мордовина, Воякина, Королева, 2019, с. 367]. Метафорическое моделирование научного дискурса является предметом изучения в монографии Н. А. Мишанкиной, которая пишет о том, что научный дискурс представляет собой виртуальное пространство науки; автор считает, что система научных текстов образует основу изучения ментальных пространств, познавательных стратегий и коммуникативных действий, т. е. языковых способов моделирования основных составляющих научного дискурса [Мишанкина, 2010, с. 27]. В **социолингвистическом** аспекте научный дискурс, обладая характеристиками институциональности, представляет собой сложное языковое явление, включающее в себя участников, хронотоп, цель, ценности, стратегии, тематику, разновидности и жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы [Карасик, 2004, с. 276–280].

Названные экстралингвистические факторы, обусловленные функцией научного дискурса, состоящего в формировании и передаче научного знания, предопределяют общие языковые особенности научного текста, среди которых — логичность построения, отвлеченный характер изложения, объективность, информационная насыщенность; научный текст содержит в себе большое количество терминов, в том числе заимствований, безличных и пассивных грамматических конструкций, сложных предложений и т. д. [Комарова, 2016, с. 128]. В той или иной степени упомянутые характеристики присущи любому научному тексту, однако они могут варьироваться в зависимости от предметной сферы и конкретного языка, внешний облик которого детерминирован культурными доминантами того или иного народа.

Инженерный дискурс, выступающий в статье в качестве эмпирической базы для анализа закономерностей языковой репрезентации количественного аспекта абстрактных объектов технической сферы, представляет собой подвид научного дискурса, получивший подробное изучение в работах [Авдеева, 2005; Авдеева, 2016]. Под инженерным дискурсом понимается «некое информационное поле, базирующееся на научной картине мира и включающее денотативное содержание инженерной деятельности, отраженное в сознании профессионала и обусловленное реалиями инженерной деятельности» [Авдеева, 2005, с. 317]; это своего рода «моносоциумный дискурс, адресованный инженером инженеру / будущему инженеру, созданный на языке „посвященных”» [Авдеева, 2016, с. 147]. Основной характеристикой инженерного дискурса является дескриптивность, проявляющаяся в наличии слов-терминов,

имеющих денотат или референт, и не допускающая разночтений [Авдеева, 2016, с. 147].

Научная терминология представляет собой языковую форму отражения понятий, являющихся неотъемлемой частью научного мышления и дискурса. Под термином понимается «лексическая единица определенного языка для специальных целей, обозначающая общее — конкретное или абстрактное — понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [Лейчик, 2006, с. 96]. Как правило, термин обладает дефиницией, является стилистически нейтральным и стремится к однозначности. Наряду с терминами, обозначающими материальные объекты (технические установки, детали и т.д.), инженерный дискурс характеризуется большим количеством мыслимых понятий, отражающих в сознании объекты действительности, недоступные непосредственному наблюдению. Одним из средств выражения таких понятий являются субстантивные термины с абстрактным значением.

В связи с разнообразием анализируемых в практической части статьи субстантивных терминов следует определить, какие понятия научной сферы являются абстрактными. В этом плане ценной представляется работа В.С. Степина, М.М. Новоселова, М.А. Розова, Ф.Н. Голдберг, посвященная методологии научного исследования [Степин, Новоселов, Розов, Голдберг]. Под абстракцией авторы понимают «идеальный (не существующий в действительности) предмет, созданный в результате абстрагирования — мыслительного процесса формирования вторичных образов действительности» [Степин, Новоселов, Розов, Голдберг]. Эти образы в соответствии с описываемыми учеными эмпирическим и теоретическим уровнями мышления представляют собой ментальные сущности различной степени конкретности — от формальных абстракций (абстракций первого порядка, возникающих в результате отвлечения от эмпирических данных) до содержательных абстракций более высокого уровня, представляющих собой сконструированные сознанием человека идеальные ментальные сущности [Степин, Новоселов, Розов, Голдберг].

В лингвистическом плане данное деление проявляется в разграничении отвеченных понятий, как результата отделения акциденции субстанции (простое абстрагирование), имеющего место при категориальном оформлении свойства, качества или признака в виде субстантива, и абстрактных понятий — сущностей, представляющих собой результат высшей формы ментальной деятельности человека [Чернейко, 2010, с. 55]. В упомянутой работе автор очерчивает круг объектов, обладающих абстрактным статусом и называемых абстрактными субстантива-

ми; это имена психических состояний, ситуаций, отношений, этических и эстетических понятий, категорий естественного мира, а также гиперонимы [Чернейко, 2010, с. 5]. Специфическая черта таких субстантивных наименований — наличие идеи, являющейся результатом абстрагирования, возможно только в случае наличия слова, которое эту идею в себя вмещает [Там же, с. 10–11]; иными словами, опредмечивание (с помощью существительного) осуществляется через имя [Чернейко, 2010, с. 13].

Исходя из классификации абстрактных понятий на формальные и содержательные, можно сделать вывод, что к первому типу осознаваемых и названных словом объектов инженерной сферы относятся качества, свойства и признаки (*Wärme, Kälte*), протекающие во времени единичные процессы (*Fehlermeldung, Messung*), гиперонимы, обозначающие совокупность процессов или действий (*Produktion, Fertigung, Automatisierung, Funktion*) или совокупное множество предметов (*Daten*). Ко второму типу объектов относятся сконструированные абстрактные понятия обиходной сферы (*Einfluss, Resonanz, Fassung*) и специфические для инженерной области понятия (*Windenergie, Drehmoment*).

Зачастую термины, обозначающие абстрактные объекты первого и второго порядка, имеют вид сложного слова (*Produktionssystem, Bauteilvariation, Qualitätssicherung*). Как отмечается в работе А. Р. Белоусовой, это связано с удобством передачи максимального количества информации при минимальном использовании языковых средств и средств связи между ними [Белоусова, 2020, с. 63]: «формирование понятий в данных словосочетаниях идет за счет последовательного „нанизывания” блоков информации на опорное понятие, выраженное в ядре терминологического словосочетания» [Белоусова, 2020, с. 60]. Кроме того, причиной широкого распространения сложных слов является потребность сегментации и квантификации абстрактных понятий.

Представленный обзор имеющихся по заявленной в статье тематике работ позволил создать терминологическую базу для исследования эмпирического материала.

Результаты исследования и дискуссия

Выявление языковых способов квантификации абстрактных понятий, номинированных сложными словами, а также описание их когнитивного, номинативного и коммуникативного потенциала предполагает использование семантико-когнитивного анализа. Посредством декомпозиции, т. е. деления сложного слова на части, были выявлены языковые способы сегментации абстрактных понятий, свидетельствующие об осознании их человеком как отдельных сущностей, обладающих количественным измерением. В первую очередь следует отметить существительные

die Kapazität, das Volumen, der Umfang, die Größe, указывающие на некую общую величину, складывающуюся из различных количественных параметров. Анализ словарных дефиниций, осуществленный с помощью толкового словаря [Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache], а также последующая семная интерпретация позволили выявить элементы смысла (когнитивные признаки), отражающие специфику квантификации абстрактных объектов, зафиксированных в первом слове. Результаты проведенного анализа представлены в таблице ниже.

Таблица 1

**Семантико-когнитивный анализ слов
с общим параметрическим значением**

Слово с количественным значением	Дефиниция	Семы	Когнитивные признаки
<i>Die Kapazität</i>	Mit den vorhandenen Ausrüstungen und Anlagen erreichbares höchstmögliches Leistungsvermögen eines Industriebetriebes innerhalb einer bestimmten Zeit	Производительность, максимальный показатель, при определенном оборудовании, за определенный период времени	Количественный показатель производительности, мощность
<i>Das Volumen</i>	Umfang, Gesamtmenge von etw. innerhalb eines bestimmten Zeitraums' / объем, общее количество чего-либо за определенный период времени	Объем, общее количество чего-либо, за определенный период времени	Количественный показатель совокупности объектов, объем
<i>Der Umfang</i>	Gesamtheit, Summe dessen, was etw. umfasst, Ausmaß'	Совокупность, сумма чего-либо, количество, охват	Количественный показатель совокупности объектов, вместительность, объем
<i>Die Größe</i>	Bezeichnung für einen Begriff, der durch eine Zahl ausdrückbar und teilbar ist	Величина, может быть выражена с помощью числа, может быть поделена	Величина, которую можно выразить числом

Рефлексивный анализ семного состава определяющих слов, наиболее часто сочетающихся со словом *die Kapazität*, позволил сделать вывод, что количественный показатель «производительность» осознается как необходимая черта производственных процессов, представленных существительными-гиперонимами (*die Produktion, die Fertigung*):

- *Trumpf erweitert seine Produktionskapazitäten für moderne Lasersysteme.*

- *Mit der Markteinführung und Industrialisierung neuer Produkte wurden gleichzeitig neue **Fertigungskapazitäten** vor allem in den Wachstumsregionen in Nordamerika, China und Osteuropa aufgebaut.*

Аналогичным образом выражается количественная сторона конкретных производственных процессов; при этом их количественный параметр осознается как «мощность»:

- *Dabei ließen sich nicht nur deutliche Verbesserungen bei der **Messkapazität** und -qualität erzielen, sondern auch die Ausgaben der Messgeräte digitalisieren.*
- *Der 3D-Druckerhersteller Stratasys spendet **Druckkapazität** in allen Regionen.*
- *Das größte Hindernis bei der Entwicklung von Roboterhaut war bislang **Rechenkapazität**.*

Кроме того, количественный показатель, выраженный словом *die Kapazität*, используется с абстрактными наименованиями физических явлений, связанных с получением / производством энергии; в этом случае значимым для осознания количественной стороны абстракции также является когнитивный признак «мощность»:

- *Im Januar hatten die Verbände auf Basis bezuschlagter Projekte einen Ausbau der **Windenergiekapazitäten** an Land von 2,3 bis 2,7GW für das Jahr 2022 prognostiziert.*
- *Die verfügbaren Härtegrade der Elastomersterne umfassen 85 Shore A für eine hohe Dämpfung, 92 Shore A für Balance zwischen Dämpfung und Drehsteifigkeit sowie 98 Shore A für hohe **Drehmomentkapazität** und Drehsteifigkeit.*

Следующее слово, используемое для квантификации абстракций, *das Volumen*, применяется к совокупности объектов, выраженных обобщенным существительным, и обладает когнитивным признаком «количественный показатель совокупности объектов»; рефлексивный анализ семного состава определяющих слов показал, что данные существительные номинируют как материальные предметы (данные, заказы, товары), так и процессы:

- *Zudem kann in Cloud-Systemen ein enormes **Datenvolumen** von unterschiedlichen Geräten gespeichert und verarbeitet werden ....*
- *Der Vertrieb benötigt ein klares Bild über das **Umsatzvolumen** eines Kunden.*
- *Das potenzielle **Marktvolumen** für Maschinen- und Fabrikautomation weltweit wird derzeit auf 20 Milliarden Dollar pro Jahr geschätzt und soll bis zum Jahr 2030 auf 31 Milliarden Dollar jährlich ansteigen.*

- *Die Messzelle selbst basiert auf robotergestützten absoluten Messungen und nutzt die großen **Messvolumen** von Hexagons Laser-Tracker- und 3D-Laserscanner-Technologie.*

В процессе дефиниционного анализа слова *der Umfang* были выявлены семы, входящие также и в значение слова *das Volumen*. Однако, как следует из представленной ранее таблицы, когнитивным признаком, обуславливающим использование именно слова *der Umfang*, является представление о границах, охватывающих описываемую совокупность. Согласно рефлексивному анализу семного состава встретившихся в выборке определяющих слов лексема *der Umfang* соединяется с языковыми компонентами, указывающими на совокупность, объем материальных объектов или процессов (*der Bestellumfang, der Funktionsumfang*):

- *Das Master Data Management in SAP gibt den Mitarbeitenden einen eindeutigen und vollständigen Einblick in hochwertige Informationen, etwa zu **Bestellumfang** und Umsatzvolumen.*
- *Dies hat zur Folge, dass die Komplexität in der Konstruktion und beim **Funktionsumfang** steigt.*

Дефиниционный анализ слова *die Größe* позволил выявить смысловую специфику стоящего за этим словом понятия, которая заключается в указании на выражение количественного показателя с помощью числа. Однако, как показал анализ примеров, по отношению к абстрактным объектам, как правило, реализуется количественное значение, связанное с неопределенным множеством объектов; в качестве первого компонента в этом случае выступает отвлеченное существительное, обозначающее совокупность предметов: *Treibender Faktor ist der Trend zu kleinen **Losgrößen**, vielen Varianten und dynamischen Produktlebenszyklen.*

Наряду с количественными существительными, указывающими на мощность или объем, в немецком языке существуют специфические языковые средства, используемые для выражения совокупности / множества объектов: *die Menge, die Zahl*. Исходные и результирующие данные проведенного анализа дефиниций этих лексем посредством толкового словаря [Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache] представлены в таблице ниже.

Таблица 2

Семантико-когнитивный анализ слов, указывающих на множество

Слово с количественным значением	Дефиниция	Семы	Когнитивные признаки
<i>Die Menge</i>	Gewisse, meist große Anzahl	(Большое) количество	Количественный показатель «много», неопределенность
<i>Die Zahl</i>	Anzahl, Menge	Количество, совокупность	Количественный показатель «много», неопределенность

Изучение языковых количественных показателей *die Menge* и *die Zahl*, выступающих в качестве второго компонента сложного слова, показал их семантическую близость, обусловленную наличием одинаковых когнитивных признаков (количественный показатель «много», неопределенность). Рефлексивный анализ семного состава определяющих слов позволил констатировать сочетаемость компонентов *die Menge* и *die Zahl* с абстрактными существительными-гиперонимами, указывающими на совокупность объектов:

- *In Verbindung mit Zukunftstechnologien wie Edge- und Cloud-Computing vereinfachen 5G-Netze die flexible Analyse großer **Datenmengen**, und werden damit ein Treiber für digitale Transformation der Industrie.*
- *KI wird der Vision einer vollautomatischen Fabrik den Weg ebnen, die flexibel Waren in kleinen **Produktionsmengen** herstellt — bis hin zu “Losgröße Eins”.*
- *Dies ist insofern wichtig, dass SAP aus ihrer Perspektive viel anspruchsvoller als die alte App ist (notwendige Einführung einer viel größeren **Datenzahl**).*

Также следует отметить специфическое употребление слова *die Zahl* во множественном числе. В этом случае количественный показатель обладает общим значением и указывает на различные количественные параметры. Так, например, при количественной характеристике экономических процессов данное слово номинирует количество товаров, объем полученной прибыли и т.д.:

- *Die **Geschäftszahlen** der Schweizer Maschinen-, Elektro- und Metall-Industrie (MEM-Industrie) zeigen im ersten Quartal 2021 eine deutliche Entspannung der Lage, meldet der Verband Swissem, ein Trägerverband der Innoteq. digital.*
- *Die **Exportzahlen** gehen nach oben, China plus 20 Prozent über dem Schnitt vom Covid-19.*

Другим количественным аспектом, применимым к абстрактным понятиям, является выражение знания об измеримости, проявляющееся в использовании существительного *die Messung*. Согласно словарю [Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache] данное слово определяется как “Untersuchung durch Erhebung von Daten; genaue, insbesondere zahlenmäßige, Erfassung bzw. Beschreibung”. Интерпретация сем, следующих из определения, показала наличие когнитивного признака «количественное описание». Рефлексивный анализ семного состава определяющих слов позволил заключить, что как измеримые сущности в научной сфере могут осознаваться характеристики человека и инженерных установок:

- *Dann gibt es keine Nacharbeit, sondern das passt sofort. Dazu müssen die sowieso vorhandenen Produktionsdaten, jeder macht ja **Toleranzmessungen**, gespeichert und in den Prozess transferiert werden können.*
- *Die kompakte Lösung basiert auf einem MEMS-Sensor und sorgt für eine hochgenaue **Drehratenmessung**.*

Возможность измерения абстрактного объекта немецкого инженерного дискурса проявляется также в наличии в сложном слове компонента *der Grad*, который определяется в словаре как “Stufe in einer Rangskala” [Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache]. Выявленным на основе дефиниции когнитивным признаком является «место на шкале». В качестве определяющего слова могут выступать компоненты, указывающие на динамические процессы (автоматизация, загрязнение и т. д.) и состояния (готовность):

- *Laut einer aktuellen Umfrage von ABB planen 8 von 10 Unternehmen in Europa und den USA den **Automatisierungsgrad** ihrer Fertigung zu erhöhen.*
- *Diese Bewegungskontrolle reduziert den **Verschmutzungsgrad** und somit auch den Reinigungsaufwand, was Kosten einsparen kann.*
- *Der **Reifegrad** unserer Maschinen erhöhte sich durch dieses Vorgehen spürbar.*

Таким образом, проведенный анализ дефиниций показал, что основными количественными параметрами абстрактных объектов являются мощность, объем, показатель количества совокупности «много» и степень проявления признака.

Менее распространенным, но не менее важным с позиций анализа когнитивных предпосылок количественного оценивания абстрактных объектов представляется метафорический способ, отражающий наивный взгляд специалиста на мир. В процессе анализа примеров в немецком инженерном дискурсе было выявлено несколько метафорических моделей, отражающих взаимодействие количественных представлений и различных предметных сфер. Метафора в этом плане является интуитивным и одновременно рациональным способом освоения научных понятий и теорий, моделью осознания новой информации на основе имеющихся данных.

В результате декомпозиции сложных слов было установлено, что метафорическое осмысление абстрактных понятий наиболее часто встречается при выражении знаний о совокупности объектов. Исходные эмпирические данные и результаты проведенного дефиниционного анализа представлены в таблице 3.

Таблица 3

**Семантико-когнитивный анализ метафор,
указывающих на множество**

Слово с количественным значением	Дефиниция	Семы	Когнитивные признаки
<i>Die Kette</i>	Viele beweglich miteinander verbundene Glieder, die ein fest zusammenhängendes Ganzes, oft in Form eines Bandes, bilden	Наличие звеньев, связанных между собой, подвижность, единое целое	Совокупность связанных между собой компонентов, подвижность
<i>Der Stau</i>	Durch Absperrung bewirkter Stillstand und das Ansteigen von etw. Fließendem, Strömendem, besonders von Wasser	Вызванный преградой застой, наличие высокого уровня жидкости	Преграда, много жидкости
<i>Der Katalog</i>	Verzeichnis der Bücher einer Bibliothek;	Список книг	Список
<i>Das Verzeichnis</i>	Liste, Aufstellung, Register systematisch zusammengehöriger Dinge, Informationen o. Ä.	Список, наличие систематизированных вещей	Систематизированный список
<i>Der Salat</i>	Gericht oder Beilage, meist kalt serviert, verschiedenster Zusammensetzung, besonders aus kleingeschnittenem, gewürztem Gemüse oder Obst, Käse, Fleisch oder Fisch	Кулинарное блюдо, подается холодным, имеет различный состав, в составе мелко нарезанные продукты, часто состоит из овощей или фруктов, сыра, мяса или рыбы, часто приправлено	Совокупность порезанных продуктов, различный состав, различные части

Наиболее продуктивным метафорическим образом является цепь, порождающая ассоциации с многокомпонентным объектом научной сферы. Выявленные когнитивные признаки определяемого слова обуславливают его сочетаемость с номинациями различных абстрактных объектов, в частности, совокупности процессов:

- *Bosch Rexroth berücksichtigt hierfür die komplette **Prozesskette**: von der Grob- bis Feinauslegung über die Projektierung mit Preis- und Lieferinformationen bis hin zur direkten Bestellung mit vorherigem Download von CAD-Daten und Datenblättern*
- *Bei der Steuerung von Roboterarmen messen kamerabasierte **Encoder-Ketten** von mehreren Gelenken mit einem Markerpaar.*

- *Die Unternehmen nannten eine Reihe von Faktoren, die das globale Wachstum beeinträchtigen, wobei Herausforderungen in der **Lieferkette** als besonders besorgniserregend hervorgehoben wurden.*

Также с помощью образа цепи описывается невидимое глазу физическое или химическое строение материальных объектов как последовательность мельчайших частиц:

- *Es bilden sich beim Laserpolieren von Duroplasten winzige **Polymerketten**, derentwegen die Linsen den Biokompatibilitäts-Test zunächst nicht bestanden.*
- *Für Abhilfe sorgt die Bestrahlung der laserpolierten Linsen mit Elektronen, welche die gebrochenen **Molekülketten** wieder miteinander verbindet.*

Также в выборке обнаружены случаи осознания количества абстрактных объектов в образе скопления, застоя жидкости (*der Stau*). Выявленные в процессе дефиниционного анализа когнитивные признаки «преграда» и «много жидкости» обуславливают сочетаемость в сложном слове лексемы *der Stau* с номинациями отвлеченных понятий (заказ, данные):

- *Der **Auftragsstau** spiegelt nicht nur die hohe Nachfrage nach deutschen Industriewaren in den vergangenen Monaten wider, sondern auch die Schwierigkeiten der Unternehmen, die bestehenden Aufträge aufgrund des Mangels an wichtigen Vorprodukten und Rohstoffen zeitnah abzuarbeiten.*
- *Der Bedarf der Kunden nach mobilen Daten verdoppele sich praktisch jedes zweite Jahr, gleichzeitig könne die Swisscom die Kapazitäten zu wenig ausbauen. “Falls dies so bleibt, droht in nächster Zukunft ein **Datenstau**”, warnte er.*

Достаточно часто в немецком инженерном дискурсе количество осмысливается посредством метафорической модели «много-каталог», основанной на ассоциации с библиотечным каталогом, состоящим из множества поименованных карточек и ящиков, расположенных в определенном порядке. Когнитивный признак «список» лежит в основе выбора абстрактных объектов, номинации которых входят в сложные слова; это могут быть объекты собирательного типа, включающие в себя конкретные и абстрактные наименования — гиперонимы (*Lieferanten, Daten, Produkt, Maßnahmen*):

- *Effiziente Beschaffung durch direkten Zugriff auf **Lieferantenkataloge**.*
- *Ein **Datenkatalog** ist eine detaillierte Bestandsaufnahme aller Datenbestände in einem Unternehmen, die Datenfachleuten dabei hilft, schnell die am besten geeigneten Daten für jeden analytischen oder geschäftlichen Zweck zu finden.*

- *Pünktlich zum Frühjahr veröffentlicht der Antriebsspezialist Maxon den **Produktkatalog** 2022/2023 mit 592 Seiten. In ihm präsentieren sich interessante Neuheiten. Ein Highlight daraus? Die strahlenresistenten GAMA-Encoder.*
- *Die Unternehmen beugen selbst mit einem breiten **Maßnahmenkatalog** gegen kommende Steuersenkungen und andere finanzielle Unterstützung liegen mit 36 Prozent auf Platz 2 der Rangliste.*

Аналогичным образом при номинации многокомпонентного абстрактного объекта в сознании носителя языка возникает ассоциация с систематизированным списком, знания о котором фиксируются с помощью существительного *das Verzeichnis*:

- *Welche Komponente ist verbaut? Ist die Doku aktuell? Wo finden sich Seriennummer, das **Fehlermeldungen-Verzeichnis** oder technische Spezifikationen?*
- *Bei einer virtuellen Inbetriebnahme reagiert das Simulationsmodell sehr detailgetreu auf eventuelle Konfigurationsfehler, da die Firmware-Simulationsmodelle das **Objektverzeichnis** des realen Antriebsreglers enthalten.*

В следующей метафорической модели для указания на количество используется образ салата. Основными когнитивными признаками стоящего за словом *der Salat* понятия являются: «совокупность порезанных продуктов», «различный состав», «различные части». Данные признаки способствуют осознанию номинированного определяющим словом объекта как разнообразного по составу, состоящего из различных частей: *Die bisher größte Auswirkung von Tableau auf unsere Organisation besteht darin, dass wir unseren **Datensalat** jetzt besser verstehen und verwalten können, und dass wir unsere Daten in aussagefähiger Weise aufbereiten können.*

Таким образом, проведенный анализ средств выражения знаний человека о количественной стороне абстрактных объектов в составе субстантивного термина позволил сформулировать следующие положения.

Когнитивная значимость формирования и использования таких терминов заключается в сегментации действительности, благодаря которой абстрактный объект мысли осознается как отдельная, выделенная сознанием сущность, концептуализация которой предполагает в том числе языковую фиксацию ее количественного аспекта. В этом плане рассмотренные термины представляют собой выраженный в языке синтез знания об объекте и его характеристиках, своеобразную модель осознания абстракций, которые могут быть описаны в соответствии с различными количественными параметрами, среди которых мощность, объем, неопределенный показатель совокупности «много», степень прояв-

ления признака. Наряду с буквальными языковыми средствами высокую значимость показали метафорические номинации. Проведенный анализ позволил сделать вывод о когнитивной близости сферы количества и потенциально делимого множества, что свидетельствует о наличии общей системы ассоциаций, обеспечивающей когнитивное взаимодействие между автором языкового сообщения и реципиентом.

Номинативный потенциал рассмотренных субстантивных терминов определяется возможностью называния процессуальных, собирательных, отвлеченных и собственно абстрактных понятий вместе с их количественными параметрами. Правила применимости этих параметров к тому или иному абстрактному объекту обусловлены когнитивными признаками стоящих за словом понятий. Численный перевес прямых номинаций по отношению к метафорическим обусловлен спецификой инженерного дискурса, связанной с потребностью «сухого» и недвусмысленного выражения фактических данных.

Коммуникативный потенциал рассмотренной группы субстантивных терминов заключается в возможности конструирования аналогичных понятий и слов по мере необходимости, а также в возможности концентрации внимания слушающего на количественной стороне абстрактного объекта.

Заключение

Инженерная коммуникация занимает значимое место в современном дискурсивном пространстве науки и обладает характеристиками институционального дискурса. Цель общения, заключающаяся в получении и передаче нового знания, а также другие экстралингвистические факторы научной коммуникации (обстоятельства события, оценка его участников, предмет коммуникации) в значительной степени влияют на языковое оформление появляющихся в данной сфере текстов. Инженерный дискурс в этой связи может быть рассмотрен как возникший в рамках единой информационной сферы моносоциумный язык «посвященных», характеризующийся наличием специальной терминологии.

Зачастую термины инженерного дискурса имеют субстантивную форму и обозначают объекты мысли, к которым относятся отвлеченные процессуальные, призначные и собирательные понятия, а также мысленно постигаемые сущности научной сферы, сконструированные сознанием. Названные элементы научного мира образуют сферу абстракций, поскольку являются необозримыми в их целостности либо недоступными для эмпирического опыта человека. Именно языковое означивание абстрактных элементов мира обуславливает возможность существования подобных понятий в мышлении и языке.

С помощью семантико-когнитивного анализа были проанализированы буквальные и метафорические средства выражения количественного аспекта абстрактного понятия в рамках сложного слова-термина. Когнитивный потенциал таких языковых построений заключается в осознании абстрактного объекта как выделенной сознанием и номинированной сущности, обладающей такими параметрами, как мощность / объем, неопределенный показатель множества, степень проявления. Наличие большого количества таких сложных слов позволяет говорить о существовании модели осознания абстрактной сущности в совокупности с ее количественной характеристикой. Номинативный потенциал рассмотренных субстантивных терминов заключается в способности таких слов выступать в качестве своеобразной компактной «упаковки» для идей, в том числе сложно постижимых. Обладая количественным значением, рассмотренные языковые средства имеют различные сферы применения: как к отвлеченным объектам (процессуальным, призначным, собирательным), так и к абстрактным объектам научного поиска. С коммуникативной точки зрения использование субстантивных наименований абстрактных объектов с количественным компонентом в инженерном дискурсе открывает перспективы, связанные с акцентированием внимания на количественной стороне процесса научного поиска, а также с детализацией знаний об объектах, недоступных непосредственному наблюдению.

Библиографический список

Авдеева И. Б. Инженерная коммуникация как самостоятельная речевая культура: когнитивный, профессиональный и лингвистический аспекты (теория и методика обучения русскому языку как иностранному). М., 2005.

Авдеева И. Б. Инженерный дискурс в рамках коммуникативно-когнитивной парадигмы // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 2 (21).

Белоусова А. Р. Сложные субстантивные терминологические словосочетания в языке английской литературы // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук. М., 2020.

Дейк Т. А. ван. Критический анализ дискурса // Перевод и лингвистика текста. М., 1994.

Демьянков В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста // Методы анализа текста. М., 1982. Вып. 2.

Дюмон Н. Н. Понятия «научный текст» и «научный дискурс» в лингвистических исследованиях // Альманах современной науки и образования. 2008. № 8-1.

Карамова А. А. Типологический аспект дискурса // Культура и цивилизация. 2017. № 1 (7).

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.

Комарова Л. Н. Структурно-композиционные и языковые особенности научного текста // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. 2016. № 3 (9).

Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М., 2006.

Мишанкина Н. А. Метафора в науке: парадокс или норма? Томск, 2010.

Мордovina Т. В., Воякина Е. Ю., Королева Л. Ю. Научный дискурс через призму социолингвистического подхода и когнитивной лингвистики // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2 (75).

Степин В. С., Новоселов М. М., Розов М. А., Голдберг Ф. Н. Абстракция. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7008>

Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М., 2010.

Чернобров А. А. Типы и жанры дискурса в лингвистике и философии языка // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2 (10).

Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/>

Список источников

Der Maschinenbau. URL: <https://der-maschinenbau.de/>

Technik und Wissen. URL: <https://www.technik-und-wissen.ch/>

References

Avdeeva I. B. *Inzhenernaya kommunikatsiya kak samostoyatel'naya rechevaya kul'tura: kognitivnyy, professional'nyy i lingvisticheskiy aspekty (teoriya i metodika obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu)*. [Engineering Communication as an Independent Speech Culture: Cognitive, Professional and Linguistic Aspects (Theory and Methods of Teaching Russian as a Foreign Language)]. Moscow, 2005.

Avdeeva I. B. *Inzhenernyy diskurs v ramkakh kommunikativno-kognitivnoy paradigm*. [Engineering discourse in communicative-cognitive paradigm limits]. In: *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. [Scientific bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Construction. Series: linguistics and intercultural communication]. 2016. No. 2 (21).

Belousova A. R. *Slozhnye substantivnye terminologicheskie slovosochetaniya v jazyke anglijskoj literatury*. [Complex substantive terminological phrases in the language of English literature]. In: *Aktual'nye problemy sotsial'no-gumanitarnykh nauk*. [Contemporary issues of social and humanitarian sciences]. Moscow, 2020.

Dejk T. A. van. *Kriticheskij analiz diskursa*. [Critical discourse analysis]. In: *Perevod i lingvistika teksta*/ [Translation and text linguistics]. Moscow, 1994.

Dem'yankov V. Z. *Anglo-russkie terminy po prikladnoy lingvistike i avtomaticheskoy pererabotke teksta*/ [English-Russian terms in applied linguistics and automatic text processing]. In: *Metody analiza teksta*. [Text analysis methods]. Moscow, 2020. Iss. 2.

Dyumon N. N. *Ponyatiya "nauchnyy tekst" i "nauchnyy diskurs" v lingvisticheskikh issledovaniyakh*. [The concepts "scientific text" and "scientific discourse" in linguistic research]. In: *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. [Almanac of modern science and education]. 2008. No. 8-1.

Karamova A. A. *Tipologicheskiy aspekt diskursa*. [Discourse: a typological aspect]. In: *Kul'tura i tsivilizatsiya*. [Culture and civilization]. 2017. No 1 (7).

Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs*. [Language Circle: Person, Concepts, Discourse]. Moscow, 2004.

Komarova L. N. *Strukturno-kompozitsionnye i yazykovye osobennosti nauchnogo teksta*. [Structural-compositional and linguistic features of a scientific text]. In: *Aktual'nye napravleniya nauchnykh issledovaniy: ot teorii k praktike*. [Relevant lines of scientific research: theory and practice]. 2016. No. 3 (9).

Leychik V. M. *Terminovedenie: predmet, metody, struktura*. [Terminology: subject, methods, structure]. Moscow, 2006.

Mishankina N. A. *Metafora v nauke: paradoks ili norma?* [Metaphor in science: paradox or norm?]. Tomsk, 2010.

Mordovina T. V., Voyakina E. Yu., Koroleva L. Yu. *Nauchnyy diskurs cherez prizmu sotsiolingvisticheskogo podkhoda i kognitivnoy lingvistiki*. [Scientific discourse through the prism of the sociolinguistic approach and cognitive linguistics]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. [The world of science, culture, education]. 2019. No. 2 (75).

Stepin V. S., Novoselov M. M., Rozov M. A., Goldberg F. N. *Abstraktsiya*. [Abstraction]. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7008>

Cherneyko L. O. *Lingvofilosofskiy analiz abstraktnogo imeni*. [Linguo-philosophical analysis of an abstract name]. Moscow, 2010.

Chernobrov A. A. *Tipy i zhanry diskursa v lingvistike i filosofii yazyka*. [Types of discourse in linguistics and philosophy of education]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. [Bulletin of Novosibirsk State University]. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2012. No. 2 (10).

Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/>

List of sources

Der Maschinenbau. URL: <https://der-maschinenbau.de/>

Technik und Wissen. URL: <https://www.technik-und-wissen.ch/>

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ТЕОЛОГИИ И ЕГО СПЕЦИФИКА

М. С. Богославцева, Л. И. Миляева

Ключевые слова: теологический дискурс, религиозный дискурс, модус дискурса, теологическая терминология, денотативное значение, коннотативное значение.

Keywords: theological discourse, religious discourse, mode of discourse, theological terms, denotation, connotation.

DOI 10.14258/filichel(2023)2–02

В наше время английский язык все более распространен в теологической среде и становится международным языком теологии. Книги со всего мира издаются на английском языке и лишь затем переводятся на другие языки. Для многих людей из неанглоговорящих стран, интересующихся или изучающих теологию, полезно уметь читать и, по возможности, говорить на английском языке, чтобы вступать в плодотворные диалоги в кросс-культурных контекстах.

Английский язык теологии — это специфическая сфера. Теологический язык и теологический, или религиозный, дискурс говорят нечто такое, о чем никакой иной дискурс не говорит [Porter, 1996, p. 17].

Целью статьи является выявление общих особенностей англоязычного теологического дискурса, а также определение и классификация модусов теологического дискурса.

Авторы статьи поставили перед собой следующие задачи:

- 1) описание контрастивных подходов к терминам «религиозный дискурс» и «теологический дискурс»;
- 2) исследование лексического состава английского языка теологии с целью выявления лексических единиц, придающих специфические значения, присущие указанному типу языка;
- 3) анализ и выявление специфических особенностей модусов теологического дискурса.

Материалом для изучения стали религиозные тексты и тексты религиозно-исторической тематики. Предметом исследования являются лексические, синтаксические, стилистические и экстралингвистические особенности англоязычного теологического дискурса.

Как и в случае с самим термином «дискурс», который по-разному определяется лингвистами [Адащик, Ширяева, 2022, с. 17], существуют столь же многочисленные подходы к терминам «религиозный дискурс»

и «теологический дискурс», более того, не существует даже единого мнения о том, следует ли разграничивать эти понятия или это один тип дискурса [Демина, 2021, с. 216].

В. И. Карасик рассматривает религиозный дискурс в рамках институционального типа дискурса, и, соответственно, при таком подходе рассматривается лишь общение (устное и письменное) между религиозным институтом — церковью и ее прихожанами [Карасик, 2002, с. 319]. Однако подобная трактовка религиозного дискурса представляется слишком узкой, так как не включает в себя язык теологии вне рамок институционального дискурса.

Е. Е. Анисимова определяет религиозный дискурс как «совокупность коммуникативных действий, событий, текстов, относящихся к предметной области „религия”, целью которых является: общение человека с Богом; взаимодействие верующих для сохранения, передачи религиозного знания, организации внутрицерковной жизни; поддержание отношений церкви с обществом и распространение веры среди неверующих» [Анисимова, 2019, с. 14]. Представленное определение является более широким, но оно также учитывает лишь религиозную принадлежность коммуникантов. В связи с этим авторы статьи согласны с Ю. В. Романченко, которая выделяет в рамках религиозного дискурса дискурс теологический, представленный несколькими уровнями коммуникации: популярная теология и теолого-теоретический уровень. Соответственно, выделяются две когнитивно-коммуникативные модели в рамках указанного дискурса — общение между теологами / нетеологами и теологами / теологами [Романченко, 2006, с. 128].

С древнейших времен люди поняли, что существует уникальная проблема, связанная с теологическим языком: он претендует говорить о «чем-то», что по определению не может быть выражено словами. Использование языка в других сферах в значительной степени основано на том, что доступно человеческому опыту или человеческой способности к рассуждению. Тем не менее у людей вообще, и у верующих в частности, существовала потребность использовать язык, выражающий нечто недостижимое. Возникают вопросы: что подразумевается под теологическим языком, как такой язык может передать значение и как нам интерпретировать его?

С чисто религиозной точки зрения, теологический язык может быть понятным только в сообществе верующих людей, когда оно (сообщество) приходит к «опыту живой веры», который затем выражается в первичном религиозном языке или дискурсе. Такой религиозный «язык» может быть вербальным и невербальным. К вербальным средствам относятся,

к примеру, молитвы, гимны, писания (нарративы, пророчества, законы, пословицы, мудрые высказывания), литургические формулы. К невербальным средствам относятся: обряды, ритуалы, образы, символы, искусство, музыка и т.д. Как отмечает Е. В. Бобырева, отличие религиозного дискурса от других состоит в том, что в нем невербальная составляющая играет большую, а иногда и превалирующую над вербальной, роль. Поэтому, в то время как другие типы дискурса перестают существовать без слов, религиозный дискурс остается [Бобырева, 2009, с. 55]. Первичные выражения веры, переведенные в концептуальную форму с помощью умозрительной философии, и рефлексия на эти первичные выражения и составляют теологический язык или дискурс [Ramsey, 2011, p. 30].

Для глубокой интерпретации теологических текстов необходимо учитывать специфические характеристики текстов, относимых к теологическому дискурсу.

Авторы в своей статье хотят отметить две области языка, а именно лексический состав и модусы дискурса, которые прокладывают путь к пониманию того, как дискурсивная ситуация создает и передает значение. Конечно, язык, используемый теологами, по большей части тот же, что используется всеми, — это касается и словарного состава, и регулирующих их использование грамматических правил. Но именно функционирование теологического вокабуляра и модусов теологического дискурса дает понимание проблемы значения.

В лексическом составе английского языка теологии нами были выявлены следующие пласты: слова, приобретающие специфическое значение в теологическом контексте; религиозные и теологические терминологические единицы; существительные, обретающие дополнительные коннотации в теологическом дискурсе; библеизмы.

Первый пласт — значения слов, свойственные им только в теологическом дискурсе. Учитывая сложность употребления языка для выражения «невыразимого», как нам интерпретировать теологический язык? Лингвисты сегодня едины во мнении, что значение слов и предложений может быть понято по тому, как они используются в специфических дискурсивных ситуациях. Иначе говоря, выбор определенных языковых средств (вокабуляр, синтаксис, структура текста и т.д.) делается группой людей, связанных с особой областью. У некоторых слов есть значения, специфичные для какой-то определенной дисциплины. Этот аспект использования языка, когда значение зависит от контекста или дискурсивной ситуации, особенно значим в области религиозного или теологического языка.

Так, согласно словарям, слово *autograph* (автограф) в современном английском языке имеет только значение “*a famous person's signature (= their name written by them), especially when somebody asks them to write it for them to keep*” (подпись известного человека (= имя человека, написанное им самим), особенно когда его просят поставить ее на память) [Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. 2010]. Однако в английском языке теологии оно имеет совершенно другой смысл — “*an original writing of a biblical document. The original manuscript written*” (оригинальный библейский текст) [Slick M. Dictionary of Bible Terms]. Аналогично слово *rapture* (восторг) в толковом словаре определяется только как “*a feeling of extreme pleasure and happiness*” (чувство наивысшего удовольствия и счастья) [Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. 2010], а в словаре библейских терминов как “*the teaching that those Christians who are alive at the beginning, middle, or end of the tribulation period will be transformed (resurrected) and caught up to meet the Lord Jesus in the clouds*” (восхищение церкви — учение о том, что лишь христиане, живущие в начале, середине и конце периода бедствий, воскреснут и вознесутся на небеса для встречи с Господом Иисусом Христом) [Slick M. Dictionary of Bible Terms]. Слово *revelation* (божественное откровение) в повседневной жизни значит *a fact that people are made aware of, especially one that has been secret and is surprising* (факт, о котором узнали люди, особенно скрытый и неожиданный), а в теологическом контексте — *something that is considered to be a sign or message from God* (божественное откровение — что-то, что считается знаком свыше или божественным посланием) [Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. 2010].

Помимо слов, меняющих свое значение в зависимости от специфики дискурсивной ситуации, в составе английского языка теологии имеются также особые терминологические единицы, свойственные только этому дискурсу. Среди них есть как общехристианские термины *testament* (завет), *Crucifixion* (распятие), *the Ascension* (вознесение), *baptism* (крещение), так и термины, используемые в православии, — *Theotokos* (Богородица), *Central Church Chandelier* (паникадило), *Iconostasis* (иконостас), *Soleas* (солея). Изучение соответствующей терминосистемы является обязательным для понимания текстов теологической направленности.

Еще одной отличительной чертой лексического состава теологического языка является то, что теологи типично используют имена существительные (например, *faith* — вера, *salvation* — спасение, *grace* — благодать и т. д.), имеющие многочисленные коннотации. Слова — имена существительные могут передавать значение двумя способами: пу-

тем ссылки на что-то специфическое в человеческом опыте (однозначным или денотативным способом) и/или интерпретативной способностью ассоциации, которая опирается на общекультурный опыт (путем коннотации).

В ситуации теологического дискурса слова — имена существительные (а также их производные, например, *salvation* — спасение, *to save* — спасать) имеют склонность функционировать в более коннотативном или неоднозначном аспекте, чем в нетеологическом дискурсе. В области теологии имя существительное *cross* — крест может означать специфический инструмент казни, который использовался в Римской Палестине, или оно может сообщать мирской спектр значений посредством его коннотаций. Например, в предложении: *On Saturday, the day after the crucifixion of the Lord, His disciples and followers were filled with gloom, for they had seen their Lord and Master die, crucified on a cross* (В субботу, на следующий день после распятия Господа, его ученики и последователи были преисполнены печали, поскольку они видели, что их Господь и Учитель умер, распятый на кресте) (Православие. Ru) слово *cross* (крест) используется в денотативном значении — крест как инструмент казни. А в предложении *The Cross may take one of many different shapes, generally according to the national tradition of a particular local Church* (Крест может быть разной формы, обычно согласно национальной традиции, принятой в определенной местной церкви) (Church Building) это же слово обозначает символ христианства.

Это опосредованное использование языка в попытке рассказать о том, что находится вне человеческого разума, простирается и на модус текста, или на «то, как конструируются теологические предложения и аргументы» (“the way in which theological sentences and arguments get constructed”) [Macquarrie, 1994, p. 124].

Описывая лексическую составляющую теологического дискурса, необходимо отметить также библеизмы, т. е. фразеологизмы, истоком которых является Библия. Для многих людей сегодня библеизмы потеряли связь с религиозным контекстом и являются общеупотребительными. Этот факт отмечается в «Словаре лингвистических терминов», где «библеизм» определяется как «библейское слово или выражение, вошедшее в общий язык» [Ахманова, 1969, с. 66].

Другой областью теологического дискурса, требующей детального анализа, являются модусы.

В лингвистике на данный момент нет общего, разделяемого всеми мнения о том, что же такое модус дискурса. Более того, нет также общего мнения о том, какой термин — модус или модальность — следу-

ет употреблять [Копытов, 2012, с. 6]. А. А. Кибрик с оговоркой, что термин «модус дискурса» в современной лингвистике трактуется учеными по-разному, определяет модус как канал передачи информации и выделяет, соответственно, устный, жестовый, мысленный и письменный модусы, а также несколько субмодусов [Кибрик, 2009, с. 3]. В. И. Карасик в рамках институционального подхода к исследованию дискурса говорит об эмоционально-стилевом модусе, или тональности общения. Такой подход позволяет вести речь о серьезном, юмористическом, обычном, ритуальном, информативном и фасцинативном типах дискурса [Карасик, 2015, с. 74].

В данной статье мы опираемся на работы Т. В. Шмелевой, разграничившей понятия модальность и модус [Шмелева, 2008, с. 142–143] и выделившей такие характеристики модуса, как его имплицитность и обладание такими языковыми средствами, как грамматические формы, особые лексемы и ряд конструкций [Шмелева, 1994, с. 25]. Ученый уподобляет модус струнному инструменту, где каждая струна — категория модуса. Зная значение каждой струны, т. е. категории, можно с большей точностью определить скрытые намерения автора текста [Шмелева, 1994, с. 25].

Теологи обычно пользуются одним или более модусами дискурса, которые совместно сообщают их значение. Британский теолог Джон Маккуорри (John Macquarrie) дает следующее определение модуса дискурса: „...mode of discourse refers to the way in which writers construct sentences and arguments, and how they use language to convey the meaning they intend in the particular discourse situation” (модус дискурса относится к способу, с помощью которого пишущие строят предложения и аргументацию, и к тому, как они используют язык для того, чтобы передать то значение, которое нужно, в определенной ситуации дискурса) [Macquarrie, 1994, p. 124]. Среди модусов теологического дискурса Маккуорри выделяет мифический, символический, экзистенциальный, онтологический, метафизический, авторитарный, эмпирический и парадоксальный и т. д. [Macquarrie, 1994, p. 130]. Каждый из этих модусов обладает своими характеристиками, зная которые легче понять значение, заложенное в теологическом тексте. Эти характеристики не схожи с категориями, выделенными Шмелевой [Шмелева, 1994, с. 25], но ее аналогия со струнами остается верной: зная специфические характеристики каждого из модусов теологического дискурса, можно быть готовым к тому, что он передает значение не так, как повседневный язык, что, в свою очередь, гарантирует лучшее понимание текста.

Рассмотрим некоторые модусы теологического дискурса и их характеристики. Основная характеристика символического модуса — исполь-

зование стилистических языковых средств, главным образом метафор. Мифический модус характеризуется использованием слов, передающих действие сверхъестественных персонажей с помощью экспрессивных слов с коннотативным значением, нелогичностью, отдаленностью по времени, значимостью для религиозного сообщества. Метафизический модус использует лексику и концепты, свойственные философии (сущность, бытие, субъект, объект, рациональный и т. п.). Экзистенциальный модус, связанный с философским течением экзистенциализма, или философией существования, использует слова и фразы, описывающие человеческий опыт (прощение, успех, неудача, вина, любовь, горе и т. п.). Тексты, использующие эмпирический модус, приводят эмпирические данные и факты, которые можно подтвердить.

Мифический модус дискурса не очень часто используется современными теологами, но поскольку основополагающий религиозный текст — Библия — написан в основном в данном модусе, разберем его на примере из Книги Бытия (3:1–8). Возьмем отрывок, в котором Змей искушает Еву в Эдемском саду (King James Bible).

Первой характеристикой мифического модуса является присутствие слов, передающих движение / язык действия (*language of action*). В указанном отрывке можно найти следующие действия: разговор Змея с женщиной; женщина сорвала плод, вкусила его, дала мужу; неожиданное осознание; они скрылись от Бога. Сверхъестественными персонажами данного мифа являются Змей (*Serpent*) и Бог (*God*).

Среди слов с экспрессивным или коннотативным значением можно выделить такие, как: вкушать (*ate*) — ведь поедание плода здесь описывается как процесс обретения новых знаний; дерево познания (*tree which is in the midst of the garden*) — дерево не является источником знаний; умирать (*die*); открылись глаза (*the eyes of them both were opened*) — не в буквальном смысле, а как метафора пришедшего осознания; знать (*know*); осознание собственной наготы (*they knew that they were naked*); услышали глас Бога (*they heard the voice of the Lord God*).

Логика повествования отличается от повседневной жизни: змеи не разговаривают; вкушение плода не дает знаний; Бог не гуляет в саду, т. е. текст можно описать как нелогичный. Отдаленность по времени проявляется в том, что события описываются как отдаленные от читателя по времени и местоположению. Что касается значимости для религиозного сообщества, данную характеристику не найти в самом тексте, но можно предположить, что столь длительное использование людьми библейских текстов демонстрирует воспитывающую функцию мифа и его роль в формировании ценностей.

Символический модус характеризуется широким использованием слов и выражений с непрямым значением (включая стилистические средства, такие как метафоры), а также использованием символов и аналогий. Данный модус, в отличие от мифического, применяется и в наше время. Так, в энциклике *Redemptor Hominis* Папы Иоанна Павла II можно найти некоторые черты символического модуса. Описывая творческую неутомимость, присущую человеческому духу, Понтифик говорит: “*In this creative restlessness beats and pulsates what is most deeply human — the search for truth, the insatiable need for the good, hunger for freedom, nostalgia for the beautiful, and the voice of conscience*” (В этой творческой неутомимости бьется и пульсирует исконно присущее человеку — поиск истины, неутолимая жажда добра, жажда свободы, ностальгия по прекрасному и голос совести) [John Paul II. *Redemptor Hominis*. 1979]. В приведенном предложении слова и фразы “*insatiable need*”, “*hunger for*”, “*voice of conscience*”, “*beat*”, “*pulsate*” используются в переносном значении, ведь человек физически не испытывает неутолимую жажду и голод, когда ему хочется добра или ощущения свободы; у совести нет голоса; а духовные потребности человека, в отличие от физиологических ощущений, не могут «биться» и «пульсировать» в нем.

Далее в тексте энциклики говорится о том, что церковь стремится увидеть человека «глазами самого Иисуса Христа» (“*to see man...with the eyes of Christ himself*”), хотя у церкви нет глаз, которыми она может смотреть. Институт церкви описывается как “*the guardian of a great treasure*” (хранитель величайшего сокровища), где под «сокровищем» подразумевается человечность.

Характер символического модуса таков, что метафорический перевод англоязычного теологического текста на русский язык требует использования дополнительных языковых средств или иного набора языковых средств для правильной передачи значений в конкретной дискурсивной ситуации. Так, в указанной энциклике мольбы к Святому Духу включают призывы: “*heal our wounds*” (буквально — «исцели наши раны», подразумевается — «исцели наши духовные раны»), “*on our dryness pour your dew*” (буквально — «покрой своей росой нашу сухость», подразумевается — «утоли нашу духовную жажду»), “*wash the stains of guilt away*” (буквально — «смой пятна вины», подразумевается — «омой меня от беззакония моего»), “*bend the stubborn heart*” (буквально — «согни упрямое сердце», подразумевается — «смири непокорное сердце»), “*melt the frozen*” (буквально — «разморозь покрытых льдом», подразумевается — «растопи лед души»), “*warm the chill*” (буквально — «согрей замерзших», подразумевается — «умягчи бесчувственные сердца»), “*guide the steps that go*

astray» (буквально — «направь шаги, сбившиеся с пути», подразумевается — «направь заблудших на путь праведный»).

Также встречаются такие фразы, как: “*to give birth to [so many forms of insatiability in the human heart]*” («порождать [ненасытность человеческого сердца]») и “*appeal ... seems be bearing fruit*” («кажется, обращение приносит плоды»), где «ненасытность человеческого сердца» и «принести плоды» имеют символический смысл.

Следующим модусом теологического дискурса является метафизический. Поскольку метафизический модус во многом опирается на терминологию общей философии, его основная характеристика — это присутствие абстрактных существительных и фраз, обозначающих отвлеченные понятия. На протяжении многих веков именно данный модус был основным в теологических трудах. Однако и в наши дни теологи используют его в своих произведениях.

Так, немецкий теолог, профессор Мюнхенского университета Вольфхарт Панненберг (Wolfhart Pannenberg) в первом томе своей трилогии “*Systematic Theology*” рассматривает вопрос о сущности и существовании Бога и использует следующие лексические единицы, свойственные метафизическому модусу: “*essence*” («сущность»), “*existence*” («существование»), «бытие»), “*rationaly know*” («рационально знать»), “*perfection*” («совершенство»), “*unity*” («единство»), “*being*” («существо»), “*infinity*” («бесконечность»), “*knowledge*” («знание»), “*independence*” («независимость»), “*goodness*” («благость»), “*omnipotence*” («всемогущество») [Pannenberg, 2010, pp. 347-349].

Использование указанных выше слов оправдано самой тематикой текста — в своей работе автор рассматривает метафизические вопросы.

Экзистенциальный модус, как и экзистенциализм, или философия существования, описывает существование человека в мире и его переживания. Как и в случае с метафизическим модусом, тексты, написанные в экзистенциальном модусе, используют абстрактные существительные, но фокусируются не на универсальных отвлеченных понятиях, а на словах, описывающих опыт человека.

Профессор Элизабет Дрейер (Elizabeth A. Dreyer) в заключении к книге «*Manifestations of Grace*», говоря о различных аспектах прощения, использует следующие абстрактные существительные, описывающие чувства, поведение и опыт человека: “*acceptance*” («принятие»), “*forgiveness*” («прощение»), “*success*” («успех»), “*failure*” («неудача»), “*death*” («смерть»), “*despair*” («отчаяние»), “*fear*” («страх»), “*slavery*” («рабство»), “*literalism*” («буквализм»), “*legalism*” («фарисейство»), “*beauty*” («красота»), “*joy*” («радость»), “*communication*” («общение»), “*communion*” («общ-

ность»), “love” («любовь»), “courage” («храбрость»), “dignity” («достоинство»), “brokenness” («беспомощность») [Dreyer, 1990, p. 238].

В текстах эмпирического модуса содержатся утверждения, которые можно каким-то образом подтвердить, например с помощью наблюдения. Хотя предметом изучения теологии являются вопросы, связанные с духовной сферой человека, которые, как правило, не могут быть подтверждены фактами с научной точки зрения, теология связана и со сферой человеческого опыта, который приобретается эмпирически.

Теолог и философ Джон Маккуорри в середине XX века определил пять областей, в которых в теологии применяется эмпирический модус [Macquarrie, 1994, p. 232]:

- естественная теология, чья задача постичь природу Бога с помощью разума и опыта человека;
- определенные эмпирические факты об Иисусе Христе как исторической личности;
- для выражения определенного понимания «чудес» и «пророчеств», относящихся к действиям Бога в мире;
- для описания религиозного опыта отдельных личностей;
- наблюдаемые конкретные результаты веры в жизни различных людей и сообществ.

В наше время эмпирический модус используется и для описания актуальных глобальных проблем, которые попали и в поле зрения теологов. Так, австралийский теолог Дэнис Эдвардс (Denis Edwards) поднимает тему экологии в теологии (эко-теологии). Для описания проблем влажных тропических лесов он приводит следующие эмпирические факты и высказывания: “...the destruction of the rain forests is an issue for the global community” (уничтожение влажных тропических лесов является проблемой для мирового сообщества), “forests are being cleared for agriculture and grazing, burned, cut for lumber, and flooded for dams and hydroelectric power” (леса уничтожаются для сельскохозяйственных нужд и пастбищ, сжигаются, вырубаются и затопляются для дамб и гидроэлектростанций), “seventeen million hectares of forest are destroyed each year” (семнадцать миллионов гектаров леса уничтожаются каждый год), “in one year, an area the size of Austria is cleared of forest” (за один год уничтожается площадь леса, сопоставимая по размерам с Австрией), “The Amazon basin, with its 2.1 million square miles of rain forest, has by far the biggest part of the world’s 2.9 million square miles of rain forest” (В бассейне реки Амазонки с 2,1 миллиона квадратных миль влажных тропических лесов в настоящее время находится большая часть из 2,9 миллиона квадратных миль мировых тропических лесов) [Edwards, 2005, pp. 4-5].

Подводя итоги, можно отметить, что наиболее специфичными характеристиками английского языка теологии являются следующие аспекты теологического дискурса:

- 1) лексические особенности теологических текстов — лексические единицы, имеющие различные значения в теологическом и общепотребительном языках, термины, библеизмы и слова, отличающиеся коннотативным значением;
- 2) семантико-синтаксические особенности теологических текстов — особые характеристики, отличающие различные модусы дискурса.

Библиографический список

Адащик Д. Н., Ширяева Т. А. Таксономия исследований по дискурсивному анализу в современной лингвистике // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2022. № 15.

Анисимова Е. Е. Религиозный дискурс: функциональный и антропологический аспекты. М., 2019.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.

Бобырева Е. В. Характеристики религиозного дискурса // *Lingua Mobilis*. 2009. № 3 (17).

Демина Д. А. Теологический дискурс как особый тип дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 8 (850).

Карасик В. И. Интерпретация дискурса: топик, формат, модус // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 1 (96).

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.

Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2.

Копытов О. Н. Модус на пространстве текста. Хабаровск, 2012.

Романченко Ю. В. О понятии «теологический дискурс» // Языковая личность — текст — дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования: материалы Международной научной конференции: в 2 ч. Ч. 1. Самара, 2006.

Шмелева Т. В. Модальность и модус // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению: сборник научных трудов, Калининград, 14–30 января 2008 года. Калининград, 2008.

Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск, 1994.

McFague S. *Metaphorical Theology: Models of God in Religious Language*. Philadelphia, 1982.

Macquarrie J. *God-Talk: An Examination of the Language and Logic of Theology*. London: Xpress Reprints, 1994.

Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Eighth edition. 2010.

Porter S. E. *The Nature of Religious Language: A Colloquium*. Sheffield, England, 1996.

Ramsey I. T. *Religious Language: An Empirical Placing of Theological Phrases*. 2011.

Slick, M. *Dictionary of Bible Terms*. URL: <https://carm.org/the-bible/dictionary-of-bible-terms-biblical/>

Источники

Портал «Православие. Ru». URL: <https://pravoslavie.ru/61204.html>.

Church building. URL: <https://www.holytrinityorthodox.com/htc/orthodoxy/what-is-the-orthodox-church/church-building/>.

Dreyer E. *Manifestations of grace*. Collegeville, MN, 1990.

Edwards D. *Jesus the wisdom of God: An ecological theology*. 2005.

John Paul II. *Redemptor Hominis*. URL: https://www.vatican.va/content/john-paul-ii/en/encyclicals/documents/hf_jp-ii_enc_04031979_redemptor-hominis.html.

King James Bible. URL: <https://www.kingjamesbibleonline.org/>.

Pannenberg W. *Systematic theology*. Vol. 1. 2010.

References

Adashchik D. N., Shiryayeva T. A. *Taksonomiya issledovaniy po diskursivnomu analizu v sovremennoy lingvistike*. [Taxonomy of research on discursive analysis in modern linguistics]. In: *Professional'naya kommunikatsiya: aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki*. [Professional communication: current issues of linguistics and methodology]. 2022. No. 15.

Anisimova E. E. *Religioznyy diskurs: funktsional'nyy i antropologicheskii aspekty*. [Religious discourse: functional and anthropological aspects]. Moscow, 2019.

Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. [The dictionary of linguistic terms]. Moscow, 1969.

Bobyreva E. V. *Kharakteristiki religioznogo diskursa*. [Characteristic features of religious discourse]. In: *Lingua Mobilis*. 2009. No. 3 (17).

Demina D. A. *Teologicheskii diskurs kak osobyi tip diskursa*. [Theological discourse as a special type of discourse]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities]. 2021. No. 8 (850).

Karasik V. I. *Interpretatsiya diskursa: topik, format, modus*. [Discourse interpretation: topic, format, mode]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. [Science Journal of Volgograd State University]. 2015. No. 1 (96).

Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs*. [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow, 2004.

Kibrik A. A. *Modus, zhanr i drugie parametry klassifikatsii diskursov*. [Mode, genre and other parameters of discourse classification]. In: *Voprosy yazykoznaneya/ [Topics in the Study of Language]*. 2009. No. 2.

Kopytov O. N. *Modus na prostranstve teksta*. [Mode in text]. Khabarovsk, 2012.

Romanchenko Yu. V. *O ponyatii "teologicheskiiy diskurs"*. [On the concept 'theological discourse']. In: *Yazykovaya lichnost' — tekst — diskurs: teoreticheskie i prikladnye aspekty issledovaniya: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. [Linguistic identity — text — discourse: theoretical and practical aspects of research: proceedings of the International scientific conference]. In 2 pts. Pt. 1. Samara, 2006.

Shmeleva T. V. *Modal'nost' i modus/ [Modality and mode]*. In: *Modal'nost' v yazyke i rechi: novye podkhody k izucheniyu: sbornik nauchnykh trudov, Kaliningrad, 14–30 yanvarya 2008 goda*. [Modality in language and speech: new approaches to research: collection of research papers, Kaliningrad, January 14–30, 2008]. Kaliningrad, 2008.

Shmeleva T. V. *Semanticheskiiy sintaksis: tekst lektsiy iz kursa "Sovremennyy russkiiy yazyk"*. [Semantic syntax: lectures]. Krasnoyarsk, 1994.

McFague S. *Metaphorical theology: Models of God in religious language*. Philadelphia, 1982.

Macquarrie J. *God-talk: An examination of the language and logic of theology*. London, 1994.

Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Eighth edition. 2010.

Porter S. E. *The nature of religious language: A colloquium*. Sheffield, England, 1996.

Ramsey I. T. *Religious Language: An Empirical Placing of Theological Phrases*. 2011.

Slick M. *Dictionary of Bible Terms*. URL: <https://carm.org/the-bible/dictionary-of-bible-terms-biblical>

List of sources

Portal "Pravoslavie. Ru"/ [Portal "Orthodoxy. Ru"]. URL: <https://pravoslavie.ru/61204.html>.

Church building. URL: <https://www.holytrinityorthodox.com/htc/orthodoxy/what-is-the-orthodox-church/church-building/>.

Dreyer E. *Manifestations of grace*. Collegeville, MN, 1990.

Edwards D. *Jesus the wisdom of God: An ecological theology*. 2005.

John Paul II. *Redemptor Hominis*. URL: https://www.vatican.va/content/john-paul-ii/en/encyclicals/documents/hf_jp-ii_enc_04031979_redemptor-hominis.html.

King James Bible. URL: <https://www.kingjamesbibleonline.org/>.

Pannenberg W. *Systematic theology*. Vol. 1. 2010.

ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ДОМИНАНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО КИНОКРИТИКА

И. Н. Клевакина, Н. В. Мельник

Ключевые слова: аксиологическая доминанта, аксиологическая языковая картина мира, лингвоперсонологическое осмысление, профессиональная языковая личность.

Keywords: axiological dominant, axiological linguistic picture of the world, linguo-personological comprehension, professional linguistic personality.

DOI 10.14258/filichel(2023)2–03

Исследование посвящено изучению аксиологических доминант рецензий на кинофильмы, особое внимание отводится их осмыслению в лингвоперсонологическом аспекте. Актуальность темы связана с интересом лингвистов к теории языковой личности и стремлению к выстраиванию междисциплинарных концепций в области аксиологической лингвистики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии. Так, В. Д. Шевченко в статье «Аксиологическая доминанта в дискурсе» [Шевченко, 2016] описывает особенности проявления аксиологем в публицистическом дискурсе, а А. В. Степанова в работе «Аксиологический аспект интернет-комментариев к фильмам» [Степанова, 2020] обращается к рассмотрению аксиологем в контексте интернет-дискурса. Мы же изучаем тексты, функционирующие на стыке публицистического дискурса и интернет-дискурса. Наша цель заключается в рассмотрении аксиологических доминант для определения их характера в текстах кинорецензий профессиональной языковой личности, в связи с чем ставится проблема классификации аксиологических доминант профессионального кинокритика.

В качестве материала исследования использовались тексты рецензий на фильмы, выполненные журналистом-профессионалом и кинообозревателем Антоном Владимировичем Долиным (А. В. Долин, 2020)*, который является типичным представителем данной сферы профессиональной деятельности. Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что профессиональная языковая личность в своих текстах акцентирует внимание на специфике подвергающегося критике фильма, отступая от первичной пресуппозиции. В представленных далее работах по пробле-

---

* Внесен в Реестр иностранных агентов.

мам аксиологической лингвистики понятия аксиологической доминанты и ценностной картины мира находятся вне контекста кинокритического дискурса, обращение к которому, как показывают результаты нашего исследования, позволяет разработать классификацию аксиологических доминант в аспекте соотношения объективного и субъективного.

При написании рецензии языковая личность транслирует в текст ценности. Объективный характер аксиологических доминант обусловлен непосредственно особенностями рецензируемого фильма, представляющего собой первичный текст, и канона кинокритики. Таким образом, характер аксиологических доминант связан с осмыслением языковой личностью кинокартины как предмета для построения дальнейших рассуждений и оценок, а также жанром кинокритики, в рамках которого ведется коммуникация. Субъективный характер детерминирован своеобразием авторской индивидуальной картины мира, которой свойственен определенный набор аксиологических доминант, неизбежно проявляющийся в текстах рецензий.

Аксиология представляет собой науку, изучающую систему ценностей, проявляющуюся посредством совокупности взаимосвязанных ценностно значимых элементов, а также их отношений с общественной и культурной сферой, отдельно взятым человеком и группой людей [Серебренникова, 2011]. Связь лингвистики и аксиологии заключается в том, что язык является средством передачи ценностных ориентаций в обществе [Маджидова, 2019], при изучении языка необходимо учитывать социальный, культурный, а следовательно, и ценностный контекст, в котором он функционирует [Серебренникова, 2015]. Концепты и ценности, связанные с культурой и общественными отношениями, выражаются в языке через специфические лексемы, словосочетания, речевые обороты [Ломоносова, 2016]. Однако необходимо учитывать, что многие ценности могут быть закодированы неявно, посредством контекста [Казыдуб, 2009].

Ценностная, или аксиологическая, картина мира строится на основе социальных и личностных аксиологических установок, определяемых усвоенными в течение жизни интеллектуальными и поведенческими моделями и принципами достижения ментальных и физических благ [Джимбева, 2016]. Аксиологическая картина мира образуется при влиянии различных как языковых, так и неязыковых элементов, определяясь идеологической, общественной, финансовой, культурной сферами существования народа [Казыдуб, 2009]. Ценностная картина мира, обусловленная опытом межличностного взаимодействия, способствует формированию социально одобряемого и предполагаемого языкового поведения [Кожина, 2011].

Аксиологическую доминанту можно разложить на две составляющие, одна из которых отсылает нас к термину «аксиологема», предложенному А.А. Кретовым [Кретов, 2016]: ученый обозначает им идею, которую языковая личность, существующая в рамках определенной языковой, социальной и культурной среды, осознает в виде неоспоримой ценности. Раскрывая вторую составляющую, отметим, что доминанта — это представляющийся наиболее значимым создателю текста элемент воспринимаемых явлений, который можно выявить исходя из интекста. Интекст, вслед за П.Х. Торопом, мы понимаем как фрагмент текста, наполненный семантически, функционал и значение которого зависят от занимаемой позиции в контексте рассматриваемого текста и взаимосвязи с первичным текстом [Тороп, 1981, с. 33–44]. В текстах кинорецензий аксиологические доминанты проявляются через систематический повтор единиц лексики.

Языковую личность, вслед за Ю.Н. Карауловым, мы определяем как комплекс качеств личности, формирующих ее способность создавать и понимать сложные языковые произведения, отличающиеся спецификой строения, отображающие реальность с различной глубиной и точностью, а также имеющие конкретную целевую направленность [Караулов, 2003, с. 48–58]. Обращаясь к понятию индивидуальной, коллективной и/или национальной языковой личности, мы ищем особенности проявления этих трех граней лингвоперсоны в созданных ею текстах [Мельник, 2011]. В настоящей статье представлены результаты лингвоперсоналогического осмысления продукта деятельности конкретной языковой личности — журналиста-кинообозревателя А.В. Долина, воплощающей как индивидуальные черты, присущие отдельному человеку, так и такие качества, которые характерны ему как представителю сообщества профессиональных кинокритиков. Установлено, что языковая личность детерминирует процесс текстопорождения [Савельева, 2020].

В работе были применены приемы когнитивного анализа; прибегнув к случайной выборке, мы рассмотрели шесть критических рецензий на фильмы: «Джокер», «Однажды в... Голливуде», «Земля кочевников», «Отец», «Еще по одной», «Паразиты». В ходе исследования были вычленены следующие виды аксиологем:

1. Группа объективных аксиологических доминант, реконструированных на основе восприятия языковой личностью анализируемого текста:

- а) аксиологемы, обусловленные сущностью вторичного текста (жанра кинорецензий): *фильм, режиссер, герои, оператор*;
- б) аксиологемы, обусловленные сущностью первичного текста (фильма как предмета анализа): *семья, коронавирус, театр, метафора*.

2. Группа субъективных аксиологических доминант, детерминированных индивидуально-авторской картиной мира, единицы которой периодически повторяются в рассмотренных текстах кинорецензий: *трагедия, ожидание, риторические вопросы, преступление*.

Аксиологическая доминанта оператора, которая логически может присутствовать в каждой из критических кинорецензий, была замечена лишь в одной из них — на фильм «Еще по одной». А. В. Долин пишет: «*Отличный норвежский оператор Стурла Брандт Гревлен прославился эффектными работами в исландском кино, но здесь будто обрел второе дыхание и новый почерк*» (А. В. Долин. «Еще по одной» Томаса Винтерберга — Драма о четырех мужчинах, которые решают пить каждый день, чтобы почувствовать себя счастливыми. 2020). Кинокритик дает характеристику оператора в общих чертах, выражая личную оценку (*отличный*), упоминая его национальную принадлежность (*норвежский*), обращаясь к его успешному опыту (*прославился эффектными работами в исландском кино*), при этом противопоставляя текущую работу предыдущим по принципу новизны (*будто обрел второе дыхание и новый почерк*) (Там же).

Поскольку первичные тексты, в роли которых выступают кинофильмы, являются художественными произведениями, аксиологическая доминанта метафоры могла бы иметь место во всех рецензиях, однако она присутствует только в рецензии к фильму «Паразиты»: «*...ограничения сатиры-притчи о классовых противоречиях и борьбе Пон Чжун Хо прекрасно осознает и волю забавляется с прямолинейными метафорами; в качестве тяжеловесной метафоры он таскает с собой бульжик, якобы приносящий удачу (разумеется, его драматургическая роль будет иной)*» (А. В. Долин. «Паразиты» Пон Чжун Хо: сюрреалистическая сатира о классовой борьбе. 2020).

Аксиологическая доминанта героев, реконструируемая в рецензиях к фильму «Джокер», проявляется в двух направлениях. К первому относится характеристика внешности героя: *цветастый грим и шутовской наряд Джокера; зеленые волосы; красный нос; подведенные синим глаза; зеленоволосый; лицо в гриме; щегольской карнавальный красный костюм; на его губах кровь* (А. В. Долин. Апелляция паяца: Антон Долин защищает фильм «Джокер». 2020). Автор делает акцент на цветовой гамме образа персонажа, поскольку она создает яркий портрет в воображении читателя, помогая тому представить облик героя как можно точнее. Ко второму проявлению аксиологемы относится характеристика внутреннего состояния героя. Рецензент демонстрирует читателю внутренний мир персонажа как совокупность нескольких образов, что позволяет раздробить данную группу на более мелкие: герой-преступник (*мой*

подзащитный; убийца; грабитель; нарушитель порядка; возмутитель спокойствия; преступник, отнюдь не в первый раз бросающий вызов закону и предстающий перед судом) (Там же), *герой-клоун (он может пошутить над другими; шутник; трагический шут; комедиант-убийца; паяц)* (Там же), *слабый герой (одинокка; пациент лечебницы для душевнобольных Аркхем; маменькин сынок; маленький человек; тряпичная кукла)* (Там же) и *сильный герой (самозванный Король Готм-Сити; он проклятие нашего славного Готэма; кумир; он больше не тварь дрожащая; он — право имеющий)* (Там же).

В рецензии на фильм «Однажды в... Голливуде» в контексте аксиологической доминанты героя представлены характеристики двух главных героев по отдельности, а также их тандема. Так, А. В. Долин пишет о Рике Далтоне: *«... звезда телевизионных вестернов; которому осточертели роли как героев, так и злодеев; актер Рик Далтон; всю жизнь профессионально притворяется; его нервная система износилась; он мечтает лишь о том, чтобы на съемочной площадке случилось настоящее перевоплощение, чтобы игра хотя бы на мгновение показалась чем-то большим, чем просто игрой; он всерьез пытается превратить смехотворный монолог усатого негодяя в шекспировский; его высшее достижение, почти подвиг»* (А. В. Долин. «Однажды... в Голливуде» с Ди Каприо и Брэдом Питтом: Квентин Тарантино выходит на новый уровень. 2020). В данных примерах автор обращает внимание на профессиональную составляющую персонажа и на психологические переживания героя, тесно связанные с карьерными амбициями. Образ второго главного героя фильма, Клиффа Бута, А. В. Долин во многом раскрывает посредством противопоставления первому: *неразлучный с Риком; его ассистент; лучший, а также единственный друг* (Там же). При описании персонажа рецензент часто упоминает его профессиональную деятельность: *шофер; каскадер; каскадер Клифф Бут* (Там же), а также особенности его стиля жизни и поведения: *Клифф — который, по слухам, убил жену; теперь живет с питбулем по имени Брэнди; за руль садится только трезвым; избегает искушений; соглашается на любую работу; всегда, даже в кровавой драке, хранит благодушное спокойствие; не допущенный на площадку за очередную драку; ничего не имитирует; никем не прикидывается; он переживает настоящее приключение* (Там же). Совместная же характеристика героев сводится к восторженной оценке их взаимоотношений и подчеркиванию общности: *двое мужчин в самом расцвете лет; на закате профессиональных сил; Приключения Рика и Клиффа; партнерство; братство; каркас, на котором держится картина; Актерский дуэт Ди Каприо и Питта <... > вышибает искру, от которой невозможно*

не вспыхнуть; мужественные; несчастные; солидарные; одинокие; фанфаронистые; комичные; они делают невероятное (Там же).

В рамках аксиологической доминанты фильма представлены упоминания лексической единицы «фильм» 27 раз, «картина» — 12, наименования кинолент фигурируют 26 раз. Стоит отметить, что данная аксиологическая доминанта в ценностной картине языковой личности представит как объект искусства — художественное произведение, а не как событийное явление. Так, в рецензии на фильм «Джокер» мы можем заметить три словоупотребления «фильм» (*из старого полузабытого фильма; немой фильм в звуковую эпоху; ваш фильм вышел через год*), дважды повторяются название фильма (*режиссер «Джокера»; «Джокер» Тодда Филлипса*) и лексема «картина» (*ваша первая документальная картина «Ненавистный»; Ваши картины по чужим сюжетам*) (А. В. Долин. Апелляция паяца: Антон Долин защищает фильм «Джокер». 2020). При этом слово «картина» отсылает читателей не к рецензируемому фильму, а к предыдущим работам режиссера.

В рецензии на «Еще по одной», помимо общего для всех текстов слова «фильм», в данном случае тесно связанного с анализом смысловой наполненности художественного произведения (*фильме; это фильм не только о вреде пьянства, но и о сожалениях по поводу уходящей молодости; увидеть в фильме нечто большее, чем полнометражный антиалкогольный плакат; не столько фильм о вреде пьянства; Не случайно прямолинейному, казалось бы, фильму предпослан эпиграф из Серена Кьеркегора; вероятно, главный недостаток фильма*), слова «картина» (*фабула картины; Картина, знаменующая очередное возвращение Винтерберга в Данию*) и пяти упоминаний названия в различных контекстах, встречаются также четыре словоупотребления «драма» и по одному лексем «история» (*это история четырех друзей*), «эпизоды» (*все равно наслаждаешься эпизодами*) и «ностальгическая нарезка» (*в ностальгической нарезке*) (А. В. Долин. «Еще по одной» Томаса Винтерберга — драма о четырех мужчинах, которые решают пить каждый день, чтобы почувствовать себя счастливыми. 2020).

В рецензии на «Землю кочевников» мы можем наблюдать однократное употребление слова «премьера» (*показали одну из главных премьер*) и слова «эпизоды» (*будничных и лишенных прямой сентиментальности эпизодов*), название и лексема «фильм» встречаются по семь раз, дважды «роудмуви» (*в этом роуд-муви; к маскулинному американскому жанру роуд-муви*) и лексема «картина» (*эта картина рождена на свет тремя талантливыми женщинами; малобюджетная и скромная картина*) (А. В. Долин. «Земля кочевников»: Фрэнсис Макдорманд и Америка вокруг нее. 2020).

Говоря об «Однажды в... Голливуде», А. В. Долин обходится исключительно встречающимися во всех рецензиях лексическими единицами — названием, «фильм» (*с этим конкретным фильмом; его фильмы иллюстрируют; в фильме с собственным участием; этот аспект фильма; фильм о том, на какие чудеса способно кино*), «картина» (*свою новую — девятую — картину о тех событиях; позволить будущим зрителям открыть для себя картину самостоятельно; великолепная картина; каркас, на котором держится картина*) (А. В. Долин. «Однажды... в Голливуде» с Ди Каприо и Брэдом Питтом: Квентин Тарантино выходит на новый уровень. 2020). Каждое повторяется по пять раз.

Уникальную единицу «ракурс» (*ракурс, придуманный Зеллером*) мы обнаруживаем, обращаясь к рецензии на фильм «Отец» (А. В. Долин. «Отец» — редкая драма о старости, в которой деменция показана глазами пациента. 2020). При этом название картины, слово «фильм» и наименование жанра «драма» (*редкая драма о старости; это драма о прогрессирующей деменции; традицию душещипательных драм о старости*) употребляются трижды каждое (Там же).

В рецензии на «Паразитов» также присутствует упоминание жанрового определения киноленты — *«отважные комбинации несовместимых жанров — в данном случае, семейная драма, социальная сатира и кровавый триллер»* (А. В. Долин. «Паразиты» Пон Чжун Хо: сюрреалистическая сатира о классовый борьбе. 2020). Позже А. В. Долин дважды называет жанр сатиры (*сюрреалистическая сатира о классовый борьбе; сатиры-притчи о классовых противоречиях*), лексема «фильм» будет употребляться трижды (*фильм рассказывает о бедной семье; новый фильм знакового корейского режиссера; в фильме неоднократно упоминаются*), название — четыре раза, и слово «картина» (*вторая картина режиссера*) лишь один (Там же).

Для наглядности обобщим результаты исследования сущности характера выявленных аксиологических доминант в виде таблицы.

Объективные аксиологические доминанты		Субъективные аксиологические доминанты
Обусловленные сущностью вторичного текста (жанра кинорецензии)	Обусловленные сущностью первичного текста (фильма как предмета анализа)	Обусловленные индивидуально-авторской аксиологической картиной мира
Фильм — 79	Семья — 12	Трагедия — 38
Режиссер — 52	Коронавирус — 2	Ожидание — 13
Герои — 82	Театр — 40	Риторические вопросы — 34
Оператор — 4	Метафора — 2	Преступление — 31

В ходе анализа критических кинокритических А. В. Долина нами были реконструированы как субъективные, так и объективные аксиологические доминанты, при этом аксиологическое ядро рецензий представляют собой объективные аксиологемы. Таким образом, наша гипотеза о преобладающем количестве объективных аксиологических доминант подтвердилась, что может служить обоснованием тезиса о том, что в аксиологическом портрете рецензий профессионального кинокритика уделяется значительно больше внимания объективным аспектам, чем субъективным, вероятно, вследствие принадлежности к профессиональному дискурсу, подразумевающему построение высказываний вокруг анализируемого объекта. Субъективные представления о рецензируемом фильме при этом профессиональная языковая личность стремится держать на втором плане, поскольку первоочередной задачей является непредвзятый рассказ о том или ином кино предполагаемым адресатам.

Перспективы дальнейших исследований в данной области могут сводиться к изучению портрета языковой личности кинокритика, не принадлежащего к профессиональному сообществу, и последующему сравнительно-сопоставительному анализу профессиональной и непрофессиональной языковой личности для выявления сходств или различий реконструируемых аксиологических доминант.

Библиографический список

- Джимбеева А. В. Аксиологическая составляющая языковой картины мира // *International journal of professional science*. 2016. № 1.
- Казыдуб Н. Н. Аксиологические системы в языке и речи // *Вестник Иркутского государственного университета*. 2009. № 1.
- Казыдуб Н. Н. Общие принципы лингвистического описания аксиологических систем // *Вестник Иркутского государственного университета*. 2009. № 2.
- Караулов Ю. Н. *Русский язык и языковая личность*. М, 2003.
- Кожина Н. Г. Аксиологическая идентификация личности // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2011. № 5.
- Кретов А. А. Русские аксиологемы по данным МАСа-2 // *Политическая лингвистика*. 2016. № 2.
- Ломоносова Ю. Е. Аксиологический компонент в структуре концепта // *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*. 2016. № 30.
- Маджидова Р. У. Антропоцентризм и аксиологическая картина мира // *Наука, техника, образование*. 2019. № 1.
- Мельник Н. В. Языковая личность и текст как предмет лингвоперсоналогии русского языка // *Сибирский филологический журнал*. 2011. № 1.

Савельева И. В. Мистер «Что вы делаете?»: языковая личность как детерминанта текстопорождения // *Филология и человек*. 2020. № 2.

Серебренникова Е. Ф. Аксиологическое измерение дискурса // *Вестник Московского государственного университета*. 2015. № 1.

Серебренникова Е. Ф. Актуальные направления аксиологически ориентированного лингвистического анализа // *Вестник Иркутского государственного университета*. 2011. № 1.

Степанова А. В. Аксиологический аспект интернет-комментариев к фильмам // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2020. Ч. 4-3 (43).

Тороп П. Х. Проблема интекста. Тарту, 1981.

Шевченко В. Д. Аксиологическая доминанта в дискурсе // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2016. № 5.

Источники

Долин А. В. Апелляция паяца: Антон Долин защищает фильм «Джокер». URL: <https://kinoart.ru/reviews/apellyatsiya-payatsa-anton-dolin-zaschischaet-film-dzhoker>

Долин А. В. «Еще по одной» Томаса Винтерберга — драма о четырех мужчинах, которые решают пить каждый день, чтобы почувствовать себя счастливыми. URL: <https://meduza.io/feature/2020/10/01/esche-po-odnoy-tomasa-vinterberga-drama-o-chetyreh-muzhchinah-kotorye-reshayut-pit-kazhdyu-denchtoby-pochuvstvovat-sebya-schastlivymi>

Долин А. В. «Земля кочевников»: Фрэнсис Макдорманд и Америка вокруг нее. URL: <https://meduza.io/feature/2020/09/11/zemlya-kochevnikov-frensis-makdormand-i-amerika-vokrug-nee>

Долин А. В. «Однажды... в Голливуде» с Ди Каприо и Брэдом Питтом: Квентин Тарантино выходит на новый уровень. URL: <https://meduza.io/feature/2019/05/22/odnazhdy-v-gollivude-kventin-tarantino-vyhodit-na-novyy-uroven>

Долин А. В. «Отец» — редкая драма о старости, в которой деменция показана глазами пациента. URL: <https://meduza.io/feature/2021/04/15/otets-redkaya-drama-o-starosti-v-kotoroy-dementsiya-pokazana-glazami-patsienta>

Долин А. В. «Паразиты» Пон Чжун Хо: сюрреалистическая сатира о классовой борьбе. URL: <https://meduza.io/feature/2019/05/23/parazity-pon-chzhun-ho-surrealisticheskaya-satira-o-klassovoy-borbe>

References

Dzhimbееva L. V. *Aksiologicheskaja sostavljajushhaja jazykovoj kartiny mira*. [Axiological component of the linguistic picture of the world]. In: *Internation-*

al journal of professional science. [International journal of professional science]. 2016. No. 1.

Kazydub N. N. *Aksiologicheskie sistemy v jazyke i rechi*. [Axiological systems in language and speech]. In: *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Irkutsk State University]. 2009. No. 1.

Kazydub N. N. *Obshhie principy lingvisticheskogo opisaniya aksiologicheskikh sistem*. [General principles of linguistic description of axiological systems]. In: *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Irkutsk State University]. 2009. No. 2.

Karaulov Ju. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'*. [Russian language and language personality]. Moscow, 2003.

Kozhina N. G. *Aksiologicheskaya identifikacija lichnosti*. [Axiological identification of a person]. In: *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. [Historical and socio-educational thought]. 2011. No. 5.

Kretov A. A. *Russkie aksiologemy po dannym MASA-2*. [Russian axiologems according to MASA-2 data]. In: *Politicheskaya lingveskika*. [Political linguistics]. 2016. No. 2.

Lomonosova Ju. E. *Aksiologicheskij komponent v strukture koncepta*. [Axiological component in the structure of the concept]. In: *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya*. [Questions of journalism, pedagogy, linguistics]. 2016. No. 30.

Madzhidova R. U. *Antropocentrizm i aksiologicheskaja kartina mira*. [Anthropocentrism and the axiological picture of the world]. In: *Nauka, tekhnika, obrazovanie*. [Science, technology, education]. 2019. No. 1.

Mel'nik N. V. *Jazykovaja lichnost' i tekst kak predmet lingvopersonologii russkogo jazyka*. [Linguistic personality and text as a subject of linguopersonology of the Russian language]. In: *Sibirskiy filologicheskij zhurnal*. [Siberian Philological Journal]. 2011. No. 1.

Saveleva I. V. *Mister "Chto vy delaete?": jazykovaja lichnost' kak determinanta tekstoporozhdenija*. [Mr. "What are you doing?": linguistic personality as a determinant of text generation]. In: *Philologia i chelovek*. [Philology and human]. 2020. No. 2.

Serebrennikova, E. F. *Aksiologicheskoe izmerenie diskursa*. [Axiological dimension of discourse]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Moscow State University]. 2015. No. 1.

Serebrennikova E. F. *Aktual'nye napravlenija aksiologicheskii orientirovannogo lingvisticheskogo analiza*. [Current directions of axiologically oriented linguistic analysis]. In: *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Irkutsk State University]. 2011. No. 1.

Stepanova A. V. *Aksiologicheskij aspekt internet-kommentarijev k fil'mam*. [The axiological aspect of Internet comments on films]. In: *Mezhdunarodnyy zhurnal*

gumanitarnykh i estestvennykh nauk. [International Journal of Humanities and Natural Sciences]. 2020. Pt. 4-3 (43).

Torop P. H. *Problema inteksta*. [The problem of intext]. Tarty, 1981.

Shevchenko V. D. *Aksiologicheskaja dominanta v diskurse*. [Axiological dominant in discourse]. In: *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Orenburg State University]. 2016. No. 5.

List of sources

Dolin A. V. *Apellyatsiya payatsa: Anton Dolin zashchishchaet fil'm "Dzhoker"*. [Dolin A. V. Appeal of the clown: Anton Dolin defends the film "The Joker"]. URL: <https://kinoart.ru/reviews/apellyatsiya-payatsa-anton-dolin-zaschischaet-film-dzhoker>

Dolin A. V. *"Eshche po odnoy" Tomasa Vinterberga — drama o chetyrekh muzhchinakh, ko-torye reshayut pit' kazhdyy den», chtoby pochuvstvovat' sebya schastlivymi*. ["Drunk" by Thomas Vinterberg is a drama about four men who decide to drink every day to feel happy]. URL: <https://meduza.io/feature/2020/10/01/esche-po-odnoy-tomasa-vinterberga-drama-o-chetyreh-muzhchinah-kotorye-reshayut-pit-kazhdyy-den-htoby-pochuvstvovat-sebya-schastlivymi>

Dolin A. V. *"Odnazhdy... v Gollivude" s Di Kaprio i Bredom Pittom: Kventin Tarantino vykhodit na novyy uroven!* ["Once upon a Time... in Hollywood" with DiCaprio and Brad Pitt: Quentin Tarantino goes to a new level!]. URL: <https://meduza.io/feature/2019/05/22/odnazhdy-v-gollivude-kventin-tarantino-vykhodit-na-novyy-uroven>

Dolin A. V. *"Otets" — redkaya drama o starosti, v kotoroy dementsiya pokazana glazami patsienta*. ["Father" is a rare drama about old age, in which dementia is shown through the eyes of a patient]. URL: <https://meduza.io/feature/2021/04/15/otets-redkaya-drama-o-starosti-v-kotoroy-dementsiya-pokazana-glazami-patsienta>

Dolin A. V. *"Parazity" Pon Chzhun Kho: surrealisticheskaya satira o klassovoy bor'be*. ["Parasites" by Pon Joon Ho: a surreal satire about the class struggle]. URL: <https://meduza.io/feature/2019/05/23/parazity-pon-chzhun-ho-surrealisticheskaya-satira-o-klassovoy-borbe>

Dolin A. V. *"Zemlya kochevnikov": Frensis Makdormand i Amerika vokrug nee*. ["The Land of Nomads": Frances McDormand and America around her]. URL: <https://meduza.io/feature/2020/09/11/zemlya-kochevnikov-frensis-makdormand-i-amerika-vokrug-nee>

РОЛЬ ВНУТРЕННЕГО КОНТЕКСТА КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В СОЗДАНИИ И ПОНИМАНИИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕЛЕСЕРИАЛОВ “THE SANDMAN”, “ANNE WITH AN “E” И “SHADOW AND BONE”)

К. Д. Войцех

Ключевые слова: языковая игра, контекст, внутренний контекст, дискурс, кинематографический дискурс, кинодискурс.

Keywords: word play, context, internal context, discourse, cinematographic discourse, movie discourse.

DOI 10.14258/filichel(2023)2–04

Несомненно, феномен контекста не одно десятилетие привлекает внимание отечественных и зарубежных ученых, однако данное понятие, как отмечает Т. Дейк, остается одним из самых неопределенных и неразработанных [Dijk, 2009]. Целью нашего исследования является рассмотрение понятия внутреннего контекста кинематографического произведения в рамках изучения языковой игры на материале англоязычных телесериалов различной жанровой направленности.

Некоторые ученые рассматривают контекст глобально, понимая под ним совокупность вербальных и невербальных факторов коммуникации [Колшанский, 1980] либо внетекстовые связи произведения, играющие ключевую роль в его восприятии [Бахтин, 1979, с. 369; Тюпа, 2008]. При этом зачастую отмечается, что, хоть контекст и неразрывно связан с текстом, он «внеположен» ему [Есин, 2000, с. 153] и всегда персоналистичен [Бахтин, 1979], т. е. каждый реципиент в силу собственного опыта, знаний, социального положения и т. д. может по-своему интерпретировать контекстную информацию.

В сугубо лингвистическом плане контекст может пониматься как «фрагмент текста минус определяемая единица» [Торсуева, 1990, с. 238], либо, применительно к языковой игре, как фрагмент текста, «окружающий» рассматриваемую единицу, минус эта самая языковая единица, т. е. случай языковой игры [Александрова, 2015, с. 21]. Однако следует отметить, что при рассмотрении контекста с лингвистической точки зрения за рамками исследования остаются внеязыковые факторы коммуникации, поэтому мы считаем данный подход неприемлемым

в рамках нашего исследования, так как экстралингвистические контекстуальные факторы играют важную роль в создании языковой игры в рассматриваемом нами кинематографическом дискурсе.

Говоря о более узком понимании контекста, следует отметить, что нередко учеными выделяется «имплицитный» контекст, под которым подразумеваются фоновые знания слушателя о говорящем субъекте [Slama-Szascu, 1961, с. 30], или же «вертикальный», который также включает в себя фоновую информацию — в противовес горизонтальному, т. е. собственно языковому контексту [Ахманова, 2020, с. 49].

Что касается более узкого разделения контекстов, выделяются лингвистический контекст, контекст культуры, психологический контекст и др. [Мыркин, 1978, с. 95–98].

Мы считаем целесообразным разделение контекста на два вида: внутренне-текстовый и внешне-текстовый. Под внутренне-текстовым контекстом подразумевается контекст, созданный автором, включенный в его произведение, а также тот же контекст, но воспринятый читателем. Внешне-текстовый контекст связывается с выходом текста во внетекстовое пространство: связь литературного произведения с эпохой, культурой, его включение в общекультурный контекст (как автором, так и читателем) [Копыстьянская, 2016, с. 247–248].

Ввиду большого числа определений и терминов и отсутствия исследований контекста на материале кинематографа представляется целесообразным предложить собственное рабочее определение внутреннего контекста в рамках кинодискурса. Под **внутренним контекстом кинематографического произведения** мы понимаем совокупность информации о времени и месте действия, характерах и отношениях вовлеченных в коммуникацию персонажей, а также ситуации коммуникации в рамках рассматриваемого кинематографического произведения [Войцех, 2022, с. 98].

Как было сказано ранее, объектом нашего исследования выступает внутренний контекст кинематографического произведения, предметом — его роль в понимании языковой игры, а материалом — случаи языковой игры (далее — ЯИ) в кинодискурсе. Б. Ю. Норман говорит о языковой игре следующее: «Языковая игра в самом широком смысле слова — это использование языка для достижения надъязыкового, эстетического, художественного <...> эффекта» [Норман, 1994, с. 79]. Кроме того, ученый отмечает, что «... языковая игра (в максимально широком понимании термина) — это нетрадиционное, неканоническое использование языка, это творчество в языке, это ориентация на скрытые эстетические возможности языкового знака» [Норман, 1987, с. 168], тем са-

мым подчеркивая творческую природу ЯИ. Под языковой игрой мы понимаем проявление лингвокреативного мышления, т. е. намеренное использование нестандартного языкового кода с целью выражения внутреннего мира говорящего [Гридина, 2008, с. 4; Нухов, 2017, с. 16]. Данное определение позволяет отнести к случаям языковой игры неопределенно широкий круг явлений, являющих собой нестандартное использование языка и/или служащих для выражения языковой личности адресанта. Именно в игре языковая личность получает возможность неконвенционального использования языка с целью самовыражения, повышения экспрессивности высказывания или достижения комического эффекта [Войцех, 2022, с. 42]. Таким образом, к приемам языковой игры можно отнести как различного рода остроты, каламбуры, игру слов, так и тропы и стилистические приемы, а также прием трансформации фразеологических единиц.

Для анализа были выбраны три сериала различной жанровой направленности: фантастический сериал «The Sandman» (2022, США) по мотивам комиксов Н. Геймана, драматический сериал «Anne with an E» (2017–2019, Канада), основанный на романах Л. М. Монтгомери, и фэнтезийный сериал «Shadow and Bone» (2021–2023, США, Великобритания) по мотивам цикла книг Л. Бардуго. Основным фактором, определившим выбор материала исследования, стала необходимость анализа сериалов различной жанровой направленности и страны производства для получения максимально разнообразного языкового материала. Жанры были выбраны контрастные: максимально приближенная к реальности драма о взрослении и поисках своего места в жизни, фантастический сериал по мотивам комиксов, имеющий мало общего с реальностью, и фэнтези-сериал, события которого происходят в вымышленном мире, где магия соседствует с гражданской войной и проблемами человеческого выбора. Сделано это было для того, чтобы оценить, насколько внутренний контекст важен в произведениях различных жанров. В процессе работы с материалами использованы такие общенаучные методы и приемы исследования, как метод сплошной выборки материала, обобщение и систематизация, классификация. Частные методы лингвистического анализа включают процедуры дискурсивного анализа, контекстуальный анализ. Обратимся к примерам.

1. CORINTHIAN: *You've done a very good job convincing people Ethel Cripps doesn't exist.*

ETHEL: *Apparently, not good enough.*

CORINTHIAN: *Well, I'm not exactly «people»* («The Sandman», season 01 episode 02).

Перед нами фрагмент диалога из фантастического телесериала «Песочный человек» о властителе царства снов, Морфее, или Сне. Простой смертной Этель Криппс удалось заполучить артефакты Сна, которые даровали ей вечную жизнь. Однако предполагая, что он захочет получить их обратно, Этель постаралась затеряться среди смертных, сменила имя и уехала на другой край Земли. Тем не менее ее обнаружил заклятый враг Сна, созданный им персонифицированный кошмар Коринфянин. В рассматриваемом примере происходит буквализация лексической единицы «reople»: Этель отмечает, что недостаточно хорошо спряталась, так как ее смогли найти, в то время как Коринфянин указывает на то, что он «не совсем человек» — он сверхъестественная сущность, поэтому неудивительно, что ему удалось то, что простым людям не под силу. Тем самым статусные роли и видовая принадлежность персонажей наделяют диалог дополнительным смыслом, одновременно с этим сообщая дополнительную информацию.

2. *ETHEL: Do you think that the only way a woman can be successful is by using magic? Supernatural and sexist. You really are a Nightmare, aren't you?* («The Sandman», season 01 episode 02).

В продолжении разговора с Коринфянином Этель умело использует языковую игру, чтобы укрепить главенствующее положение в диалоге, а также в рамках реализации гедонистической функции. Сказанная с насмешкой, данная реплика полностью передает отношение Этель к собеседнику: она не боится его сверхъестественного происхождения, так как обладает силой, способной защитить ее. В рамках данной реплики происходит двойная актуализация лексической единицы «*nightmare*»: в прямом значении применительно к его происхождению (Коринфянин — созданный Морфеем кошмар) и в переносном значении невыносимого человека. Тем самым Этель окончательно берет верх над собеседником, однако данный пример невозможно отнести к категории языковой игры без контекстной информации о происхождении Коринфянина.

3. *MATHEW THE RAVEN: Where are we going?*

DREAM: Hell.

MATHEW THE RAVEN: Hell. As in Hell-Hell, or were you being metaphorical? («The Sandman», season 01 episode 03).

Данный диалог происходит между Сном, главным героем телесериала, и его помощником вороном Мэтью, который раньше был человеком. Мэтью еще не совсем вжился в роль помощника Вечного существа, и его нервозность зачастую выливается в многословные монологи. Его хозяин, напротив, весьма молчалив и неохотно делится своими замыслами с кем-либо. В данном случае происходит остроумная игра, основанная

на двойной актуализации значения лексической единицы «*hell*» как реального места назначения и крайне неприятного места. Данная языковая игра становится возможной, потому что в реальности сериала путешествие в Ад действительно реально, поэтому новоиспеченному ворону приходится уточнять, в какой именно ад они отправляются. Кроме того, дополнительный вес его фразе придает продолжение о метафоричности, что работает на раскрытие образа Мэтью.

4. *LUCIFER: There are no more moves. What can survive the anti-life?*

MATHEW THE RAVEN: Hey, boss. You know what can survive the anti-life?

You. Dreams don't g die («The Sandman», season 01 episode 04).

Дальнейшее действие переносит нас прямоком в Ад, где состоится битва умов между Сном и Люцифером. Суть битвы в том, что каждый из противников должен назвать предмет, явление или концепт, который может победить предыдущую названную сущность. Люцифер называет «анти-жизнь», предполагая, что победа останется за ней, так как, по его мнению, не существует силы, которая может противостоять смерти. Сон находится на волоске от поражения, которое для него будет означать вечное рабство в царстве Люцифера. Однако его верный слуга Мэтью не намерен сдаваться так легко и пытается подбодрить господина, подсказывая: вы сами можете противостоять анти-жизни, так как мечты не умирают. В данном примере происходит интересная, на наш взгляд, актуализация лексической единицы «*dream*»: как сна, так как наш герой *Dream* буквально является повелителем царства снов; как мечты, так как именно на мечтания намекает ворон, и, наконец, используется языковая игра, основанная на имени заглавного героя *Dream*. Он и есть сны, мечты и все оттенки этого сложного концепта. Кроме того, он является частью семьи Вечных, т.е. бессмертным существом. Тем самым Мэтью в первый, но далеко не в последний раз в рамках сериала использует языковую игру, основанную на имени персонажа.

5. *DEATH [to DREAM]: You are utterly the stupidest, most self-centered, pathetic excuse for an anthropomorphic personification on this, or any other planet* («The Sandman», season 01 episode 06).

Фрагмент взят из диалога Сна с его сестрой, Смертью. После освобождения из заточения он впадает в уныние, так как не видит смысла в своем существовании и в своей работе. Сестра, понимая, как его роль во Вселенной важна для человечества, отчитывает его за уныние и эгоизм, которые ставят под угрозу миллиарды жизней. Для усиления эффекта от своей тирады Смерть использует интересный прием языковой игры, основанный на обмане ожиданий: обычно в таких случаях очевидно используется лексема «*person*», и, исходя из своего опыта, зри-

тели ждут именно такого продолжения фразы, забывая, что перед ними не обычные люди, но вечные сверхъестественные существа. Именно на этом факте биографии Сна Смерть и строит свое высказывание.

6. *DEATH: When the first living thing existed, I was there. When the last living thing dies, I'll put the chairs on the table, turn out the lights, and lock the Universe behind me when I leave* («The Sandman», season 01 episode 06).

Как говорилось ранее, Смерть является персонифицированным безвременным концептом, не привязанным к конкретным пространственно-временным рамкам. В представленной фразе заложена метафора, которая может считаться одним из наиболее интересных примеров языковой игры в рассматриваемом телесериале. Метафора строится на, казалось бы, несовместимых образах: конец существования вселенной сравнивается с опустевшим домом, который она, Смерть, приведет в порядок перед уходом: поставит стулья на стол, выключит свет и закроет дверь. Тем самым в известной степени происходит обман ожидания зрителей, так как невероятно масштабное событие превращается в обыденную картину. В сочетании с ярким примером синтаксического параллелизма данный прием выполняет яркую художественную функцию и не работает вне контекста произведения, а именно без информации о сущности персонажа, произносящего данную фразу.

7. *DREAM: A knife against a dream?*

CORINTHIAN: Oh, you don't think dreams can die? Let's find out («The Sandman», season 01e10).

Данный пример является рефреном к диалогу, звучавшему несколькими сериями ранее между Сном и Мэтью (пример 4). Изученный нами материал доказывает, что сложные случаи повторов, используемые для создания языковой игры, представляют собой наиболее интересный материал для анализа. Прежде всего такие приемы языковой игры требуют особой внимательности зрителя и его способности заметить и «расшифровать» языковую игру; в противном случае их нельзя будет трактовать иначе, чем как свободные фразы. Именно внутренний контекст произведения наделяет подобные случаи языковой игры новым смыслом. Так, Коринфянин практически дословно повторяет фразу воруна Мэтью, однако в данном случае ставит утверждение под сомнение. Тем самым одна и та же фраза в контексте сериала наделяется противоположными смыслами. Кроме того, данный диалог дает наиболее внимательному зрителю подсказку, получится ли у Коринфянина одолеть одного из Вечных.

8. *GILBERT BLYTHE: You want to spell a few words for old times» sake?*

ANNE SHIRLEY: How about... «truce»?

GILBERT BLYTHE: T-R-U-C-E.

<...>

GILBERT BLYTHE: Who knew we'd make such a good...

ANNE SHIRLEY: T-E-A-M («Anne With an «E», season 01 episode 07, season 03 episode 06).

Перед нами два диалога между главными героями сериала «Энн», подростков Энн и Гилберта. Энн забрали из детдома, когда ей было 11, и сериал посвящен ее адаптации в обществе маленького городка, взаимодействию с новой семьей и сверстниками и поискам себя и своего места в жизни. К третьему сезону вышеуказанные герои испытывают друг к другу нежные чувства, хотя в начале пути основным мотивом их отношений было соперничество, выражавшееся как в попытках завоевать авторитет среди одноклассников, так и выделиться особыми успехами в учебе. Одним из излюбленных занятий их учителя было *spelling* — произнесение наиболее сложных слов по буквам на выбывание, и неизменно последними в этом соревновании оставались Энн и Гилберт. Вполне ожидаемо, что такое противостояние не помогало им сблизиться и лишь отталкивало. Первый из приведенных диалогов состоялся в конце первого сезона, и в иносказательной форме школьной игры герои заключают перемирие. В данном случае языковая игра очевидна: *spelling* — лишь предлог, чтобы поговорить о том, что детей действительно волнует. Концепт школьной игры служит контекстным повтором и спустя два сезона: герои работают в команде, дружат и боятся признаться друг другу в своих чувствах, и в буквальном смысле игра в слова вновь приходит им на помощь. Тем самым, с одной стороны, подобного рода повторы используются для того, чтобы порадовать внимательных зрителей, с другой — несут в себе дополнительную смысловую нагрузку: герои помнят, какой путь они прошли, выражая это не только вербально, но и имплицитно через языковую игру.

9. *GILBERT BLYTHE: Are you all right, miss? Do you need anything else? Any dragons around here need slaying?* («Anne With an «E», season 01 episode 03).

Данная фраза звучит в первую встречу главных героев, Энн и Гилберта. Молодой человек защитил девочку от хулиганов, и его реплика — лишь попытка завязать разговор после героического поступка, после которого смущенная Энн просто убегает от мальчишка. Однако интересна данная фраза в контексте: мы как зрители уже знаем, что Энн не переставая фантазирует о сказочных мирах, принцах и принцессах, о другой жизни, не похожей на ту обыденность, которая ее окружает. И тот факт, что абсолютный незнакомец в первую же их встречу так точно, пусть

и невзначай, угадывает ход ее мыслей и становится ее «принцем на белом коне», ввергает девочку в шок, что и служит причиной ее столь странной реакции на спасение — она убегает, не сказав ни слова.

10. ANNE SHIRLEY: *How can you be so unfeeling?*

MARILLA CUTHBERT: *Years of practice* («Anne With an «Е», season 02 episode 05).

Диалог происходит между Энн и ее приемной матерью Мариллой. На протяжении всего шоу Марилла предстает человеком расчетливым, лишенным эмоций и действующим исключительно по велению разума. Она не идет на поводу у импульсивной Энн, и иногда их взгляды не совпадают, что приводит к открытой конфронтации. В порыве чувств Энн спрашивает Мариллу, как она может быть такой бесчувственной — очевидно, реплика звучит как риторическая, девочка и не ждет ответа. Однако ответ следует: годы тренировок. С одной стороны, кажется, будто Марилла просто пытается поставить Энн на место, и фразу можно расценивать как грубость. С другой же — мы знаем предысторию персонажа, которая помогает нам понять истинный смысл слов героини. Марилла рано потеряла мать и с детских лет взяла на себя заботу о младшем брате. В юношеские годы она очень трепетно любила молодого человека, но судьба развела их, и с тех пор Марилла пообещала себе не испытывать сильных чувств, которые могут так глубоко ранить сердце.

11. ANNE SHIRLEY: *It was like a veil hanging before my inner consciousness was suddenly lifted... and I was Elizabeth Bennet dancing with Mr. Darcy* («Anne With an «Е», season 03 episode 06).

Данный пример интересен не столько лексическим наполнением, сколько тем, что приведенная метафора, в основе которой лежит аллюзивный литературный образ, в полной мере отражает характер и личность Энн. Она росла в детдоме, тяжело трудилась с малого возраста, и единственным ее утешением были книги и богатое воображение. Из первых она почерпнула замысловатый стиль и необычную для ее возраста манеру речи, второе же не дало ей сойти с ума и потерять себя в тяжелых условиях жизни. Когда же ее удочерили, эти качества проявились с новой силой, так как у нее появилось больше времени на чтение, полноценное образование и больше источников для вдохновения. Данная фраза была сказана о Гилберте — молодом человеке, которого она знала с первого дня в новой школе. Однако ей потребовалось несколько лет, чтобы осознать, что она что-то чувствует к нему, и толчком к этому стали школьные танцы. Тем самым аллюзия, основанная на метафорическом переносе, отсылающая нас к персонажам романа «Гордость и предубеждение», говорит о чувствах Энн гораздо больше, чем даже она сама

осознает в момент диалога. Эта метафора также подсказывает начитанным зрителям финал отношений Энн и Гилберта, о котором даже сама Энн еще не подозревает, ретроспективно открывая второй, имплицитный, план содержания. Мы классифицируем данный пример как языковую игру, так как в высказывании явно прослеживается лингвокреативность, относящая его к проявлению гедонистической функции языковой игры. Следует, однако, отметить, что, не зная личности и характера Энн, данный пример сложно классифицировать как ЯИ.

12. *RACHEL LYNDE: Can't always judge a book by its cover, now can we?* («Anne With an «Е», season 03 episode 07).

Следует отметить, что без внутреннего контекста событий, произошедших в сериале, и без привязки к личности говорящего данная фраза не может быть отнесена к категории языковой игры. Обратимся к контексту. Рейчел — соседка Мариллы и Мэтью, семьи, удочерившей Энн. Первая встреча Рейчел и Энн прошла не самым приятным образом: Рейчел раскритиковала внешний вид девочки, назвав ее тощей, несурозной, непригодной для работы по дому и некрасивой. Со временем женщина узнала Энн и по достоинству оценила ее острый ум, отчаянную жажду к жизни и поистине безграничное воображение. Кроме того, красной линией по сериалу проходит мотив изменений: необычная Энн появилась в застывшем маленьком городке с устоявшимися и отчасти устаревшими ценностями и вдохнула новую жизнь в его обитателей, научив их видеть красоту в мелочах, мечтать и, в том числе, не судить людей по одежке, а сначала узнать их. Поэтому данная фраза, сказанная Рейчел, — это манифестация принятия изменений и того влияния, которое оказала на них эта неприметная на первый взгляд девочка.

13. *GILBERT BLYTHE: I am not engaged, nor will I be, unless... it's to you. Anne, my Anne with an «e», it always has been, and always will be you* («Anne With an «Е», season 03 episode 09).

Данная фраза является отсылкой к названию сериала и нередко звучит по ходу действия, но из уст Энн. Обратимся к контексту. Энн обладает богатым воображением, и мечты ее заняты принцессами и королевствами, сказочными сюжетами и жизнью, которой у нее никогда не было. Она хочет быть особенной и в реальной жизни, но, по ее собственным словам, в ней нет ничего особенного, что бы выгодно выделяло ее на фоне остальных. Даже с именем ей не повезло. Ее воображаемое *alter ego*, героиня ее историй носит гордое имя Корделия, самой же героине досталось скучное и обыденное имя Энн. Поэтому, чтобы хоть как-то придать «особенности» себе, Энн дописала букву «е» на конце своего имени. Представляясь незнакомцам, она также всегда подчерки-

вает, что она не «скучная» Энн, а необычная «Энн с „е”». Приведенный пример отличается от всех предыдущих случаев тем, что звучит не из уст Энн. Мы находим эту строчку в письме с признанием в своих чувствах, которое Гилберт написал Энн. И это его обращение к девушке говорит, возможно, больше, чем все остальное письмо: это обращение является манифестацией того, что Гилберт видит, насколько его избранница особенная, и принимает это.

14. *KIRIGAN: I'm not going to kill you, Mal. I don't need to. **Time will do it for me.***

<...>

KIRIGAN: I've survived for centuries. Did you really think you could kill me?

*MAL: I don't have to kill you. **Your past will do it for me*** («Shadow and Bone», season 01 episode 07, season 01 episode 08).

Перед нами отрывки из фэнтезийного телесериала «Тень и кость», основанного на одноименном романе. Оба разговора происходят между вечным гришем (люди, обладающие сверхъестественными способностями в рамках данной истории) генералом Кириганом и простым смертным солдатом Малом. Оба влюблены в одну девушку Алину. Всю свою жизнь она считала себя самой обычной и росла вместе с Малом в приюте. Однако вскоре она узнает, что она бессмертный гриш и именно она должна изменить судьбу целого народа, что значительно осложняет ее отношения с все еще смертным Малом. Первый разговор Кириган ведет из положения победителя: он уверен, что Алина выберет его как равного себе, а Мал рано или поздно умрет от старости, оставляя им вечность вдвоем, отсюда фраза: «Время сделает это за меня». Поэтому реплика имеет такой вес: не убивая его сейчас, гриш не оказывает парню услугу, но обрекает его на страдания от осознания неизбежности. Второй же диалог происходит серией позднее, в ситуации, когда удача сопутствует Малу и он находится в шаге от победы над Кириганом. Мал возвращает реплику почти в неизменном виде, лишь адаптируя ее под ситуацию: они находятся в темном месте, созданном когда-то давно самим Кириганом и населенном кровожадными существами — волькрами. Герои отдают антагониста на растерзание чудовищам, тем самым прошлое Киригана настигает его.

15. *NIKOLAI: Well, you're a very fancy cargo, it's true. But do you really understand why? It's not just because you'll destroy the Fold. It's because you're a symbol. **You're not just sunshine, sunshine. You're hope for the future*** («Shadow and Bone», season 02 episode 02).

Разговор происходит между Алиной и Николаем Ланцовым, наследным принцем вымышленного государства Равки, разрываемого гра-

жданской войной и недоверием к гришам. Николай везет Алину в Равку, так как только она может уничтожить созданный Кириганом Каньон, источник боли и страданий народа. Интересна здесь фраза *you're not just sunshine, sunshine*, так как, с одной стороны, она раскрывает характер Николая — человека, любящего блеснуть красноречием и способного найти подход к любому, будь то простой солдат или самый могущественный гриш из ныне живущих. С другой стороны, двойное использование лексемы *sunshine* оправдано контекстуально. И если со вторым случаем все понятно (это ласковое обращение, чтобы понизить градус разговора), то первый случай использования полисеманта напрямую связан с личностью персонажа, к которому обращена реплика. Алина — единственная в мире произведения Заклинательница солнца — гриш, управляющий силой солнца и способный призвать солнечные лучи. Тем самым Николай обозначает ее магические способности. Кроме того, в мировой культуре солнце издревле считается символом надежды, поэтому следующая реплика героя лишь подтверждает уже иносказательно выраженную мысль: Алина — не просто гриш, но символ победы над силами зла.

16. а) ALINA: *That was a bit much.*

NIKOLAI: *Understatement is overrated.*

<...>

NIKOLAI: *A gift, Lantsov emerald.*

ALINA: «*Understatement is overrated*».

NIKOLAI: *I love it when you quote me.*

<...>

б) ALINA: *I don't know where Mal is.*

NIKOLAI: *We'll send a scout to look for him. Okay, but for now **focus on the one task at hand, saving Ravka.***

<...>

NIKOLAI: *You'd really leave me to rally the troops at Zvedya all by myself?*

ALINA: *Guess you have to «**focus on the one task at hand, saving Ravka.**».*

NIKOLAI: *I love it when you quote me* («Shadow and Bone», season 02 episode 04, season 02 episode 05).

Пример интересен тем, что в нем используется прием двойного контекстного повтора не в рамках одной, но двух серий телесериала. В первой части мы видим, что Алина и Николай лишь налаживают отношения, и факт того, что она возвращает ему фразу, можно расценивать как ее попытку занять главенствующую позицию в их отношениях, на что Николай лишь отшучивается в свойственной его персонажу манере. Вторая пара диалогов происходит при более печальных обстоятельствах. Кроме того, персонажи проникаются друг к другу теплыми чувствами, и повто-

рение Алиной фразы Николая звучит как дружеское подшучивание. Николай принимает правила игры и также повторяет собственную фразу, что ярко демонстрирует изменение статуса их отношений: из соперников и практически противников они становятся друзьями, которые могут посмеяться над ситуацией даже в самые страшные времена.

17. *MAL: Make them redraw all the maps* («Shadow and Bone», season 02 episode 08).

Мал жертвует собственной жизнью ради того, чтобы Алина получила еще большую силу и смогла исполнить свое предназначение, и эта фраза — последнее, что юноша говорит перед смертью. Данная фраза контекстно имеет два значения. Первое более очевидно — в результате победы над злом страна должна объединиться, и потребуются новые карты, которые будут отражать реальное положение дел — а именно единую страну, не поделенную надвое. Второе значение становится понятным при более детальном анализе характеров персонажей. Алина выросла без сверхъестественных способностей и в армии была картографом. Получив силу, она часто скучает по своей прошлой жизни и, зная об этом, своими последними словами Мал передает то, что он помнит, кто она на самом деле — обычная девушка, получившая силу, которой не просила, и эта метафора как нельзя лучше подходит ее личности.

Таким образом, проанализированные примеры подтверждают важность выделения понятия внутреннего контекста кинематографического произведения как особого типа контекста в рамках аудиовизуального дискурса. Зачастую рассмотренные примеры невозможно отнести к категории языковой игры без внутреннего контекста, без дополнительной информации о характерах персонажей и происходящих событиях в рамках кинематографического произведения. Проведенный анализ показал, что внутренний контекст нередко является неотъемлемым фактором в функционировании языковой игры в рассматриваемом дискурсе. При этом ни жанр произведения, ни страна производства не влияют на важность внутреннего контекста в понимании языковой игры реципиентом. Мы также считаем, что понятие внутреннего контекста произведения может выходить за рамки кинематографического дискурса и применяться к другим типам дискурса, для которых характерно развернутое повествование (художественный, песенный, мультипликационный и т.д.).

Библиографический список

Александрова Е. М. Структура и функции контекста языковой игры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 6-2 (48).

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 2020.
- Войцех К. Д. Языковая игра в англоязычном кинематографическом дискурсе (на материале телесериалов США и Великобритании): дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2022.
- Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте. Екатеринбург, 2008.
- Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. М., 2000.
- Колшанский Г. В. Контекстная семантика. М., 1980.
- Копыстьянская Н. Ф. Контекст как литературоведческое понятие и категория поэтики романа // *Literaria Humanitas*. 2006. № 14.
- Мыркин В. Я. Типы контекстов. Коммуникативный контекст // Филологические науки. 1978. № 1.
- Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. СПб., 1994.
- Норман Б. Ю. Язык: знакомый незнакомец, Минск, 1987.
- Нухов С. Ж. Окказиональное именное словообразование английского языка сквозь призму языковой игры. Уфа, 2017.
- Торсуева И. Г. Контекст // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Тюпа В. И. Контекст // Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008.
- Dijk T. A. (van). *Society and Discourse: How Social Contexts influence Text and Talk*. Cambridge, 2009.
- Slama-Cazacu T. *Langage et contexte. Le problème du langage dans la conception de l'expression et de l'interprétation par des organisations contextuelles*. *Janua linguarum. series maior*. No. 6. Mouton, 1961.

References

- Aleksandrova E. M. *Struktura i funktsii konteksta yazykovoy igrы*. [The structure and functions of the context of a word play]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. 2015. No. 6-2 (48).
- Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, 2020.
- Voytsekh K. D. *Yazykovaya igra v angloyazychnom kinematograficheskom diskurse (na materiale teleserialov SShA i Velikobritanii)*. [Word play in English cinematographic discourse (based on American and British TV series)]. Thesis of Philol. Cand. Diss. Ufa, 2022.

Bakhtin M. M. *K metodologii gumanitarnykh nauk*. [To the methodology of the humanities]. In: *Eстетика словесного творчества*. [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, 1979.

Gridina T. A. *Yazykovaya igra v khudozhestvennom tekste*. [Word play in a literary text]. Ekaterinburg, 2008.

Esin A. B. *Printsipy i priemy analiza literaturnogo proizvedeniya*. [Principles and methods of analysis of a literary work]. Moscow, 2000.

Kolshansky G. V. *Kontekstnaya semantika*. [Contextual semantics]. Moscow, 1980.

Kopystyanskaya N. F. *Kontekst kak literaturovedcheskoe ponyatie i kategoriya poetiki romana*. [Context as a Literary Concept and Category of Novel Poetics]. In: *Literaria Humanitas*. 2006. No. 14.

Myrkin V. Ya. *Tipy kontekstov. Kommunikativnyy kontekst*. [Types of contexts. Communicative Context]. In: *Filologicheskie nauki*. [Philological Sciences]. 1978. No. 1.

Norman B. Yu. *Grammatika govoryashchego*. [The Grammar of the Speaker]. St. Petersburg, 1994.

Norman B. Yu. *Yazyk: znakomyy neznakomets*. [Language: familiar stranger]. Minsk, 1987.

Nukhov S. Zh. *Okkazional'noe imennoe slovoobrazovanie angliyskogo yazyka skvoz' prizmu yazykovoy igry*. [Occasional nominal word formation of the English language through the prism of the word play]. Ufa, 2017.

Torsueva I. G. *Kontekst*. [Context]. In: *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1990.

Tyupa V. I. *Kontekst*. [Context]. In: *Poetika: Slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy*. [Poetics: Dictionary of actual terms and concepts]. Moscow, 2008.

Dijk T. A. (van) *Society and Discourse: How Social Contexts influence Text and Talk*. Cambridge, 2009.

Slama-Cazacu T. *Langage et contexte. Le probleme du langage dans la conception de l'expression et de l'interpretation par des organizations contextuelles. Janua linguarum. series major*. Mouton, 1961. No. 6.

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК МЕТОДОМ ЦИФРОВОЙ ПЕЧАТИ КАК ФОРМА ВИЗУАЛЬНОГО ЯЗЫКА И АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ СПОСОБ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ НАДПИСЕЙ И ПРИНТОВ НА ОДЕЖДЕ И ОБУВИ)

А. Э. Ефремова

Ключевые слова: альтернативная коммуникация, английский язык, цифровая печать, визуальный язык, глобализация.

Keywords: alternative communication, English, digital printing, visual language, globalization.

DOI 10.14258/filichel(2023)2–05

Введение (новизна и актуальность проблемы)

С развитием цифровой печати стали возникать новые форматы передачи информации — появилась возможность размещать текст на ткани и, как следствие, резко возросло производство таких изделий. В последнее время потребление и ношение одежды и обуви, содержащей на себе текст, приобрело огромные масштабы, тренд нанесения различного рода надписей на детали одежды (слов, фраз, текста) приобрел широкую популярность. В данном исследовании рассматривается феномен передачи обществу некоего посыла, смысла, речевых мотиваторов, демонстрации на публику культурных реалий через нанесение надписей на одежду как альтернативного способа коммуникации. Одежда и обувь в таком случае становятся репрезентантами культуры — объектами, через которые обществу передаются смыслы, идеи, лозунги, речевые интенции, а носящий их способствует распространению информации, делится изображенными реалиями (лингвистическими и экстралингвистическими) с потребителями визуального контента, обществом в целом. Данный феномен изучается в ракурсе нового явления лингвокультуры, возникшего в эпоху расцвета цифровой печати, как феномена «говорящей по-английски одежды» — визуального языка — альтернативного или дополнительного способа коммуникации.

Цели и методы исследования

Целью исследования является рассмотрение надписей на одежде на английском языке как нового способа коммуникации глобального масштаба, как феномена передачи информации, идеи и/или культурных

реалий в виде вербального и невербального (визуального) с точки зрения лингвистики и лингвокультурологии в условиях развития технологии цифровой печати. В работе анализируется возможность применения к данному способу лингвокультурного общения (через демонстрацию надписей и принтов на одежде и обуви) коммуникативных моделей Ю. Лотмана и Р. Якобсона. Ставится задача доказать иллюстративными примерами витальность таких текстов на английском языке в России как моделей коммуникационной практики. С помощью примеров необходимо показать, что надписи на одежде и обуви на английском языке в условиях русскоговорящих адресантов и адресатов приобретают характеристики особой коммуникативной среды и существуют как особое информационное, социальное и лингвистическое пространство.

Объект исследования — одежда и обувь как декларативные площадки для визуального языка, как способ передачи информации, как средство коммуникации. Предметом исследования является визуальный язык в виде надписей и принтов на английском языке на изделиях текстильной промышленности. Применяемые методы исследования: анализ, синтез и классификация данных, метод наблюдения дискурсивно-лингвистических явлений в сочетании с дескриптивным методом, элементы метода дискурсного анализа.

Исследование проводилось на материале языковых и речевых единиц в пределах дискурса, представленного в русскоговорящей среде на изделиях текстильной и обувной промышленности. В качестве языкового материала использовался контент, собранный автором способом фотографирования надписей на одежде (преимущественно) и обуви в магазинах, на улицах и при личном общении для последующей его интерпретации. Такой фактор, как резкое увеличение использования английского языка на предметах одежды на территории проживания русскоязычного населения, приводит к междисциплинарному характеру исследования, что предполагает взаимосвязь языка и культуры, использование данных языкознания, лингвистики, лингвокультурологии, семиотики, теории межкультурной коммуникации.

Результаты исследования

Исследования моделей коммуникации в современном обществе ведутся на протяжении многих десятилетий, рассматриваются широким спектром дисциплин (филологии, философии, лингвистики, социологии, семиотики и пр.) и изложены в трудах многих ученых (М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, А. Пятигорский, К. Леви-Стросс, Ж. Бодрийяр, П. Грайс, Ч. Моррис, Й. Хейзинга, Р. Крейг и др.). Некоторые исследователи в своих работах не употребляют слово «коммуникация» напрямую, но зани-

маются структурированием пространства, где протекает коммуникация, описывают разные парадигмы коммуникации (культурологическую, текстовую, антропологическую, вещественную, прагматическую, игровую, марксистскую, литературную, театральную, герменевтическую).

Обратимся для наглядности к некоторым примерам рассматриваемых текстов в контексте «говорящей одежды» — надписям, принтам на одежде и обуви [Ефремова, 2022, с. 652-662]. Эти примеры доказывают, что предметы одежды и обуви в таком случае выступают как альтернативный способ передачи информации, дополнительное пространство для коммуникации, как площадка для размещения текста, в то время как текст презентует идеи, коммуникативный посыл, замысел, жизненную позицию, факт, лингвокультурологические реалии, шутку, ребус и прочее. Принт помогает вызывать визуальные ассоциации, выполняющие когнитивную функцию. Учитывая специфику принта (текста на текстиле) и характера его предъявления реципиентам, видим, что немаловажное значение приобретают экстралингвистические особенности [Бриткина, Баймуратова, 2015, с. 47-54; Ивус, 2017, с. 84-90]: шрифт, цвет, расположение, символ, знак, культурный фон, контекст (фото 1-11):

- *I don't need Google; my wife knows everything.* «Мне не нужен Гугл, моя жена знает все»;
- *Don't eat Bagulnik.* «Не ешьте багульник» (Багульник — кустарник вида Рододендрон, произрастает и цветет на Дальнем Востоке);
- *All you need is love. Summer. Happiness. Love.* «Все, что тебе надо, это любовь. Ну и еще можно лето, счастье, любовь»;
- *Can't work today. My arm is in a cast.* «Не могу работать сегодня. Рука в гипсе»;
- *Forever young. If you never try you will never know.* «Вечно молодой. Если не попробуешь, то никогда и не узнаешь»;
- *I just want to work in my garden and hang out with my chicken.* «Я просто хочу копать в своем огороде и чилить (отдыхать) со своей курочкой»;
- *My life — my rules.* «Моя жизнь — мои правила»;
- *No plans for today.* «Нет планов на сегодня»;
- *Stop reading the text on my T-shirt. Seriously, stop it. There's nothing interesting on it. BTW, I've caught you reading it 4 seconds ago. Smile:)* «Перестаньте читать текст на моей футболке. Ну, серьезно, прекратите. Там нет ничего интересного. А, кстати, я опять поймал вас читающими его 4 секунды назад. Улыбнитесь»;

- ребусное написание, текст-загадка: 5PD+5TR3NG7H. 57R N93 R+FA573R=PW3R+5PD+5TR3N97H+FL3X\8L7Y. Расшифровка: «SPEED+STRENGTH. STRONGER+FASTER=POWER+SPEED+STRENGTH+FLEXIBILITY. СКОРОСТЬ+СИЛА. СИЛЬНЕЕ+БЫСТРЕЕ=МОЩЬ+СКОРОСТЬ+СИЛА+ ГИБКОСТЬ» (везде расшифровка и перевод мой. — А. Е.).

Фото 1. I don't need Google²

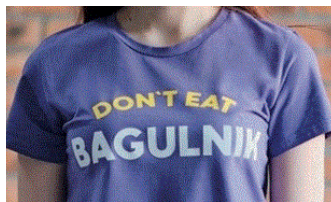

Фото 2. Don't eat Bagulnik³

Фото 3. All you need is love.⁴

Фото 4. Can't work today⁵

Фото 5. Forever young...⁶

Фото 6. I just want...⁷

² <https://oddstuffmagazine.com/wp-content/uploads/2019/06/funny-shirt-wife-knows-everything.jpg>

³ <https://www.instagram.com/guranka.ru/>

⁴ Фото автора — А. Е.

⁵ Фото автора — А. Е.

⁶ Фото автора — А. Е.

⁷ <https://i.pinimg.com/236x/3a/97/37/3a9737987a5038047281d1a5c994cd59.jpg?nii=>

Фото 7. My life — my rules⁸

Фото 8. No plans for today⁹

Фото 9. Stop reading the text on my T-shirt¹⁰

Фото 10. 5 PD (общий вид спортивных брюк с расположением принта с ребусным текстом)¹¹

Фото 11. 5 PD. Расшифровка ребусного текста: SPEED + STRENGTH. STRONGER + FASTER = POWER + SPEED + STRENGTH + FLEXIBILITY¹²

Текст — явление не только лингвистическое, но и культурное. В связи с этим для анализа структуры коммуникации обратимся к модели коммуникации, описанной Р. О. Якобсоном и доработанной Ю. М. Лотманом. Считаем возможным применить данную модель к процессу опосредованной коммуникации через демонстрацию, чтение и понимание надписей на одежде и обуви, которые сами по себе являются атрибутами культурного фона, где происходит общение коммуникантов (демонстрирующий текст и воспринимающий его).

Ю. М. Лотман обращает внимание на обязательность присутствия «в едином механизме культуры изобразительных и словесных связей,

⁸ Фото автора — А. Е.

⁹ Фото автора — А. Е.

¹⁰ https://printbar.ru/upload/thumb/images/a7/a72ecbc0j838_580x0.jpg

¹¹ Фото автора — А. Е.

¹² Фото автора — А. Е.

которые могут рассматриваться как два различно устроенных канала передачи информации. Однако оба эти канала описываются моделью Р. О. Якобсона и в этом отношении однотипны» [Лотман, 1992, с. 76-77]. Предложенная Р. О. Якобсоном модель коммуникации имеет следующий вид: адресант → контекст, сообщение, контакт, код → адресат [Якобсон, 1975, с. 198]. Якобсон пишет, что из этих компонентов состоит любое речевое событие, любой речевой акт: «...адресант (addresser) посылает сообщение адресату (addressee). Чтобы сообщение могло выполнять свои функции, необходимы: контекст (context), о котором идет речь, <...> код (code), полностью или хотя бы частично общий для адресата и адресанта (или, другими словами, для кодирующего и декодирующего), и, наконец, контакт (contact) — физический канал и психологическая связь, обуславливающие возможность установить и поддерживать коммуникацию» [Якобсон, 1975, с. 198].

Ю. М. Лотман отмечает, что данная модель описывает только одно из по крайней мере двух существующих возможных направлений передачи сообщения — код 1, по которому передается направление сообщения «Я — ОН», где «Я» является субъектом передачи, адресантом-обладателем информации, а «ОН» — это объект, адресат: «Господство коммуникаций этого типа в привычной нам культуре заслоняет другое направление в передаче информации, которое можно было бы схематически охарактеризовать как направление „Я — Я”. Случай, когда субъект передает сообщение самому себе, т. е. тому, кому оно уже и так известно, представляется парадоксальным. Однако на самом деле он не так уж редок и в общей системе культуры играет немалую роль <...> сообщение самому себе уже известной информации имеет место во всех случаях, когда при этом повышается ранг значимости сообщения <...> будучи переведено в новую систему графических знаков, обладающих другой степенью авторитетности в данной культуре, сообщение получает некоторую дополнительную значимость. Аналогичны случаи, когда истинность, ложность или социальная ценность сообщения ставятся в зависимость от того, высказано оно словами или написано, написано или напечатано и т.д. Но и в целом ряде других случаев мы имеем передачу сообщения от „Я” к „Я”. Это все случаи, когда человек обращается к самому себе, в частности, те дневниковые записи, которые делаются не с целью запоминания определенных сведений, а имеют целью, например, уяснение внутреннего состояния пишущего, уяснение, которое без записи не происходит. Обращение с текстами, речами, рассуждениями к самому себе — существенный факт не только психологии, но и истории культуры» [Лотман, 1992, с. 76-77].

В случае с альтернативным коммуникативным пространством через принты (надписи на одежде и/или обуви) присутствуют все элементы приведенной выше коммуникативной модели — имеется *адресант* (тот, кто приобрел, носит и демонстрирует текст, **сообщение**), в каждом случае есть свой уникальный **контекст** сообщения, **контакт** (физический визуальный канал передачи сообщения), **код** (кодирующего и декодирующего дискурс) и направленность сообщения может осуществляться не только по схеме «Я — ОН/ОНА» («Я — ДРУГИЕ»), но и по каналу «Я — Я», описанному Лотманом. Таким образом, направленность слова, фразы, текста к самому себе по модели «Я — Я», в случае многократного прочтения носимой на своей одежде или обуви фразы, по Лотману, является вторым важным каналом коммуникации — автокоммуникацией — и осуществляется за счет возникновения дополнительного кода, возникающего в акте коммуникации. Дополнительный к первому код, код 2 — социально или личностно значимый код — это может быть реальное переживание, связанное с текстом, эмоция, музыкальный ритм, созерцаемый повтор орнамента, изображение (картинка, рисунок) или другой фактор, ведущий к трансформации кода и контекста. Текст такого типа может являться «памятником психологического состояния» адресата=адресанта [Лотман, 1992, с. 80], личностно значимым дискурсом, выполняющим роль дневниковых записей, самореклексией. Такой текст, осознанно приобретенный и носимый на одежде или обуви в качестве принта, может представлять собой строчку из песни, напоминающую музыкальный ритм, посещение концерта и вызывающую определенные эмоции; может быть фразой и/или картинкой из комикса или актуального кинофильма, фразой из речи любимого киногероя; фразой и принтом, связанными с путешествием, с личным опытом дружбы или любви. Эти тексты при акте автокоммуникации (термин Ю. М. Лотмана), неоднократном их самосозерцании и прочтении дополняют ситуацию определенным контекстом, реальными воспоминаниями, напоминают произошедшие события или определенные локализации, которые являются культурным фоном при осмысливании этих текстов (слов, фраз). Тексты могут представлять собой фразы внутреннего диалога или целые стихотворения, куплеты песен, по настроению перекаивающиеся с личностными переживаниями, могут являть собой манифестацию жизненной позиции, лозунг, слоган, протест и прочее. Примеры текстов, содержащих в себе дополнительный код (код 2 — направление канала восприятия «Я — Я») с личностно значимым дискурсом, представлены на следующих иллюстрациях в авторском переводе (фото 12–23):

- *Russia / Where my heart belongs* — «Россия — там, где мое сердце» (либо «Россия. Мое сердце принадлежит ей»);
- *All you need is love. And Wi-Fi* — «Все, что тебе нужно — это любовь. И вай-фай»;
- *London/ The fashion capital/#HARRODS # SELFRIDGES # HARVEY NICHOLS/Keep calm and enjoy your tea* — «Лондон/Столица моды #Хэрродз #Сэлфридж #Харви Николз / Сохраняй спокойствие и наслаждайся чаепитием»;
- *Fake friends /Fake feelings/Digital love/ Feedback/ Outsider* + стихотворение или куплеты песни на тему дружбы и любви «Load up your guns, bring your friends / It's fun to lose and to pretend / She's over-bored and self-assured...» — «Ненастоящие друзья, фейковые чувства, цифровая любовь, обратная связь, аутсайдер (актуальные для молодежи фразы) + стихотворение или куплеты из песни»;
- *Since June 1973. Limited edition. 48 years of being awesome.* «Июнь 1973. Ограниченный выпуск. 48 лет чудесному созданию»;
- *We need to talk* — «Нам надо поговорить»;
- *I remember you used to love me* — «Я помню, как ты раньше любил(а) меня»;
- *Never let me down again.* Строчка из песни группы Depeche Mode.
- Демонстрация интереса к мифическому существу из английского фольклора (Гремлину), перечисление правил поведения с ним как посыл обществу тинейджеров, способ поиска возможных друзей с общим хобби. GREMLINS. *There are three rules / Keep them away from bright light / Don't get them wet / Never ever feed them after midnight.* «Гремлины. Есть три правила \ Держите их подальше от яркого света \ Нельзя их мочить \ Ни за что на свете не кормите их после полуночи»;
- Текст песни группы «Depeche Mode».

Фото 12. *Russia. Where my heart belongs.*¹³ Фото 13. *All you need is love. And Wi-Fi*¹⁴

¹³ Фото автора — А. Е.

¹⁴ Фото автора — А. Е.

Фото 14. Общий вид туники с текстом «London/ The fashion capital/#HARRODS # SELFRIDGES # HARVEY NICHOLS/Keep calm and enjoy your tea»¹⁵

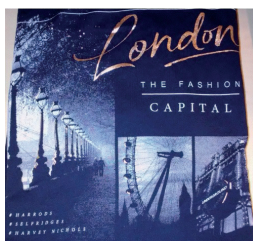

Фото 15. Фрагмент туники с текстом «London/ The fashion capital/#HARRODS # SELFRIDGES # HARVEY NICHOLS»¹⁶

Фото 16. Фрагмент туники с текстом «Keep calm and enjoy your tea»¹⁷

Фото 17. Since June 1973. Limited edition. 48 years of being awesome!¹⁸

Фото 18. Fake friends /Fake feelings/ Digital love/ Feedback/ Outsider + стихотворение или куплет песни!¹⁹

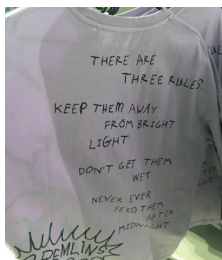
¹⁵ Фото автора – А. Е.

¹⁶ Фото автора – А. Е.

¹⁷ Фото автора – А. Е.

¹⁸ Фото автора – А. Е.

¹⁹ Фото автора – А. Е.

Фото 19. We need to talk²⁰Фото 20. I remember you used to love me²¹Фото 21. Never let me down again. Фраза из песни группы Depeche Mode²²Фото 22. GREMLINS. There are three rules / Keep them away from bright light / Don't get them wet / Never ever feed them after midnight²³Фото 23. Текст песни группы Depeche Mode²⁴²⁰ Фото автора – А. Е.²¹ Фото автора – А. Е.²² https://scontent-lga3-1.cdninstagram.com/v/t51.2885-15/e35/118702429_311795970073011_7707009521271903236_n.jpg?_nc_ht=scontent-lga3-1.cdninstagram.com&_nc_cat=103&_nc_ohc=EmUK4LPRdkkAX9cmRl7&se=7&tp=1&oh=69e76ca17d41fcaec49b1a59d8b5746f&oe=6015B5D7&ig_cache_key=MjM5MDE4MTkzMjA1M-jY2MDAzMw%3D%3D.2²³ Фото автора – А. Е.²⁴ https://printbar.ru/upload/thumb/images/70/701d6ad8j9e1_330x0.jpg

Язык, общение, передача информации — черты, характеризующие человеческое общество. При современном стремительном развитии цифровых технологий все это претерпевает изменения, способствует возникновению новых видов и росту способов ведения коммуникации, порой приобретая причудливые формы. Вербальная и визуальная информация находит новые способы массовой репрезентации, одним из которых является цифровая печать на одежде. Таким образом, по нашему мнению, одежда приобретает характеристики коммуникативной среды [Калентьева, Леонтьева, 2018, с. 227–229; Rosenfeld, Plax, 1977, с. 24–31], а значит, она может рассматриваться как особое информационное, социальное и лингвистическое пространство.

В силу глобальности масштабов распространения в мире английского языка его чаще всего избирают для нанесения такого рода надписей. В нашем исследовании акцент делается на рассмотрении феномена возросшей инкорпорации английского языка в российскую действительность, на огромную популярность надписей на английском у русскоязычного населения и на территории России. Данное явление — нанесение надписей на английском языке с помощью цифровой печати на одежду и обувь, наряду с использованием английского языка во многих других сферах (для городского нейминга, в образовательных заведениях, коммерческих учреждениях, в меню общепита, рекламе и прочее) способствует развитию явления социокультурной и языковой гибридизации.

Рассмотрение феномена популярности ношения одежды и обуви с надписями в языковом ракурсе позволяет говорить о специфическом способе коммуникации — опосредованном общении через одежду, ином способе демонстрации и передачи текста. Возросшая мобильность общества, интерес к изучению английского языка у разных групп населения, переход в преподавании иностранного языка на коммуникативный подход подразумевают, что нельзя отрицать осознанный выбор текста (фразы, лозунга, девиза) в подавляющем большинстве случаев. Российский потребитель с точки зрения производителя априори признается способным понять смысл, оценить игру слов, лаконичность выражения мысли, юмор на английском языке, что часто встречается в публичных текстах — надписях на одежде. В молодежной среде таким способом легко поддержать актуальность идеи, лозунга, демонстрируя ментальный посыл в виде надписи на одежде, выставляемой на широкое обозрение. Кроме того, для определенных субкультур с помощью текста на одежде или обуви можно обозначить круг общения «свой / чужой», если надпись содержит какой-либо код, принятый в данной субкультуре, для понимания смысла которого необходимо обладать фоновыми знаниями

и принадлежать определенной социальной группе. Это ведет к установлению дополнительных контактов, может служить отправной точкой акта коммуникации. Выставленная на обозрение надпись на одежде, которая понятна узкому кругу людей в силу своей специфики, фоновых знаний или контекста, может создавать эффект элитарности — закрытого клуба общения, так как нацелена на выборочных коммуникантов / реципиентов: «...семиотизация бытия знаменует сдвиг в структуре потребительской мотивации, при котором происходит смещение приоритета с функциональной полезности предмета на его символическое, статусное содержание» [Цендровский, 2015, с. 1-57].

Другой причиной популярности «говорящей одежды» может являться претензия на право голоса, доминирующая в современном обществе в целом и в молодежной среде в частности. Притягательность принта в виде печатного текста (букв, слова, фразы) состоит в открытости его толкования. Возможность интерпретации, поиск смысла, расшифровка кода надписи (лингвистического или экстралингвистического) является, по сути, формой интеллектуальной коммуникации [Сорокин, Тарасов, 1990, с. 180–186; Todorović, Ćuden, Košak, Toporišič, 2017, с. 125–133]. В таком случае некоторые надписи не столько направлены на восприятие другим реципиентом, сколько выполняют функцию дневника, своих личных записей и дают возможность самому носящему их обращаться к тесту снова и снова, перечитывая его, декламируя во внутренней речи и демонстрируя в процессе ношения одежды.

В последнее время возможности использования цифровых технологий были расширены по некоторым объективным причинам: тотальный переход общества на удаленную коммуникацию из-за пандемии COVID-19, дистанцирование и избегание прямого речевого взаимодействия привели к поиску альтернативных способов передачи текста. Так как основная характеристика человека — использование языка и речи — в новых условиях не утратила своей актуальности, начали развиваться и новые форматы коммуникации. Одежда с надписями достигла пика популярности как неосознанный и осознанный способ косвенно «выговориться» на широкую аудиторию на улице, в транспорте, передать социуму посыл, фразу, речевое намерение на расстоянии, создавая собой иное информационное пространство [Todorović, Toporišič, Ćuden, 2014, с. 321–333].

Такой формат общения имеет некоторые преимущества как коммуникация новой реальности:

- **широкий охват аудитории:** нет границ передачи информации при свободном передвижении. Хотя при введении социальных

ограничений аудитория может сужаться, однако коммуникация через визуальный язык в таких условиях становится ярче и приобретает большую ценность, зрительное восприятие выходит на первый план, контакт адресант — адресат реализуется в физическом пространстве с учетом дистанции;

- **обратная связь:** есть возможность быстро получить реакцию реципиентов, увидеть намеренно обращенный взгляд, эмоцию, жест, в некоторых случаях комментарий, реплику или соответствующее надписи действие. В течение определенного периода времени можно при желании провести анализ интереса аудитории к предъявленному тексту, подсчитывая реакции. Автор стал свидетелем отрицательной для адресанта реакции, нежелательного действия, когда работники службы досмотра в аэропорту проявили повышенное внимание к досмотру и дополнительному опросу женщины, имеющей на своей футболке крупную надпись «I'M A BOMB MYSELF» — «Я — сама бомба».

Оценка языкового и внеязыкового культурного содержания надписей, которые бросают вызов общественной морали и нормам поведения, происходит при считывании следующих надписей (фото 24–25): *Back OFF* — «Отвали» и надписей с табуированной лексикой: *whore*; *DON'T BE A DICK* — «Не будь козлом (придурком)» (перевод автора. — А. Е.).

Фото 24. *Back off*²⁵

Фото 25. *Don't be a dick*²⁶

Для дискурсного анализа имеет значение не только языковая форма надписи, но и то, кем она предъявляется и при каких условиях, т. е. необходим учет коммуникативной ситуации, при которой она демонстрируется непосредственному коммуниканту: в данном случае студентка не-

²⁵ Фото автора — А. Е.

²⁶ Фото автора — А. Е.

языкового профиля неосознанно выбрала одежду с надписью «Back off» («Отвали») для явки на экзамен по иностранному языку (английскому), и преподавателю (автору) необходимо было выстраивать диалог, вести экзаменационный опрос с учетом данного факта.

В условиях изменившейся реальности из-за пандемии для общения на расстоянии человечество стало шире и по-новому использовать интернет-технологии. С использованием онлайн-платформ для учебы, индивидуального и группового взаимодействия, участия в форумах и конференциях появилась возможность вступить в коммуникацию опосредованно и продемонстрировать по видеосвязи на своей одежде какой-либо текст, лозунг, девиз прежде, чем будет включен микрофон, т. е. персонализироваться с помощью яркой надписи и/или принта, удовлетворить свое желание донести идею, протест или шутку, не прибегая к прямому привычному речевому акту. Показателен пример надписи на одежде учителя во время дистанционного урока, чтобы использовать одежду в качестве коммуникативного фона-шутки (фото 26): *All women are created equal but only the finest become English teachers* — «Все женщины созданы равными, но только самые лучшие становятся учителями английского» (перевод автора).

Фото 26. *All women are created equal but only the finest become English Teachers*²⁷

Заключение

В данной статье был подвергнут анализу процесс коммуникации через демонстрацию адресантом и восприятие адресатом надписей на одежде / обуви и обоснована точка зрения, позволяющая считать его од-

²⁷ https://yandex.ru/images/search?text=all%20women%20are%20created%20equal%20but%20only%20the%20finest%20become%20english%20teachers&from=tabbar&pos=6&img_url=https%3A%2F%2F3.bp.blogspot.com%2F-hZzUHE6fY-51%2FV-O9ul3ob51%2FAAAAAAAB6Q%2Fy6G6xSo5UnQ2Aba_jDqju3e6fio-AoGnw-CLcB%2Fw1200-h630-p-k-no-nu%2F14322501_1776671012581921_174788507512401712_n.jpg&rpt=simage

ним из новых способов общения, передачи информации, получившим распространение в эпоху постмодерна за счет развития технологий цифровой печати на ткани. Данный способ коммуникации стал альтернативным традиционному за счет лаконичности письменного выражения мысли средствами английского языка, подкрепленным визуально и экстралингвистически через разный контекст общения и уникальность дискурса в каждом конкретном случае. Такие неотъемлемые атрибуты современного общества и человека, как одежда и обувь, с приобретенной спецификой цифрового общества в эпоху постмодерна и распространением цифровой печати — надписями на английском языке — могут рассматриваться как феномен «говорящей одежды». Установлено, что популярность английского языка на территории России для данного способа передачи идеи, смысла, текста обуславливается процессами языковой и социокультурной глобализации и гибридизации, а также коммерческими, культурными или социальными запросами общества.

В работе доказана возможность применения к данному процессу коммуникации коммуникативной модели Р. О. Якобсона и Ю. М. Лотмана. Продемонстрировано существование общих элементов модели данных исследователей и модели опосредованного общения через восприятие принтов / надписей; в данном способе коммуникации обосновано существование двух направлений канала передачи информации: «Я — ОН» и «Я — Я». Перспективными представляются классификация типов и функций текста при демонстрации на одежде, исследование стилистики текстов такого типа.

Библиографический список

Бриткина Д. С., Баймуратова У. С. Английские надписи на одежде как экстралингвистические факторы // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки : мат-лы XXXVII междунар. студ. науч.-практ. конф. 2015. № 10 (37).

Ефремова А. Э. «Говорящая» одежда как новый способ коммуникации: манифестация английского языка в российской действительности в условиях постмодернизма // Нефилология. 2022. Т. 8. № 3.

Ивус О. Н. Невербальная составляющая слогана на одежде // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10 (76).

Калентьева И. Н., Леонтьева А. В. Анализ английских надписей на одежде: коммуникативно-прагматический аспект // Студенческая наука Подмоскovie : материалы международной конференции молодых ученых, 2018.

Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и типологии культуры. URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman-selection.htm#_Toc509600933

Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция. Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.

Цендровский О.Ю. Культурно-мировоззренческие основания глобального сетевого общества XXI в. // Человек и культура. 2015. № 5. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=16316

Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.

Rosenfeld L., Plax T. Clothing as Communication. In: Journal of Communication. 1977. No. 27 (2).

Todorović T., Čuden A. P., Košak K., Toporišič T. Language of Dressing as a Communication System and its Functions — Roman Jakobson's Linguistic Method // FIBRES & TEXTILES in Eastern Europe. 2017. No. 25. 5 (125).

Todorović T., Toporišič T., Čuden A. P. Clothes and Costumes as Form of Nonverbal Communication // Tekstilec. 2014. No. 57 (4).

References

Britkina D. S., Baimuratova U. S. *Anglijskiye nadpisi na odezhde kak ekstralingvističeskiye faktory*. [English inscriptions on clothing as extralinguistic factors]. In: *Nauchnoye soobshchestvo studentov XXI veka. Gumanitarnyye nauki*. [Scientific community of students of the 21st century. Humanitarian sciences]. 2015. No. 10 (37).

Efremova A. E. “Govoryashchaya” odezhda kak novyj sposob kommunikacii: manifestaciya anglijskogo yazyka v rossijskoj dejstvitel'nosti v usloviyah postmodernizma. [“Talking” clothes as a new way of communication: the manifestation of the English language in Russian reality in the context of postmodernism]. In: *Neofilologiya*. “Neofilologiya”. 2022. Vol. 8. No. 3.

Ivus O. N. *Neverbal'naya sostavlyayushchaya slogana na odezhde*. [The nonverbal component of the slogan on clothing]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. [Questions of theory and practice]. Tambov, 2017. No. 10 (76).

Kalent'eva I. N., Leont'eva A. V. *Analiz anglijskikh nadpisey na odezhde: kommunikativno-pragmatičeskij aspekt*. [Analysis of English inscriptions on clothing: a communicative and pragmatic aspect]. In: *Studenčeskaya nauka Podmoskov'yu*. [Student science near Moscow], 2018.

Lotman Yu. M. *Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury*. [Articles on semiotics and typology of culture]. URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman-selection.htm#_Toc509600933

Sorokin Yu. A., Tarasov E. F. *Kreolizovannyye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya. Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya*. [Creolized texts and their communicative function. Optimization of speech impact]. Moscow, 1990.

Tsendrovskii O. Yu. *Kul'turno-mirovozzrencheskiye osnovaniya global'nogo setevogo obshchestva XXI v.* [Cultural and ideological foundations of the global network society]. In: *Chelovek i kul'tura*. [Man and culture.]. 2015. No. 5. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=16316

Iakobson R. O. *Lingvistika i poetika Linguistics and poetics*. [Linguistics and poetics]. In: *Strukturalizm: "za" i "protiv"*. [Structuralism: "for" and "against"]. Moscow, 1975.

Rosenfeld L., Plax T. *Clothing as Communication*. *Journal of Communication*. 1977. No. 27 (2).

Todorović T., Čuden A. P., Košak K., Toporišič T. *Language of Dressing as a Communication System and its Functions — Roman Jakobson's Linguistic Method*. In: FIBRES & TEXTILES in Eastern Europe. 2017. No. 25, 5 (125).

Todorović T., Toporišič T., Čuden A. P. *Clothes and Costumes as Form of Nonverbal Communication*. In: *Tekstilec*, 2014. No. 57 (4).

ИСКУСИТЕЛИ, ЖЕРТВЫ, СВОИ И ЧУЖИЕ В ПЬЕСЕ А. Н. ОСТРОВСКОГО «ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ»

К. В. Смирнов

Ключевые слова: чужой, пространство, персонажный уровень, конфликт, жертва, прошлое и будущее, статичность, динамика.

Keyword: alien, space, character level, conflict, victim, past and future, static, dynamics.

DOI 10.14258/filichel(2023)2–06

Введение

В XIX веке проблеме женских прав уделялось немало внимания. Речь шла об отсутствии или посредственности женского образования, о лишении женщин многих гражданских прав, о скептическом отношении к женщинам в вопросах политики, искусства и проч. Причин подобного гендерного разделения, как правило, называлось немало, однако основной была традиционная установка создания семьи, восходящая к канонам «Домостроя»: женщина должна воспитывать детей, заниматься бытом и прочими вопросами, касающимися устройства дома. В рамках подобного мировосприятия женщине было не нужно образование, отчего на долгие годы прекрасная половина человечества фактически оказались исключенной из общественной жизни, оставаясь хранительницей домашнего очага и не более. Однако в XIX веке ситуация изменилась: все больше стали говорить о необходимости выведения женщины из бытового заточения, ее человеческих качествах и положении в обществе. Все чаще на страницах произведений появляются самодостаточные героини, способные самостоятельно решать различные проблемы и наравне с мужчинами активно действовать не только внутри своего дома, но и за его пределами. Свидетельствами этого выступают произведения Н. Г. Чернышевского, А. В. Дружинина, И. А. Гончарова, И. С. Тургенева и др. Разумеется, среди перечисленных классиков необходимо упомянуть и А. Н. Островского, создавшего особый женский тип — тип жертвы. Этот тип анализируется в настоящей статье, библиографический список которой состоит из трудов А. Ф. Лосева, В. Н. Топорова, М. А. Гаспарова, К. Г. Юнга и др.

Жертвы и «чужие» в пьесе «Таланты и поклонники» А. Н. Островского

Женщина-жертва в творческом наследии А. Н. Островского (в большинстве случаев) выведена как центральный, системообразующий образ,

имеющий наибольшую контекстуальную нагрузку внутри художественной реальности произведения. При этом сам факт жертвы будто бы «врожденный». Иными словами, героиня Островского показана изначально находящейся в тяжелых жизненных обстоятельствах и будто бы не ищущей способов для того, чтобы что-то изменить. Она смирилась и готова принять свою судьбу такой, какая она есть. Акцентуация на женских образах неслучайна: именно женские образы в драматургии Островского в большинстве случаев несут максимальную контекстуальную нагрузку. На наличие гендерного разделения героев указывает В. И. Мильдон в статье «Логика и сверхлогика любви в драматургии А. Н. Островского: (набросок на тему „Островский и Достоевский“)»: «Никаких надежд на будущее мужские герои не содержат, ибо материальное, лишенное духовного горизонта, занятое собой обречено прежде всего в качестве материального. Только героини Островского дают повод надеяться — именно благодаря сверхлогике, которая, оказывается, и есть логика человечества, т. е. не целиком от мира сего» [Мильдон, 2001, с. 74]. Женские образы у Островского всегда «особенные», будто бы выделенные среди прочих персонажей. Как замечает В. Г. Мосалева, «почти все его женские персонажи наделены сильным чувством девической чести и верности семейному долгу. Они могут ошибаться в своих избранниках, но не поступятся достоинством личности, воспитанной в христианских традициях. В этом смысле героиням Островского дано природное чутье истинного поступка. Таковы вообще все героини Островского: и в его «картинах московской жизни», и в пьесах об уездных и губернских городках» [Мосалева, 2014, с. 226]. К тому же героини всегда оказываются в непростой жизненной ситуации, в которой необходимо сделать выбор. Причем в большинстве случаев этот выбор крайне сложный — в некотором роде его можно назвать жертвенным: отдать что-то для того, чтобы получить желанное. Духовный фактор часто становится основополагающим, на что указывала в своей работе В. Г. Мосалева. Но этот выбор всегда судьбоносный. Виной этому выступает то общество, которое героиню окружает. «Драматургия Островского дает возможность показать тот произвол и то насилие, которое составляет сущность всего общественного порядка крепостнического „темного царства“ России», — пишет Ю. Н. Чирва [Чирва, 2014, с. 113]. Похожая мысль получает продолжение в работе «Духовные ценности в пьесах А. Н. Островского»: «Каждый персонаж в пьесах Островского связан со своей средой, эпохой, историей своего народа» [Березкина, Федурин, 2016, с. 28]. Ввиду этого правомерно говорить о существовании некоторого типа — типа жертвы. Поэтому речь в настоящей статье будет идти по преимуществу

о женских образах, о тех, кто определяет основной контекстуальный конфликт произведения.

Чтобы данный тип был активен и соответствовал общей проблематике произведения, Островскому необходимо было детально изобразить внутреннюю трагедию героини, показать ее душевные страдания, при этом максимально сблизив с традициями Натуральной школы, к которой драматург тяготел. Выведение подобного образа требовало от Островского создания реалистической обстановки, в которой данный тип мог появиться и максимально себя реализовать. Для того чтобы проанализировать функционирование образа-жертвы, при котором героиня становится главным действующим лицом, будет использован термин «выведенность». Выведенность — это характеристика героя, становящегося центральным в литературном произведении за счет влияния других героев. Иными словами, герой становится предметом детального анализа самого автора, который создает соответствующие контекстуальной модели произведения условия, в которых анализируемый образ должен максимально раскрыться. Подобное развитие героя достигается за счет нескольких элементов:

- 1) изначальная ситуация, в которой находится герой (в большинстве случаев неблагоприятная);
- 2) угнетающее героя окружение — персонажи, оказывающие на него прямое или косвенное воздействие или даже влияние;
- 3) предыстория, повествующая о том, каким образом герой оказался в подобных обстоятельствах.

Таким образом, выведенность — это способ показать центральный образ в разных аспектах с целью создания максимально реалистичного персонажа, который впоследствии может быть назван типом. Именно таким образом выстраивается фабула многих пьес Островского.

К сожалению, в рамках одной статьи невозможно осветить заявленную тему применительно ко всему творческому наследию А. Н. Островского, поэтому для разбора были взяты лишь некоторые произведения: в частности, в большей мере разбор коснется пьесы «Таланты и поклонники», фрагментарно «Грозы».

Итак, Александра Негина, героиня пьесы «Таланты и поклонники», является молодой незамужней, скорее всего, талантливой актрисой, мечтающей о своем бенефисе. Исходя из этой характеристики, можно заключить — Негина пользуется популярностью среди лиц мужского пола, желающих на ней жениться. Среди претендентов пожилой барин Дулепов и ожидающий учительского места Мелузов. Впоследствии появляется еще один претендент и, скорее всего, в недалеком будущем ее муж —

очень богатый помещик Великатов. Все эти мужчины рассматривают Негину как потенциальную жену. Потребности обзавестись женой формируют основной конфликт произведения — кого же выберет молодая, но очень бедная актриса? Для создания подобной модели Островский использует понятие «выведенности» — выведение героини в центр пьесы. Суть данной структурной модели состоит в том, что главная героиня (Негина) оказывается предметом наблюдения других действующих лиц (всех без исключения героев пьесы) и тем самым максимально раскрывается в мировоззренческом аспекте. При этом изначально ее положение строго оговорено — живет со своей мамой Домной Пантелеевной в бедном, изрядно потрепанном временем доме, пытается закрепиться на сцене, мечтая получить за свой бенефис внушительную сумму денег. Каждый из героев об этом знает и пытается всячески направить данную ситуацию в удобное ему одному русло.

Получается своеобразная разрозненность — каждый герой ставит перед собой собственные цели, не учитывая целей самой Негиной, при этом именно она является ключевым звеном формирующейся цепочки интриг. В структурном плане пьесы, таким образом, представляет собой своеобразный конус, вершиной которого выступает Негина, а все последующие герои находятся в основании, но при этом стремятся достигнуть вершины, т. е. добраться, если можно так сказать, до самой Негиной. Подобное построение позволило Островскому не только максимально расширить образ Негиной, возведя его в статус архетипического, но и достигнуть контекстуальной полноты произведения — цели всех героев различны, но при этом объединены одним общим — заполучить свою собственную выгоду в лице молодой актрисы. Таким образом, Негина становится не просто героиней, но еще и неким предметом, которым мечтают все обладать.

Первым в ряду претендентов может быть назван молодой выпускник университета Мелузов, который, кстати, изначально характеризуется как жених.

Позиция Мелузова довольно прозрачна — скорее всего, он испытывает к Негиной определенные чувства, которые, исходя из последней сцены, довольно проблематично назвать любовью. Он регулярно приходит в дом Негиной заниматься с ней различными науками, причем Островский не показывает, как именно проходит данный процесс. Мелузов довольно молод, но при этом высоко оценивает себя и свое образование: *«Умный или нет, это еще вопрос; но что я умнее многих вас, в этом нет сомнения. И умней оттого, что я больше думаю, чем говорю; а вы больше говорите, чем думаете»* (А. Н. Островский. Таланты и поклонни-

ки. 1960. С. 248). Мелузов характеризует себя как наставника Негиной, говоря ей о том, как правильно жить, с кем общаться и на какие книги следует обратить внимание. Но при этом герой совершенно обособлен от окружающего мира ввиду своей чрезмерной любви к самому себе, отчего в довольно солидном возрасте он продолжает ждать учительского места как некоего спасения от всех невзгод, в частности, бедственного денежного положения. Поэтому данный герой может быть охарактеризован как мечтатель, но не обыкновенный, а восхищенный самим собой, подавленный гордыней. Он не готов на подвиг ради любви, потому что это чувство для него вторично, о чем свидетельствует его пассивность в последней сцене пьесы. В этом герой в достаточной степени сближен с Тихоном и Борисом из «Грозы» — герои не видят в своих избранниках своего будущего, предпочитая ориентироваться в первую очередь на свои собственные ежеминутные цели. Герой, который восхищен собой, не является редкостью в литературе — предшественником Мелузова может быть назван Ксанф, прославившийся обещанием выпить море и в конечном счете вынужденный просить совета у своего раба Эзопа (Эзоп. Басни Эзопа. 1968. С. 39–41). Но если Ксанф давал подобные обещания в состоянии алкогольного опьянения, то Мелузов говорит абсолютно честно. Его цель в отношении Негиной проста — герой видит в молодой актрисе не обремененную жизненным опытом девушку, которую хочет «создать» для себя, сформировать, чтобы потом с продуктом своих деяний спокойно жить и получать удовольствие. Понятие семьи, таким образом, преломляется в понятие господства одного над другим, Мелузова над Негиной. Это, скорее всего, понимает Негина, которая живет в более реалистичном мире, в мире, где нужно много работать и добиваться комфортной жизни сейчас, а не в перспективе. Таким образом, первый претендент на сердце Негиной, Мелузов, может быть охарактеризован как юный мечтатель, сознательно обособившийся от общества из-за своей гордыни.

Вторым претендентом выступает пожилой барин Иракий Стратоныч Дулебов. Он является полной противоположностью Мелузову не только в контексте мировосприятия, но и возраста. В отличие от учителя, барин имеет огромный жизненный опыт. Однако он одинок. Негина для него — возможность снова почувствовать молодость, обзавестись юной супругой, которая из-за своей денежной несостоятельности является завидной невестой, предметом, который можно довольно дешево купить. Дулебов может решить все проблемы Негиной — сделать ее примою провинциального театра, организовать бенефис, который покроет все затраты, подарить ей дорогие украшения и красивые пла-

тя. Но за все это Негина должна будет отдать ему годы своей молодости, признавая, что дарит пожилому человеку всю себя. Но как показывает практика, подобные отношения рано или поздно заканчивались изменами. Примером могут стать отношения Марины и Савелия в «Обрыве» И. А. Гончарова, Акима и Авдотьи в «Постоялом дворе» И. С. Тургенева и проч. Разумеется, Негина этого не хочет, из-за чего конфликтует со своей мамой Домной Пантелеевной. В итоге второй жених, как и первый, также рассматривает Негину как предмет, некую вещь, которая нужна ему для своих целей, но не для того, чтобы подарить возлюбленной счастье.

Особняком стоит третий претендент — таинственный помещик Великатов. Сведения о Великатове крайне скудны: известно лишь о том, что он водит дружбу с купцами и отличается исключительными манерами. ... *Или вот Иван Семеныч Великатов... говорят, сахарные заводы у него не один миллион стоят... Что бы ему головки две прислать; нам бы надолго хватило... Сидят, по уши в деньгах зарывшись, а нет, чтобы бедной девушке помочь,* — говорит Домна Пантелеевна о герое (А. Н. Островский. Таланты и поклонники. 1960. С. 226). Великатов появляется в пьесе практически внезапно и характеризуется как необыкновенно авторитетный человек, которому симпатизирует практически все светское общество. Его биография покрыта тайной; о нем известно лишь то, что он необычайно богат и успешен в делах. Как именно ему удалось приумножить свои доходы и в чем состоит его экономическая концепция, остается неизвестным. В такой же степени непонятно, есть ли у него возлюбленная (разумеется, исключаются салонные сплетни), есть ли дети, с кем он живет и чем занимается помимо работы и посещений местного театра.

В конечном счете Островский представляет читателю довольно своеобразного героя — человека без прошлого, являющегося очень богатым и исключительно тактичным. Великатов, таким образом, становится посторонним в обществе губернского города, где у каждого есть своя история. Так, например, Домна Пантелеевна, магушка Негиной, была замужем за музыкантом провинциального оркестра и считалась женщиной простой; князь Иракий Стратоныч Дулебов — пожилой мужчина, барин, богат и т. д. Все эти характеристики вынесены Островским в список действующих лиц, а впоследствии нашли свое воплощение в сюжете. И лишь один Великатов остается нераскрытым и совершенно не участвующим в развитии действия. Даже основной конфликт произведения выстраивается без его прямого участия — все, что делает герой, озвучивается либо другими героями, либо через письма. Получается, что герой

вроде как в пьесе, но фактически находится рядом с ней, если можно так сказать, сбоку. В этом и состоит его главная характеристика — в потусторонности. Поэтому можно утверждать, что Великатов — один из ведущих персонажей пьесы, который, однако, лишь фрагментарно участвует в ходе событий — всегда через кого-то или при помощи кого-то. Ему не принадлежит ни один монолог, его появление всегда осуществляется с кем-то другим, а о его намерениях в отношении Негиной удается узнать лишь через письма. Главная черта героя — отсутствие каких-либо черт характера, кроме исключительной культуры общения и врожденного меценатства. Кажется на первый взгляд, что Островскому удалось разгадать главную загадку русской литературы — создать положительного реалистичного героя, который из добрых побуждений спасает всех и, как истинный праведник, в конце забирает несчастную красавицу в идеальный мир. Поэтому крайне непросто оценить Великатова в негативном ракурсе. Однако Великатов, к сожалению, едва ли отличается чем-то от Мелузова и Дулебова — слишком уж прозрачны его цели и замыслы.

Островский не случайно исключил из пьесы описание прошлого Великатова, наделив его уникальным качеством — неизвестностью. Герой всегда одинаково хорош. Но в конечном счете он совершает то, чего не смогли сделать прочие герои пьесы, — завладеть Негиной. Негина, возведенная в статус вершины художественной структуры пьесы как реализация «выведенности», вынуждена выбирать себе жениха, даже не догадываясь о том, что выбирают ее. Не она является главным покупателем на ярмарке, а те, кто ее оценивают. Как и Мелузов с Дулебовым, Великатов видит в ней идеальную супругу, которая еще молода и совершенно не готова к взрослой жизни. Ее увлекают подмостки театров, мечты о блистательной актерской карьере. Дулебов ей рассказывает о своем огромном состоянии и возможности решить все ее проблемы. Мелузов апеллирует к прекрасным перспективам, которые способны дать образование. Но и тот, и другой всегда рассуждают о будущем — о том, что случится, если она согласится на брак с ними.

В отличие от них Великатов оказался более прагматичен — он не обещал счастливого будущего, но действовал гораздо разумнее: деньги Негину, в отличие от Домны Пантелеевны, совершенно не интересовали. Она мечтала о славе. И эту славу, детскую мечту, Великатов смог осуществить, организовав бенефис. При этом мастерство Великатова состоит в том, что он руководствовался слабостью Негиной, но не своей силой. Ему удалось доказать Негиной, что ее мечта вполне может быть исполнена здесь и сейчас. А после можно будет говорить и о более серьез-

ных целях и покорении новых театральных вершин. Но это после. Дулебов и Мелузов стремились завладеть героиней рассказами, а Великатов действовал. В этом плане он даритель, отчего может быть назван одним из самых «опасных» героев русской литературы. В отличие от Дулебова и Мелузова, Великатов покупает Негину не за деньги или образование, а за веру в мечту, буквально врываясь в ее внутренний мир.

Подобное совершил Борис Григорьевич, герой пьесы «Гроза», завладевая надеждами на счастье Катерины. Но в силу обстоятельств Борис вынужден был уехать в Кяхту, город, расположенный на границе с Китаем, один. А Великатов уезжает с Негинной в свой барский дом, где он является единоличным хозяином и владельцем, где Негинной будет некуда уйти, даже если она этого захочет. Для него ярмарка невест удалась в полной мере — не через проявление своей силы, а через чужую слабость Великатов достигает цели — завладевает сердцем Негинной, которая, по своей наивности, продолжает верить в бескорыстность его намерений. Его роль — роль библейского змея-искусителя, аналог библейского демона Асмодея [Jong, 1997, p. 17] (что в большей степени продиктовано самим театральным антуражем текста), уговаривающего свою жертву исполнить тайное желание вопреки обстоятельствам. В художественной реальности пьесы Великатов чужой; его никогда не показывают обособленно; его мысли и цели скрыты. Иными словами, человек-загадка, тот, таинственность которого становится главной опасностью для всех окружающих.

Единственная характеристика Великатова, которая позволила «раскритиковать» данного героя, состоит в том, что он не местный, чужой. Образ «чужого» вполне может быть выделен в отдельный тип русской литературы. В романе «Накануне» И. С. Тургенева неожиданно появляется борец за независимость Болгарии Инсаров, который буквально губит героиню ради своей идеи. В романе «Обрыв» И. А. Гончарова спасти Веру решается человек простой, но деловитый — Тушин. Таких примеров можно привести очень много. Конфликты многих произведений русской литературы базируются именно на создании образа «чужого» как основного действующего лица, формирующего развитие сюжета. Главная характеристика «чужого» — его необходимость, потребность в нем других героев, которые в рамках художественной реальности статичны. Негина мечтает стать великой актрисой, но это маловероятно, так как никто из ее окружения никак не помогает ей, не стремится изменить сложившуюся ситуацию. Ее мечты благополучно низводятся до недостижимых желаний. Разумеется, существует вариант замужества с Дулебовым, но здесь также непонятно: будет ли пожилой мужчи-

на финансово помогать своей молодой жене устроить ее карьеру. Скорее всего, не будет, так как карьерные успехи супруги не входят в его планы. Поэтому Островский вводит человека со стороны, чужого статичному обществу актеров и актрис Великатова, который, приходя из ниоткуда, уходит в никуда, забирая с собой Негину.

«Чужой» нужен как формирующий конфликт произведения образ. Его роль — роль разрушителя классических устоев и порядков того мира, в котором без его присутствия действие не развивается. Борис Григорьевич из «Грозы» также появляется внезапно. Он вынужден приехать к своему дяде Дикому. Но он, как и Великатов, приезжает, не являясь полноценным членом калиновского социума. Искушая Катерину напрасными обещаниями, Борис Григорьевич так же легко уезжает, на прощание лишь инсценировав расстройство. Разумеется, он был вынужден уехать, но это не меняет самого факта неминувости отъезда. Неожиданно появляющийся в «Снегурочке» Мизгирь также чужд обществу берендеев. Его появления связано с ожидающейся свадьбой, которой не суждено было состояться. Мизгирь тоже уходит, но иначе — герой умирает, видя гибель возлюбленной. Все это позволяет сделать вывод: «чужой» как структурный элемент персонажного уровня необходим для дестабилизации медленно протекающей художественной реальности. И в данном случае уместно проследить сам путь становления данного образа. Возможно, исток появления «чужого» связан с древнегреческой литературой, а именно с образом Эдипа. Здесь нас будет интересовать не устоявшаяся благодаря А. Камю психологическая концепция «Эдипова комплекса» [Foley, 2008], а только художественная составляющая.

Эдип, как известно, возвращается в Фивы, где убивает сначала своего отца Лая, а потом женится на своей матери Иокасте. Нас не интересуют дальнейшие события, связанные с деятельностью Эдипа. Важно, что герой приходит со стороны как чужой, неизвестный, никому не знакомый. В этом состоит его главное художественное достоинство — в потусторонности. Таким образом, художественная реальность разделяется на две неравные части, по терминологии В.Н. Топорова, на срединное и периферийное пространства [Топоров, 2009, с. 339]. Причем периферийное является миром закрытым, таинственным, особенной реальностью, в которой некогда жил тот самый чужой. Менталитет обывателей той реальности иной, в корне противоположный тому социуму, в котором развивается действие произведения. При этом нельзя сказать, что он положителен или негативен — скорее нейтрален и поэтому совершенно чужд. Возможно, его вовсе нет, как нет правил и канонов поведения, обычаев и традиций.

Есть герой, который приходит оттуда и в силу своих личностных особенностей вносит дисбаланс в окружающее общество своими поступками и изречениями. «Идеальный» Великатов пришел из другого, периферийного мира. И его поступки иные, действенные, в отличие от прочих. Эдип также пришел из «другого мира» и внес сумятицу в повседневную размеренную жизнь Фив. По существу, «чужой» как герой уже полностью сформирован и не предполагает изменений. Скорее он выступает мотиватором трансформации других героев — тех, с кем ему приходится общаться и на кого он может повлиять. Таковыми являются девушки, влюбляющиеся в него. Наравне с мотивом жертвы, о которой речь шла выше, начинает функционировать и мотив зеркальности. «Чужой» представляет собой не просто человека из другого мира, но и того, кто своими поступками вскрывает в своих жертвах самые сокровенные и греховные желания. Он как тень, но не является носителем комплекса тени: «Хотя при наличии пронизательности и доброй воли тень может быть до некоторой степени ассимилирована сознательной частью личности, опыт показывает, что в ней присутствуют те или иные черты, демонстрирующие крайне упорное противодействие моральному контролю; повлиять на них оказывается почти невозможно» [Юнг, 2009, с. 21]. Он одновременно и трикстер, но не может в полной мере быть причастен к данному архетипу: «Трикстер представлен противотенденцией бессознательного, а в некоторых случаях — своего рода второй личностью более низкого и неразвитого характера» [Юнг, 1996, с. 345]. Он скорее воплощение того, чего героиням так хочется и чего они боятся больше всего.

В определенном смысле «чужой» может быть тождественен библейскому змею-искусителю как провокатор совершения греха, но, разумеется, прямая параллель вряд ли уместна. Зеркальность — вот его главная черта. Великий Дельфийский пророк, истина в последней инстанции для древних греков, предсказал Эдипу гибель всего его рода. Так и произошло. По похожей модели развивается и действие пьесы «Таланты и поклонники». Негина еще молода, но, как и любая другая актриса, мечтает о популярности и славе. Однако ее выбору препятствуют несколько обстоятельств: во-первых, ее жених Мелузов, призывающий ее учиться тому, что ей кажется бесполезным и «мало применимым» в ее профессии; во-вторых, ее матушка, аккуратно намекающая на необходимость сближения с Дулебовым ради погашения долгов и улучшения финансовой составляющей. Тем не менее Негина мечтает о славе. И эта слава приходит к ней через Великатова — чужого человека, который проявил небывалую бескорыстную доброту.

Если в истории Негиной зеркальность имеет все-таки положительный оттенок, то в «Грозе» она приобретает оттенок негативный, равно как и в «Бесприданнице» и «Снегурочке». Катерина мечтает о большой любви, о той любви, которую она отдает Тихону, но не получает ничего взамен. Ее судьбу будто бы разрывает на две части Борис Григорьевич, в котором Катерина видит опору. Ее греховные мечты о высочайшем чувстве становятся возможными, что впоследствии явится поводом для самоубийства. Аналогичная контекстуальная модель в «Снегурочке»: получив большую любовь, героиня от ее же огня погибает. Следовательно, зеркальность есть характеристика «чужого», который ни на кого не похож и ни с кем не сравним, как Борис Григорьевич, Великаты, Лель и проч.

Но реализм в полной мере не был бы реализмом, если бы не показывал также и другую сторону жизни — жизни тех, кто этих героев окружает и является невольными свидетелями личных отношений между чужим и его жертвой. Примечательно, что второстепенные герои довольно часто выступают проекцией главных, дублируют их или, что в большинстве случаев, на своем примере показывают «другую» жизнь, что произошло бы, если бы было принято «другое» решение. По существу, мы имеем дело с дублированием одной персонажной оси другой. Эта особенность находит свое воплощение и в творчестве А. Н. Островского. Примером ее реализации становятся отношения Катерина — Борис — Варвара — Кудряш в «Грозе».

В «Грозе» можно выявить дублирование отношений Катерина — Борис отношениями Варвара — Кудряш. Изначально существует только один герой, который максимально развивается за счет диалогов с другими героями, а также монологов, в которых раскрывается его прошлое («Сон Обломова», биография Павла Петровича Кирсанова и т. д.). Как правило, прошлое выносится как описание «прошлой жизни», которая, преломляясь призмой настоящего, становится идеальным миром, миром, в котором все плохое забылось, а все хорошее с каждым прожитым годом становится ярче и красочней. У Катерины такими были прогулки «на ключок», отношения со своей матерью, походы в церковь и проч. (А. Н. Островский. Гроза. 1959. С. 236). Выстраивается целостная картина, определяемая «выверенностью». После этого для развития основного конфликта добавляются другие герои — те, прошлая жизнь которых статична, неизменна и полностью отражается в настоящем (Николай Петрович Кирсанов, много лет живущий в Марьино (И. С. Тургенев. Отцы и дети, 1978), Татьяна Марковна Бережкова, «осевшая» в помещицкой среде (И. А. Гончаров. Обрыв. 1953)). Хороша она или дурна —

дело субъективное, однако она не представляет никакого интереса в силу своего прямого проецирования в настоящем. Эти герои определяют положение того первого героя в социуме, описывают его детали и тем самым формируют общую картину художественной реальности. Постепенно в произведение входит еще один герой — «чужой» — тот, кто должен трансформировать главного героя, изменить его, повлиять на него, в большинстве случаев негативно. Таковым является Борис, приехавший к своему дяде. Его появление есть создание первого витка конфликта — герой сразу заявляет о своей симпатии к Катерине, нивелируя понятия брака и эгоистично настаивая на встрече, пусть даже в ущерб предмету своих симпатий (Катерине). Эта грань — разрушающая грань — формирующая новый тип общения — общения вне привычной обстановки, будто бы отчеркивающая все прошлое ради создания будущего. Условно говоря, встреча «чужого» и первого героя и есть настоящее время, которое разграничивает то, что было до, и то, что будет после. В принципе, по данной схеме формируется основной конфликт произведения — «чужой» уже появился и совершил первый шаг для трансформации первого героя. Однако Островский, как и многие писатели его времени, создает дублирующих героев — тех, чьи отношения схожи с отношениями «чужого» и первого героя. Как правило, эти отношения паронимичны — одновременно они похожи, но участники их совсем другие. Борис буквально завладевает своей жертвой с целью получения удовольствия, в то время как его двойник, Кудряш, действительно дорожит (несмотря на его уверения об отсутствии привязанности к Варваре) чувствами, что впоследствии и подтверждает действием. В критический момент герой смог уйти вместе со своей возлюбленной, а Борис — нет.

Главным критерием подобного диссонанса является причастность Кудряша к тому миру, который создан благодаря образам Кабанихи, Дикого, Шапкина, Кулигина и проч. Для него любовь есть некое сакральное таинство, требующее полного доверия своей возлюбленной, в некотором роде жертвенность. В свою очередь, «чужой» не может этого обеспечить, так как он, во-первых, уже выполнил свою композиционную роль, во-вторых, он не испытывает тех же чувств, что и тот, кто сам является частью этой реальности. Таким образом, выстраивается своеобразный конус, в котором совмещаются Катерина и Борис с Варварой и Кудряшом. Лишним героем здесь является Катерина, которая фактически тоже является «чужой», но при этом ее чуждость уже завуалирована, забыта, нейтрализована окружающими ее людьми. Она — вершина конуса, главный герой пьесы. Ее интересы и приоритеты преломлены и заменены другими, теми, которые популяризованы местным обще-

ством. Она дорожит браком и презирает себя за измену, о которой искренне мечтала многие годы. Варвара же чужда этих стереотипов, так как она, в отличие от Катерины, уже научилась жить для себя там, где это не ценится. Ей важна собственная жизнь, а не мнение окружающих. Ее сила в самолюбии. Слабость Катерины состоит в том, что она одновременно существует в двух пространствах — привитые в родительском доме ценности еще только сменяют новые, кабановские. И поэтому Варвара без труда уходит с Кудряшом, в то время как Катерина тоже хочет уйти, но идти ей не с кем. Борис оказывается слабым и, апеллируя к собственной несостоятельности, не может ее спасти, хотя фактически просто не хочет. Уход Варвары и Кудряша разрушает композиционный конус, в котором остаются только начальные отношения Катерина — Борис. Но они тоже рушатся после отправки Бориса в Кяхту, отчего Катерина, как и в начале, остается одна. Предсказуем ее выход из распавшегося конуса — ей нужно куда-то выйти, но ввиду обстоятельств единственным возможным остается самоубийство.

Таким образом, первый герой уже изначально обречен на смерть или на бесполезное скитание по миру в поисках самого себя. Так уходит Негина, навсегда оставляя маленький провинциальный город ради другой жизни с Великатовым. Так уходит Снегурочка, умирая от вспыхнувшего чувства любви. От инсульта умирает Илья Ильич Обломов, нашедший свое счастье на Выборгской стороне с идеальной хозяйкой и, возможно, идеальной женщиной Агафьей Пшеницыной (И.А. Гончаров. Обломов. 2012). За границей оказывается Райский, искренне верящий в свою мечту о неминуемости обретения смысла жизни (И.А. Гончаров. Обрыв. 1953).

Любой конус формируется в процессе развития действия, при этом вершиной его должен стать первый герой — тот, ради которого происходит развитие действия и который по своей сути воплощает выверенность. В «Талантах и поклонниках» это Негина. В конце произведения остается один герой, первый герой — тот, с описания которого все и начиналось. Теперь его задача куда более сложная, чем в начале. Он уже вышел из прошлого мира, но пока не вступил в новый мир, не перешел полностью из прошлого в будущее. Его трансформация завершена, но художественная реальность не трансформировалась вместе с ним, став для него чужой. Иными словами, он уже в будущем, но пока живет в прошлом. Применительно к образу первого героя и его влиянию на трансформацию художественной реальности необходимо обратиться к еще одному мифу, имеющему важное значение для Древней Греции, — мифу, который довольно часто рассматривали в ином значе-

нии, не уделяя внимания его контекстуальной составляющей. Речь идет об истории «Пигмалиона и Галатеи» [Торшилов, 1999, с. 84]. Как правило, Пигмалион рассматривался лишь в статусе творца, создателя, который благодаря своему таланту сумел создать идеальную статую девушки — Галатеи. Многие гончароведы [Буланов, 1992, с. 26; Строганова, 2008, с. 216; Masing-Delic, 2009, p. 224; Краснощекова, 2012, с. 87] говорили о существующем параллелизме между статуей и Ольгой, героиней романа «Обломов», в то время как Илья Ильич выполнял функцию самого Пигмалиона — жертвы, ставшей таковой по собственной инициативе. Эта концепция, неоспоримо, исключительна и не требует подробного анализа. Однако правомерной может быть и другая контекстуальная модель мифа — модель, позволяющая иначе оценить положение героев в художественной реальности и, соответственно, иначе взглянуть не только на его структуру, но и на структуру всей греческой мифологии. Важнейшим аспектом здесь является тот факт, что главный герой Пигмалион изначально вел статичный образ жизни, предпочитая любви и общению с другими людьми искусство.

Однако все изменилось после создания статуи Галатеи: скульптор буквально бредил ею, ввиду чего, наблюдая за его муками, Афродита ожила, тем самым изменив жизнь Пигмалиона. Процесс появления первого героя, изменяющего не только тех, кто с ним контактирует, но и всю окружающую реальность, есть не что иное как акт трансформации, точно такой же, как и во всех приведенных выше примерах. Причем здесь важна также и изначальная «закрытая» жизнь главного героя. Его мечты стали возможными, но для этого ему пришлось отказаться от прошлой жизни. Иными словами, Пигмалион отказался от прошлой жизни ради будущей. Для греческой литературы подобный сюжет не случаен: для эпического наследия Древней Греции было важно участие богов в жизни простых людей, отчего очень часто великие герои были детьми Зевса, Геры, Афродиты, Диониса и проч. Их поступки воспринимались как особенные, а помыслы — как благие. Лишь впоследствии, после постепенного развития антропоцентризма, «разгульная» жизнь обитателей Олимпа стала осуждаться и критиковаться. Но, к сожалению, пути назад уже не было, что и стало причиной постепенного угасания мифологии Древней Греции. Именно там, во время вмешательства богов в жизнь простых людей, сформировался главный аспект сначала древнегреческой, а потом и мировой литературы — дробление художественной реальности на две части, одна из которых людская (статичная), а вторая божественная (динамичная). Все действие разворачивается именно в первой части — в людской; она становит-

ся своеобразной площадкой, на которой возможны и яростные сражения, и многочисленные человеческие страсти, воплощение людских пороков и людской праведности, проблем, связанных с деньгами и с честью. Человек плавно становится главным сокровищем художественной реальности. Но для того чтобы это было возможным, нужен повод, стимул. И поэтому древние греки вводили в повседневную жизнь статического мира людей богов — «чужих» для этого мира, но активно проявляющих себя. Их мир закрыт, и никто не знает, как именно они живут на Олимпе. Но это и не важно. Важно то, что происходит «внизу», где люди и боги пишут истории своей жизни. Разумеется, постепенно статичный людской мир трансформируется в динамичный благодаря появлению в нем «чужих» героев, уже не обоготворенных. Его статичность является проекцией восприятия мира самими греками, рассматривавшими время иначе, чем мы. Для древнего грека время — плоское, недвижимое [Гаспаров, 2018, с. 57]. Оно есть процесс планомерного протекания прошлого в настоящее и потом в будущее, при этом важен только сегодняшний день, не вчерашний и не завтрашний. И в этом состоит главный парадокс художественного хронотопа всей мировой литературы — в его статичности, неподвижности, в конечном счете, в мертвости. Для нас показана ситуация, которая, по большому счету, только дает некоторые представления о главном герое. Но потом, после появления «чужого», начинается разворачиваться главный конфликт, который каждый писатель в зависимости от индивидуальных предпочтений формирует на свой собственный вкус. Так можно проследить оси чуждости и обывательщины, восходящие к катарсису [Лосев, 1965, с. 85-99] — базовому понятию всей контекстуальной парадигмы произведения, которая является вершиной силлогизма «чужой — прочие».

Именно таковой своеобразной проекцией образа Пигмалиона является Негина, в то время как Великатов в статусе «чужого» выполняет другую задачу: первая верит в мечты и обретает их, а второй создает все для того, чтобы мечты первой сбылись. Отсыл к мифу о Пигмалионе не случаен: структура данного мифа, как и структура многих других (миф об Эдипе, появление Кришны в «Махабхарате», рождение Вайнямейнена в «Калевале»), символизирует нарушение художественной реальности (статичного, изначального, находящегося в гармонии неизменности) появлением героя со стороны. В случае Негинной это более чем показательно — «чужой» «Талантов и поклонников» — это Великатов. Насколько он хорош и насколько плох — не известно. В «Грозе» роль «чужого» может принять на себя Борис Григорьевич, в «Снегурочке» — Лель. Этот ряд можно продолжать и далее. Одно неизменно: вы-

веденность в данном случае свойственна только одному герою — жертве, женскому образу, который претерпевает процесс изменения, трансформации, что достигается за счет нарушения статичной обстановки, ее изменением, изменением самой ситуации. Мир остается неизменным, меняется его содержимое: Негина уезжает с Великатовым, Дулебов, Мелузов и прочие остаются в том же положении, в котором были ранее. Они в рамках художественной реальности есть воплощение местной обывательщины.

Грубоватость и некоторая фамильярность самого понятия не случайны — под данным определением подразумевается статичный мир героев, нижняя часть конуса, основание, то место, которое, являясь исконно неизменным, чуждо каким-либо переменам на глобальном уровне. Герои обывательщины, как правило, существуют только в рамках одного хронотопа, не покидая его пределов. Их ареал обитания закреплен за ними, и они закреплены за ним. Их основная задача — показать «лицо» того мира, где они родились, выросли и сформировались личностями. Разумеется, наиболее продуктивным в данном случае выступает понятие менталитета, на который автор обращает внимание читателя при помощи детализации быта и некоторых свойственных только описываемой местности привычек. Их задача в тексте проста — создать те условия, которые позволят полностью раскрыть главного героя — Негину, т. е. «вывести» ее, сделать возможным и неслучайным отъезд с Великатовым. Иными словами, в пьесе образуется замкнутое пространство художественного мира, слепок нескольких дней, месяцев, лет, в который укладываются все описываемые события. Вот только среди череды бесконечных дел и забот молодой актрисе Негиной уже места не нашлось — ее ждет другая дорога, которая, как и все прочие дороги, ведет в таинственную и оттого еще более заманчивую неизвестность.

Заключение

Таким образом, можно сделать ряд выводов: во-первых, благодаря анализу персонажного уровня в пьесе «Таланты и поклонники» А. Н. Островского удалось доказать, что «выведенность» — одна из важных структурных составляющих произведения — выделяет главного героя среди прочих, возводя его на вершину условного конуса художественной системы текста. Этот герой (жертва, представленная в образах Катерины Кабановой и Александры Негиной) полностью реализуется (сформируется) за счет других героев, которые, в свою очередь, образуют некоторое единство, являющееся отражением общественных воззрений того социума, в котором этот герой оказался. Во-вторых, конфликт произведения разворачивается благодаря появлению героя со сто-

роны, чужого для статичного хронотопа художественной реальности пьесы. В-третьих, подобная модель выстраивания текста уже была ранее реализована в различных мифологических системах, однако со временем претерпела ряд изменений, обусловленных социальными и историческими факторами.

Данная статья есть попытка иначе посмотреть на персонажный уровень художественного произведения, проанализировать его в ином ракурсе. Исследование может быть продолжено применительно к другим произведениям русской литературы.

Библиографический список

Березкина Е. П., Федурин К. П. Духовные ценности в пьесах А. Н. Островского // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. Улан-Уде, 2016. № 3.

Буданов А. М. «Ум» и «сердце» в русской классике. Саратов, 1992.

Гаспаров М. Л. Занимательная Греция; Капитолийская волчица. М., 2018.

Краснощекова Е. А. И. А. Гончаров. Мир творчества. СПб., 2012.

Лосев А. Ф., Шестаков В. П. История эстетических категорий. М., 1965.

Мильдон В. И. Логика и сверхлогика любви в драматургии А. Н. Островского (набросок на тему «Островский и Достоевский») // Щельковские чтения, 2001: А. Н. Островский. Новые материалы и исследования. Кострома, 2001.

Мосалева Г. В. «Непрочитанный» А. Н. Островский: поэт иконной России: монография Ижевск, 2014.

Строганова Е. Н. Миф о Пигмалионе в романной трилогии И. А. Гончарова // Материалы Международной научной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 2008.

Топоров В. Н. Петербургский текст. М., 2009.

Торшилов Д. О. Античная мифология. СПб., 1999.

Чирва Ю. Н. «Пьесы жизни» А. Н. Островского и «роман-трагедия» Ф. М. Достоевского // Вестник Академии русского балета им. А. Я. Вагановой. СПб., 2016. № 4 (45).

Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев, 1996.

Юнг К. Г. Эон. М., 2009.

Foley J. Albert Camus: From the Absurd to Revolt. Montréal, 2008.

Jong de A. Traditions of the Magi: Zoroastrianism in Greek and Latin literature. Leiden, 1997.

Masing-Delic I. Exotic Moscow under Western eyes. Boston, 2009.

Источники

Гончаров И. А. Обломов: роман в четырех частях. СПб., 2012.

- Гончаров И. А. Обрыв : собр. соч. в 8 т. Т. 5. М., 1953.
- Островский А. Н. Гроза // Островский, А. Н. Собрание сочинений в 10 т. Т. 2. М., 1959.
- Островский А. Н. Таланты и поклонники // Островский А. Н. Собрание сочинений в 10 т. Т. 8. М., 1960.
- Тургенев И. С. Отцы и дети // Тургенев И. С. Собр. соч. в 10 т. Т. 3. М., 1978.
- Эзоп. Басни Эзопа. М., 1968.

References

- Berezkina Ye. P., Fedurina K. P. *Dukhovnyye tsennosti v p'yesakh A. N. Ostrovskogo*. [Spiritual values in the plays of A. N. Ostrovsky]. In: *Vestnik Buryatskogo Gosudarstvennogo universiteta. Yazyk. Literatura. Kul'tura*. [Bulletin of the Buryat State University. Language. Literature. Culture]. Ulan-Ude, 2016. No. 3.
- Bulanov A. M. "Um" i "serdce" v russkoj klassike. ["Mind" and "heart" in Russian classics]. Saratov, 1992.
- Gasparov M. L. *Zanimatel'naya Greciya; Kapitolijskaya volchica*. [Entertaining Greece; Capitoline wolf]. Moscow, 2018.
- Krasnoshchekova E. A. *I. A. Goncharov. Mir tvorchestva*. [I. A. Goncharov. The world of creativity]. St. Petersburg, 2012.
- Losev A. F., Shestakov V. P. *Istoriya esteticheskikh kategorij*. [History of aesthetic categories]. Moscow, 1965.
- Mildon V. I. *Logika i sverkhlogika lyubvi v dramaturgii A. N. Ostrovskogo (nabrosok na temu "Ostrovskiy i Dostoyevskiy")*. [Logic and super-logic of love in the dramaturgy of A. N. Ostrovsky (a sketch on the theme "Ostrovsky and Dostoyevsky")]. In: *Shchelykovskiy chteniye, 2001: A. N. Ostrovskiy. Novyye materialy i issledovaniya*. [Shchelykovsky Readings, 2001: A. N. Ostrovsky. New materials and research]. Kostroma, 2001.
- Mosaleva G. V. "Unread" A. N. Ostrovsky: poet of iconic Russia. ["Unread" A. N. Ostrovsky: poet of iconic Russia]. Izhevsk, 2014.
- Stroganova E. N. *Mif o Pigmalione v romannoj trilogii I. A. Goncharova*. [The myth of Pygmalion in the novel trilogy by I. A. Goncharova]. In: *Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 190-letiyu so dnya rozhdeniya I. A. Goncharova*. [Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 190th anniversary of the birth of I. A. Goncharov]. Ul'yanovsk, 2008.
- Toporov V. N. *Peterburgskij tekst*. [Petersburg text]. Moscow, 2009.
- Torshilov D. O. *Antichnaya mifografiya*. [Ancient mythography]. St. Petersburg, 1999.
- Chirva Yu. N. «P'yesy zhizni» A. N. Ostrovskogo i "roman-tragediya" F. M. Dostoyevskogo. ["Plays of life" A. N. Ostrovsky and "tragedy novel" by F. M. Dostoyevsky]. In: *Vestnik Akademii Russkogo baleta imeni A. YA. Vaganovoy*.

[Bulletin of the Academy of Russian Ballet named after A. Ya. Vaganova]. 2016. No. 4 (45).

Yung K. G. *Dusha i mif: shest' arhetipov*. [Soul and myth: six archetypes]. Kiev, 1996.

Yung K. G. *Eon*. [Aeon]. Moscow, 2009.

Foley J. *Albert Camus: From the Absurd to Revolt*. Montréal, 2008.

Jong de A. *Traditions of the Magi: Zoroastrianism in Greek and Latin literature*. Leiden, 1997.

Masing-Delic I. *Exotic Moscow under Western eyes*. Boston, 2009.

List of sources

Goncharov I. A. *Oblomov*. [Oblomov]. St. Petersburg, 2012.

Goncharov I. A. *Obryv*. [Cliff]. Coll. op. in 8 vols. Moscow, 1953. V. 5.

Ostrovskij A. N. *Groza*. [Thunderstorm]. Ostrovsky A. N. Collected works in 10 vols. T. 2. Moscow, 1959.

Ostrovskij A. N. *Talanty i poklonniki*. [Talents and admirers]. Collected works in 10 vols. T. 8. Moscow, 1960.

Turgenev I. S. *Otcy i deti*. [Fathers and children]. Sobr. op. in 10 vols T. 3. Moscow, 1978.

Ezop. *Basni Ezopa*. [Aesop's Fables]. Moscow, 1968.

ПСИХОБИОГРАФИЯ ВОЖДЯ: ЛЕНИН В РАССКАЗАХ ДЛЯ ДЕТЕЙ МИХАИЛА ЗОЩЕНКО

А. И. Куляпин

Ключевые слова: детская литература, фрейдизм, психобиография, фобии, мемуаристика.

Keywords: children's literature, Freudianism, psychobiography, phobias, memoiristics.

DOI 10.14258/filichel(2023)2–07

В письме Мариэтте Шагинян (январь 1941 года), почти целиком посвященном психоанализу Дмитрия Шостаковича, Зощенко откровенно признался: «Я сам заинтересован в этом человеке. И он уже давно распотрошен в моей лаборатории» [Михаил Зощенко — Мариэтте Шагинян, 1989, с. 99]. Судя по книгам «Возвращенная молодость» и «Перед восходом солнца», в его лаборатории были «распотрошены» очень многие, хотя, разумеется, далеко не всегда результаты такого «потрошения» можно было обнародовать. В первую очередь негласный запрет распространялся на советскую политическую элиту, о которой можно было писать только в рамках сложившегося в соцреализме «житийного» канона.

Детские «Рассказы о Ленине», написанные в конце 1930-х — начале 1940-х годов, не самый подходящий повод для того, чтобы поделиться результатами анализа особенностей психики большевистского вождя, но и совсем абстрагироваться от своих наблюдений было, конечно, сложно, ведь Зощенко проделал огромную подготовительную работу, познакомившись со множеством мемуарно-биографических источников и перечитав большинство ленинских работ. В 1954 году на собрании ленинградских писателей Зощенко скажет: «Я очень много читал, я читал почти все, что написано товарищем Лениным» (цит. по: [Томашевский, 2015, с. 338]).

Михаилом Вайскопфом выявлена очевидная «склонность Зощенко психологически, хотя бы и пародийно, отождествляться с теми или иными правителями либо историческими лицами». Наиболее ощутимо, по мнению израильского слависта, эта склонность проявилась в «Голубой книге» [Вайскопф, 1998, с. 54].

С главным героем «Рассказов о Ленине» у Зощенко выстраиваются более сложные отношения. Ленин предстает в цикле как воплощение «я-идеального» Михаила Зощенко. Сталкиваясь с тем же кругом проблем,

что и Зощенко, Ленин справляется с ними удивительно легко. По сути, вождь превращен в зеркального двойника автора. Для достижения такого рода зеркальности писатель корректирует некоторые факты из ленинской биографии — внешне почти незаметно, но на самом деле весьма существенно.

Зара Абдуллаева назвала «Рассказы о Ленине» «энциклопедией видов, жанров и оттенков Страха»: «В первом рассказе герой врет, так как испугался, но, покаявшись, от испуга излечился. Во втором пугает брата, тем самым избавляя его от страха. В третьем демонстрирует сверхбесстрашие, в четвертом волю. А пятый начинается с того, что уже его самого „царское правительство боялось как огня“!!! Как в этом же цикле выясняется, его боялось не только правительство, но и трудящиеся!» [Абдуллаева, 1995, с. 16]. В целом подмечено верно, но, может быть, точнее все же было бы назвать цикл сборником наставлений по преодолению всех и всяческих страхов.

В итоговом произведении писателя «Перед восходом солнца» слово «страх» относится к числу самых частотных. Зощенко подчеркивает неслучайность этого: «*В любом невротическом симптоме я находил страх или притворство*» (Михаил Зощенко. *Перед восходом солнца*. 2008. С. 293). Даже такое программное произведение тридцатых годов, как «Возвращенная молодость», считает он, своим появлением тоже обьязано страху: «*Что же водило мою руку в той книге? Несомненно, страх*» (Михаил Зощенко. *Указ. соч.* 2008. С. 259). Последнее высказывание сохраняет актуальность и в отношении зощенковских рассказов для детей.

Зощенко рассуждает вполне в духе психоанализа. Фрейд утверждал, «что проблема страха — узловой пункт, в котором сходятся самые различные и самые важные вопросы, тайна, решение которой должно пролить яркий свет на всю нашу душевную жизнь» [Фрейд, 1989, с. 251]. Детские страхи, по Фрейду, специфичны: «инфантильный страх имеет очень мало общего с реальным страхом и, наоборот, очень близок к невротическому страху взрослых» [Фрейд, 1989, с. 261]. Характерно, что «именно в то время, когда Зощенко читает тексты Фрейда о детских и младенческих травмах, появляется его первый автобиографический рассказ для детей „Елка“»²⁸.

Цикл «Рассказы о Ленине» открывает рассказ «Графин» — единственный рассказ, где прямо говорится об испуге восьмилетнего Володи Ульянова. Разбив графин, он от страха не смог признаться в проступке. «*Он сказал неправду, потому что он в первый момент испугался.*

²⁸ Котова М. Рассказы для детей или кушетка Фрейда? Тайные смыслы рассказов Зощенко о Леле и Миньке. URL: <https://arzamas.academy/materials/715>.

Все-таки чужой дом, чужая квартира, малознакомая тетя Аня. И, кроме того, он из всех был самый маленький» (Михаил Зощенко. Рассказы о Ленине. 1968. Т. 1. С. 247).

Зощенко для этого рассказа позаимствовал материал из воспоминаний Анны Ильиничны Ульяновой. Показателен зощенковский критерий отбора сюжетов. Внимание писателя не привлекли многочисленные примеры деструктивного поведения будущего вождя. «Игрушками он мало играл, больше ломал их», — вспоминает сестра Ленина [Ульянова, 1956, с. 8]. Причем маленький Ленин портит игрушки и вещи вызывающе демонстративно. Так, сломав полученную в подарок линейку старшей сестры, Володя никакой вины за собой не чувствует и наказания не страшится: «Он сам прибежал со сломанной линейкой сказать ей об этом; а когда она спросила, как это случилось, сказал: „Об коленку сломал“, приподнимая ногу и показывая, как это произошло» [Ульянова, 1956, с. 12]. Зощенко, проигнорировав этот и другие подобные случаи, остановился на истории, связанной со страхом и чувством вины, при том, что графин разбит Володей не нарочно, в ходе веселой игры.

Основатель психоанализа признавал «весьма значительным то, что первое состояние страха возникло вследствие отделения от матери» [Фрейд, 1989, с. 253]. Еще один программный тезис Фрейда: «...неудовлетворенное либидо прямо превращается в страх» [Фрейд, 1989, с. 351].

Инцидент с графином происходит, когда «*вместе с отцом и со своими сестрами маленький Володя поехал в Казань*» (Михаил Зощенко. Рассказы о Ленине. 1968. Т. 1. С. 246). Соответствующее место в мемуарах Анны Ильиничны выглядит несколько иначе: «Он был взят отцом вместе со старшими в первый раз в Казань, чтобы ехать оттуда в деревню Кокушкино, к тете» [Ульянова, 1956, с. 12]. «В первый раз» — опущенная Зощенко подробность. А ведь именно первая длительная разлука с матерью, оставшейся в Симбирске с младшими детьми, и стала причиной не совсем обычной для Володи Ульянова схемы поведения.

В рассказе «Графин» так же, как в другом цикле для детей «Леля и Минька», писатель очень четко противопоставляет родительские функции отца и матери. С отцом связаны разного рода запреты, страх, наказания за проказы и прегрешения, с матерью — любовь и всепрощение. Хотя матери не было в Казани, когда случилась неприятность с графином, именно ей Володя спустя два месяца признается в своем проступке и обмане. После чего засыпает с улыбкой, а мать восхищается сыном: «*Целуя и закрывая одеялом своего маленького сына, мать подумала: „Какой он удивительный ребенок“*» (Михаил Зощенко. Рассказы о Ленине. 1968. Т. 1. С. 247). Зощенко явно полемизирует здесь с Маяков-

ским, назвавшем в поэме «Владимир Ильич Ленин» Володю Ульянова «обыкновенным мальчиком» (Владимир Маяковский. Владимир Ильич Ленин. 1957. Т. 6. С. 256).

Все лучшие поступки Ленина направлены на завоевание любви матери. Именно матери после того, как его исключили из университета, он обещает непременно окончить высшую школу и чудесным образом добивается этого («Рассказ о том, как Ленин учился»); по просьбе матери, проявив недюжинную силу воли, бросает курить («О том, как Ленин бросил курить») (Михаил Зощенко. Рассказы о Ленине. 1968. Т. 1. С. 249, 252). Отец же Ленина в цикле упомянут единственный раз, и к тому же мимоходом, — в рассказе «Графин». В «Рассказах о Ленине» фигура Отца символического куда важнее отца биологического.

Общеизвестно, что Фрейд «делал акцент на подавляющих, наказующих аспектах репрезентации отца, и кульминацией этого было создание концепции эдипального отца» [Гулина, 2018, с. 130]. Как установлено психоанализом, часто встречающиеся в сновидениях образы короля и королевы «изображают большею частью родителей» [Фрейд, 1913, с. 221]. Впрочем, еще Аристотель в «Политике» сравнил: «Власть же отца над детьми может быть уподоблена власти царя» [Аристотель, 1983, с. 398].

Зощенко интерпретирует революционную деятельность Ленина не в социально-политическом контексте, но в психологическом, всецело по-фрейдистски — как бунт против отцовского мира. Царь становится личным врагом Ленина: «Царь не позволял революционерам учиться»; «царь велел посадить Ленина в тюрьму»; «четырнадцать месяцев просидел Ленин в царской тюрьме» (Михаил Зощенко. Рассказы о Ленине. 1968. Т. 1. С. 249, 252, 255). Двадцатishестилетнего Ленина царское правительство всячески преследовало, поскольку не без основания «боялось как огня» (Там же, с. 252). Отцы как реальный, так и символический в соответствии с магистральным сюжетом психоанализа стремятся устранить подрастающего сына-конкурента. Наряду с включенными в цикл эпизодами биографии Ленина стоит учитывать также не упомянутый писателем, но общеизвестный факт казни старшего брата Ленина Александра, повешенного за участие в подготовке покушения на царя. Ленин, в освещении Зощенко, — антипод эдипальных отцов.

В рассказе «О том, как Ленин купил одному мальчику игрушку» настоящий отец маленького Доната справляется с родительскими функциями крайне плохо. Он тащит малыша на скучное политсобрание, держит его в душной комнате, запрещая выйти погулять. Свое поведение отец не слишком убедительно мотивирует заботой о сыне: «...мой мальчик Донат еще очень маленький. На дворе ему будет скучно играть, и я боюсь,

что он тогда выйдет на улицу и заблудится» (Михаил Зощенко. Рассказы о Ленине. 1968. Т. 1. С. 257). Зощенко не скрывает сарказма. Отец Доната почему-то уверен, что сыну будет скучно играть во дворе, но слушать речи политиков ему скучно не будет. Он боится, что Донат заблудится, однако тут же позволяет незнакомцу увести малыша неизвестно куда. Нервничает рабочий более всего из-за опоздания Ленина и только «вдобавок» вспоминает об исчезновении сына: *«Вот, — думает, — какая неприятность, и Ленин еще не приехал, и вдобавок какой-то неизвестный взял моего мальчика и ушел с ним»* (Михаил Зощенко. Рассказы о Ленине. 1968. Т. 1. С. 258).

В цикле «Леля и Минька» отец регулярно отнимает у своих детей игрушки. В рассказе «Елка» он отдает все рождественские подарки гостям, ничего не оставив Леле и Миньке. В рассказе «Калоши и мороженое» Лелины и Минькины игрушки проданы тряпичнику. Минька показательно называет угрозу отца *«приговором»*, а проданные игрушки — *«всем, что мы имели»*. Предельно жестоко за сравнительно невинную шутку наказывают Лелю в рассказе «Тридцать лет спустя». Мало того, что ее на год лишают всех подарков, она, по вердикту отца, все это время *«будет ходить в старых башмаках и в старом синеньком платье, которое она так не любит!»* (Михаил Зощенко. Рассказы о Ленине. 1968. Т. 1. С. 217, 221, 229). Мораль, которую автор извлекает из этих злоключений Лели, двусмысленна. Сначала он призывает *«любить и жалеть людей, хотя бы тех, которые хорошие»*, но главное — *«надо дарить им иногда какие-нибудь подарки. И тогда у тех, кто дарит, и у тех, кто получает, становится прекрасно на душе»*. А далее прорывается скрытая неприязнь автобиографического рассказчика к отцу: *«А которые ничего не дарят людям, а вместо этого преподносят им неприятные сюрпризы, — у тех бывает мрачно и противно на душе. Такие люди чахнут, сохнут и хворают нервной экземой. Память у них ослабевает, и ум затемняется. И они умирают раньше времени»* (Михаил Зощенко. Рассказы о Ленине. 1968. Т. 1. С. 230). Как известно, отец писателя, обладавший очень тяжелым характером, умер в пятидесятилетнем возрасте от паралича сердца [Запелов, 1997, с. 10].

Для понимания причин, заставивших Лелю притвориться, что она проглотила бильярдный шарик, герою-рассказчику понадобилось целых тридцать лет. Гениальный Ленин, естественно, разбирается в людях лучше. Купив Донату «чудную маленькую лодочку», он доставляет радость не только ребенку, но и себе: *«И мальчик был так доволен, что смеялся, хлопал от радости в ладоши и кричал: „Не бойся, матросик! Плыви вперед!” И тут же, у колодца, стоял Ленин и тоже смеялся»* (Михаил Зо-

щенко. Рассказы о Ленине. 1968. Т. 1. С. 258). А еще вождь наглядно демонстрирует собравшимся рабочим, каким должен быть идеальный отец.

Ленин проходит путь от бунта против отцовского мира к функциональному замещению отца. После победы революции он, как показано в рассказе «О том, как Ленину подарили рыбу», делается символическим Отцом уже всем детям страны. Одним из источников этого рассказа стал мемуарный очерк М. Горького «В. И. Ленин». *«В тяжелом, голодном 19-м году, — вспоминает Горький, — Ленин стыдился есть продукты, которые присылали ему товарищи, солдаты и крестьяне из провинции. Когда в его неудобную квартиру приносили посылки, он морщился, конфузился и спешил раздать муку, сахар, масло больным или ослабевшим от недоедания товарищам.*

Приглашая меня обедать к себе, он сказал:

— Копченой рыбой угощу — прислали из Астрахани.

И, нахмутив сократовский лоб, скосив в сторону всевидящие глаза, добавил:

— Присылают, точно барину. Как от этого отвадишь? Отказаться, не принять — обидишь. А кругом все голодают. Ерунда» (Максим Горький. В. И. Ленин. 1974. Т. 20. С. 39).

Зоценко задним числом находит выход из мучающей Ленина ситуации. Подаренной рыбой надо было угощать не Горького, а голодающих детей. В зоценковском рассказе Ленин поступает гораздо благородней, приказывая секретарю: *«— Вот что! Возьмите эту рыбу и пошлите ее в детский дом!» (Михаил Зоценко. Рассказы о Ленине. 1968. Т. 1. С. 265).*

Во втором рассказе цикла «Серенький козлик» юный Володя Ульянов излечивает брата Митю от страха, как позже в рассказе «О том, как Ленин купил одному мальчику игрушку», повзрослев, он сделает это по отношению к Донату. Отличие в том, что в детстве решение воспитательных задач достигалось методом шоковой терапии. По версии Анны Ильиничны, Володя просто дразнил маленького Митю, у Зоценко он преследует важную цель: *«А зачем он боится? Я не хочу, чтоб он плакал и боялся. Дети должны быть храбрыми» (Михаил Зоценко. Рассказы о Ленине. 1968. Т. 1. С. 249).*

Моральный итог этой истории, как обычно у Зоценко, плохо согласуется с ее истинным смыслом. Анна Ильинична возмущается тем, что Володя своими выходками подрывает мужество Мити: «Меньшой братишка Митя в возрасте трех-пяти лет был очень жалостливый и никак не мог допеть без слез „Козлика“. Его старались приучить, уговаривали. Но только он наберется мужества и старается пропеть, не моргнув глазом, все грустные места, как Володя поворачивается к нему и с особым ударени-

ем, делая страшное лицо, поет: „Напа-али на ко-озлика серые волки...» [Ульянова, 1956, с. 16].

Сущность инцидента очевидна — Володя Ульянов пугает впечатлительного ребенка, как только тот «наберется мужества». Лев Данилкин не без причины добавляет к этой сценке еще и «сатанинский хохот» маленького Ленина [Данилкин, 2018, с. 15]. Зощенко приписывает злой выходке Володи Ульянова высокий смысл. Он якобы не хочет, чтобы его брат боялся. При этом происходит подмена понятий, ведь Митя плачет не от страха, а от жалости: *«Митя был очень хороший и добрый мальчик. Но только он был очень уж жалостливый»* (Михаил Зощенко. Рассказы о Ленине. 1968. Т. 1. С. 248). Налицо сбой логики. Однако Зощенко не смущают противоречия, ему важно вскрыть механизм зарождения страха и путь к его преодолению.

Анализируя в повести «Перед восходом солнца» детские воспоминания, Зощенко обнаружил у себя зоофобию. Фрагмент, посвященный этой фобии, имеет характерное название «Я боюсь»:

«Мать держит меня на руках. Мы смотрим зверей, которые в клетках.

Вот огромный слон. Он хоботом берет французскую булку. Проглатывает ее.

Я боюсь слонов. Мы уходим от клетки.

Вот огромный тигр. Зубами и когтями он разрывает мясо. Он кушает.

Я боюсь тигров. Плачу.

Мы уходим из сада.

Мы снова дома. Мама говорит отцу:

— Он боится зверей» (Михаил Зощенко. Перед восходом солнца. 2008. С. 180).

Кульминационная глава VIII повести называется «Тигры идут». Зощенко приходит к заключению, что тигр стал для него *«символом опасности»* (Михаил Зощенко. Перед восходом солнца. 2008. С. 260). Символический образ этого хищника неотступно преследовал писателя: *«Юношеские мои годы были выкрашены черной краской, меланхолия и тоска сжимали меня в своих объятьях. Образ нищего преследовал меня на каждом шагу. Тигры подходили к моей кровати, даже когда я не спал. Рев этих тигров, удары и выстрелы довершали картину моей печальной жизни»* (Михаил Зощенко. Перед восходом солнца. 2008. С. 376).

Откровенно фрейдистская драма разыгрывается в эпизоде «Звери»: *«Мы видим ужасную сцену. Рядом с бурными медведями клетка с медвежатами. Кроме железных прутьев, обе клетки разделены досками.*

Маленький медвежонок полез по этим доскам наверх, но его лапчонка попала в расщелину. И теперь бурый медведь яростно терзает эту маленькую лапку.

Вырываясь и крича, медвежонок попадает второй лапой в расщелину. Теперь второй медведь берется за эту лапу.

Оба они терзают медвежонок так, что кто-то из публики падает в обморок.

Песком и камнями мы стараемся отогнать медведей. Но они приходят в еще большую ярость. Уже одна лапчонка с черными коготками валяется на полу клетки.

Я беру какой-то длинный шест и бью этим шестом медведя.

На ужасный крик и рев медведей бегут сторожа, администрация.

Медвежонок отрывают от досок. Бурые медведи яростно ходят по клетке. Глаза у них налиты кровью. И морды их в крови. Рыча, самец покрывает самку.

Несчастливого медвежонок несут в контору. У него оторваны передние лапы.

Он уже не кричит. Вероятно, его сейчас застрелят. Я начинаю понимать, что такое звери. И в чем у них разница с людьми» (Михаил Зощенко. Перед восходом солнца. 2008. С. 111).

Напрямую Зощенко говорит о разнице между зверями и людьми, но между строк легко прочитывается мысль об их сходстве.

В книге «Страх» (1926) Фрейд описывает один из случаев фобии животного, «где внушающим страх животным был волк, который <...> как бы замещал отца. После одного из снов у <...> мальчика развился страх, что его сожрет волк, как и семерых козлят в сказке». Источником инфантильных страхов оказалась неуместная шутка отца ребенка: «Отец одного моего русского пациента, подвергнутого мною анализу, когда ему было около тридцати лет, играя с ребенком, изображал волка и шутя грозил съесть его». Итоговый вывод Фрейда таков: «Представление о том, что можно быть съеденным отцом, — типичное детское представление с древних времен. Аналогии этому из мифологии (титан Кронос) и из жизни влечений всем известны» [Фрейд, 1927].

Русский пациент Фрейда — это Сергей Панкеев, не совсем удачно названный в работах психоаналитиков «человек-волк». Некоторые подробности из истории его болезни поразительно похожи на те, что использовал в «Сереньком козлик» Зощенко. Старшую сестру Панкеева звали, как и сестру Ленина, Анна. Она по-садистски изводила младшего брата примерно так же, как Володя Ульянов Митю: «Он (Панкеев. — А. К.) помнит, что страдал страхом, чем пользовалась его сестра, чтобы

мучить его. У него была книга с картинками, в которой было изображение волка, стоявшего на задних лапах и готового ринуться вперед. Когда ему попадалась на глаза эта книга, он начинал исступленно кричать, боясь, что волк придет и сожрет его. Сестра же всегда подсовывала ему эту картинку и радовалась его испугу» [Фрейд, 1996, с. 162]. Анализ снов Сергея Панкеева привел Фрейда к выводу, что волк для него «является заместителем отца» [Фрейд, 1996, с. 176].

Посетители Ленинградского зоопарка, по версии Зоценко, стали свидетелями почти буквального поедания медвежонка-сына медведем-отцом. Причем автор «Перед восходом солнца» как правоверный фрейдист не забывает акцентировать сексуальный аспект жуткого происшествия.

Сюжет детской песенки о гибели серенького козлика, которого «бабушка очень любила», а «серые волки растерзали его, съели» (Михаил Зоценко. Рассказы о Ленине. 1968. Т. 1. С. 248), так же, как и микророман «Звери», органично вписывается в ряд примеров, приводимых Фрейдом. В таком контексте становятся понятнее причины страхов маленького Мити Ульянова и эпатажной выходки его старшего брата.

Зоценко, начиная с середины тридцатых годов, достаточно регулярно обращался к биографическому жанру: ему принадлежат жизнеописания Тараса Шевченко (1939) и А. Ф. Керенского («Бесславный конец», 1937), множество биографических зарисовок содержится в примечаниях к повести «Возвращенная молодость» (1933), в «Голубой книге» (1934–1935) и в «Перед восходом солнца» (1943). При этом чужие биографии Зоценко неизменно рассматривал сквозь призму своих психологических комплексов. Во вступительной статье к публикации черновых набросков о Наполеоне, сделанных Зоценко в конце 1920-х — начале 1930-х годов, Н. А. Грознова отметила: «В это время писатель задумывает несколько статей о выдающихся людях разных времен. Причем интерес представляли для него такие личности и такие судьбы, в которых были более или менее отчетливо прояснены персональная инициатива, волевое усилие этих людей над психофизиологическими невзгодами собственного организма (ипохондриа, неврастения и т. п.), — что так или иначе помогало им не только перенести, но и осилить роковые слабости индивидуального бытия» [Грознова, 2001, с. 71]. Принцип отбора исторических персон понятен: внимание Зоценко привлекают люди с «психофизиологическими невзгодами», такими же, как его собственные. И даже герой детских рассказов Ленин не стал исключением из этого правила.

Библиографический список

Абдуллаева З. Притчи для детей и взрослых // Искусство кино. 1995. № 7.

- Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. М., 1983. Т. 4.
- Вайскопф М. Сталин глазами Зощенко // Известия АН. Серия: Лит. и яз. 1998. Т. 57. № 5.
- Грознова Н.А. Вступительная статья, публикация, комментарии к статье «Наполеон» // Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии. Кн. 2. СПб., 2001.
- Гулина М.А. Ипостаси и трансформации роли отца в психоанализе // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 1.
- Данилкин Л.А. Ленин: Пантократор солнечных пылинок. М., 2018.
- Запелалов В.Н. Документальные материалы М.М. Зощенко в Пушкинском Доме // Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии. Кн. 1. СПб., 1997.
- Михаил Зощенко — Мариэтте Шагинян. Из переписки // Таллинн. 1989. № 2.
- Томашевский Ю.В. «...Писатель с перепуганной душой — это уже потеря квалификации». М.М. Зощенко: письма, выступления, документы 1943–1958 годов // Мих. Зощенко: pro et contra. Антология. 2-е изд. СПб., 2015.
- Ульянова А.И. Детские школьные годы Ильича. М., 1956.
- Фрейд З. Случай Человека-Волка (Из истории одного детского невроза) // Человек-Волк и Зигмунд Фрейд : сборник. Киев, 1996.
- Фрейд З. Введение в психоанализ : лекции. М., 1989.
- Фрейд З. Страх. М., 1927. URL: <https://freudproject.ru/?p=12139>
- Фрейд З. Толкование сновидений. М., 1913.

Список источников

- Горький М.В. И. Ленин // Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения : в 25 т. М., 1974. Т. 20.
- Зощенко М.М. Рассказы о Ленине // Зощенко М.М. Избранные произведения : в 2 т. Л., 1968. Т. 1.
- Зощенко М. Перед восходом солнца. М., 2008.
- Маяковский В.В. Владимир Ильич Ленин // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений : в 13 т. М., 1957. Т. 6.

References

- Abdullayeva Z. *Pritchi dlya detey i vzroslykh*. [Proverbs for children and adults]. In: *Iskusstvo kino*. [The Art of Cinema]. 1995. No. 7.
- Aristotel'. *Politika*. [Politics]. In: Aristotel'. [Essays]. In: in 4 volumes. Vol. 4. Moscow, 1983.
- Vayskopf M. *Stalin glazami Zoshchenko*. [Stalin through the eyes of Zoshchenko]. In: *Izvestiya Akademii Nauk*. [Proceedings of the Academy of Sciences]. 1998. Vol. 57. No. 5.
- Groznova N.A. *Vstupitel'naya stat'ya, publikatsiya, kommentarii k stat'ye "Napoleon"*. [Introductory article, publication, comments on the article "Napoleon"].

In: *Mikhail Zoshchenko. Materialy k tvorcheskoy biografii*. [Mikhail Zoshchenko. Materials for a creative biography]. St. Petersburg, 2001. Book 2.

Gulina M.A. *Ipostasi i transformatsii roli ottsa v psikhoanalize*. [Hypostases and transformations of the father's role in psychoanalysis]. In: *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*. [Consultative psychology and psychotherapy]. 2018. Vol. 26. No. 1.

Danilkin L.A. *Lenin: Pantokrator solnechnykh pylinok*. [Lenin: Pantocrator of solar dust particles]. Moscow, 2018.

Zapevalov V.N. *Dokumental'nyye materialy M.M. Zoshchenko v Pushkinskom Dome*. [Documentary materials of M.M. Zoshchenko in the Pushkin House]. In: *Mikhail Zoshchenko. Materialy k tvorcheskoy biografii*. [Mikhail Zoshchenko. Materials for a creative biography]. St. Petersburg, 1997. Book 1.

Mikhail Zoshchenko — Mariette Shaginyan. Iz perepiski. [Mikhail Zoshchenko — Mariette Shaginyan. From correspondence]. Tallinn, 1989. No. 2.

Tomashevskiy Yu. V. "...Pisatel" s perepugannoy dushoy — eto uzhe poterya kvalifikatsii». *M.M. Zoshchenko: pis'ma, vystupleniya, dokumenty 1943–1958 godov*. ["...A writer with a frightened soul is already a loss of qualification." M.M. Zoshchenko: letters, speeches, documents of 1943–1958]. In: *Mikh. Zoshchenko: pro et contra. Antologiya*. [Mih. Zoshchenko: pro et contra. Anthology]. St. Petersburg, 2015.

Ul'yanova A.I. *Detskiye shkol'nyye gody Il'icha*. [Ilyich's childhood school years]. Moscow, 1956.

Freyd Z. *Sluchay Cheloveka-Volka (Iz istorii odnogo detskogo nevroza)*. [The case of the Wolf-Man (From the history of a childhood neurosis)]. In: *Chelovek-Volk i Zigmund Freyd. Sbornik*. [The Wolf-Man and Sigmund Freud. Collection]. Kiyev, 1996.

Freyd Z. *Vvedeniye v psikhoanaliz: Lektsii*. [Introduction to Psychoanalysis: Lectures]. Moscow, 1989.

Freyd Z. Strakh. [Fear]. Moscow, 1927. URL: <https://freudproject.ru/?p=12139>

Freyd Z. *Tolkovaniye snovideniy*. [Interpretation of dreams]. Moscow, 1913.

List of sources

Gor'kiy M. V. I. *Lenin*. [V.I. Lenin]. In: *Gor'kiy M. Polnoye sobraniye sochineniy. Khudozhestvennyye proizvedeniya*. [Complete Works. Works of art]. In 25 vols. Moscow, 1974. Vol. 20.

Zoshchenko M.M. *Rasskazy o Lenine* [Stories about Lenin]. In: *Zoshchenko M.M. Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. In 2 vols. Leningrad, 1968. Vol. 1.

Zoshchenko M. *Pered voskhodom solntsa*. [Before sunrise]. Moscow, 2008.

Mayakovskiy V.V. *Vladimir Il'ich Lenin*. [Vladimir Ilyich Lenin]. In: *Mayakovskiy V.V. Polnoye sobraniye sochineniy*. [Complete works]. In 13 vols. Moscow, 1957. Vol. 6.

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ КРИТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ю. Ю. Кравинская, Е. М. Караваева

Ключевые слова: национальная идентичность, постколониальная литература, гибридность, диалог культур.

Keywords: national identity, postcolonial literature, hybridity, dialogue of cultures.

DOI 10.14258/filichel(2023)2–08

Изменчивость национальной идентичности как тематическая доминанта в произведениях авторов-постколониалистов неоднократно рассматривалась в отечественном литературоведении в последние десятилетия, что привело к появлению ряда научных работ, посвященных данному вопросу. Актуальность исследования идентичности в творчестве обширной группы авторов (С. Рушди, Д. М. Кутзее, В. С. Найпол, Л. Эрдрик, М. Ондаатже, К. Хьюм, В. Ихимаэра) подкрепляется расширением ареала применения понятия «постколониальная литература», имеющего неясные методологические границы вследствие влияния процессов глобализации. Определение творчества как постколониального представителей большого числа национальных литератур стран, образовавшихся в ходе деколонизации, ставит под вопрос методологическую обоснованность их объединения в одно явление на основании общего историко-культурного фона развития литературного процесса. Данный подход недостаточно отражает региональную и национальную специфику, что подчеркивается, например, Э. МакКлинток в обзоре культурологических истоков термина «постколониализм». Исследовательница пишет о недостаточном отражении культурного многообразия в постколониальных исследованиях [McClintock, 1992, p. 86], о первичности темпорального соотношения с европейским колониализмом в исследованиях национальных культур как постколониальных [McClintock, 1992, p. 88].

Постколониальное поле исследования литературы в таком случае требует более четко выраженного объединяющего фактора, не связанного с общим историко-культурным фоном. М. Тлостанова, рассматривающая постколониализм как попытку «...расчистить исследовательское пространство для неевропейских культур» [Тлостанова, 2004, с. 30], отмечает, что взаимоотношение колоний и метрополии является одним их формо-

образующих «сюжетов», в котором конструируется идентичность «своего» через призму «иногo» [Глостанова, 2004, с. 35]. Исходя из данного постулата, авторское стремление презентовать процесс трансформации идентичности «иногo», закрепить и художественно осмыслить идентификационные изменения под влиянием взаимодействия культур колонизатора и колонизированного выступает фактором эстетического и содержательного единства для постколониальной литературы.

Обращение к понятию «идентичность» в исследовании постколониальной литературы, несомненно, обогащает литературоведческие изыскания разработками в области философии, культурологии, психологии и раскрывает литературный процесс как отражение национального самосознания, созданное авторским талантом. Но применение настолько междисциплинарного понятия в исследовании литературы требует его конкретизации в рамках литературоведческого теоретического базиса. Для этого обратимся к тезису Л. В. Поляковой о том, что национальная идентичность может рассматриваться в ключе сравнительного литературоведения [Полякова, 2012, с. 49], так как присутствие национальной идентичности у автора и презентации ее как таковой в образе героя подтверждает присутствие историко-культурного контекста и его понимание возможно только в ходе сравнительного исследования. Также, по мнению Л. В. Поляковой, при исследовании национальной идентичности сквозь призму литературной критики необходимо обратить внимание на такие аспекты явления, как поэтика, средства презентации, образная система национальной идентичности [Полякова, 2012, с. 50-51]. Иными словами, необходимо выявить, какими художественными средствами и приемами была достигнута поставленная поэтическая задача, а именно, презентация национальной идентичности. Анализ полученных результатов на основе методологии сравнительного литературоведения способствует определению типичности применяемых художественных средств презентации, что позволит в конечном итоге раскрыть национальную специфику и определить общность в развитии литературного процесса различных регионов, рассматриваемых в постколониальном контексте.

Данный обзор отечественных литературоведческих исследований проведен на основании ряда критериев. В фокусе нашего внимания находятся изыскания художественного своеобразия презентации национальной идентичности в постколониальной литературе как теоретико-методологический материал для дальнейшего сравнительного анализа. Кроме того, в рамках данного обзора обоснованным видится разделение рассматриваемых научных трудов согласно характеру вовлечения опре-

деленной национальной группы в процесс колонизации. Так, выделена группа исследований творчества коренных национальных меньшинств, чей опыт подчиненного в процессе колонизации, повлекший глубокую трансформацию родной культуры под влиянием колонизатора, привел к возникновению таких явлений трансформации идентичности, как микрия. К этой группе относятся исследования творчества американских авторов с индейскими корнями, авторов-маори, аборигенных авторов Австралии [Егорова, 2014; Карасик, 2010; Ващенко, 2010]. Презентация сходных идентификационных процессов исследуется в творчестве эмигрантов в американской литературе [Бутенина, 2007; Караваева, 2009; Шевченко и др., 2019; Бронич, 2021; Хованская, 2016]. С. П. Толкачев, О. Г. Сидорова, ведущие исследователи постколониальной литературы, анализируют творчество британских авторов-иммигрантов, чье происхождение имеет постколониальный контекст [Толкачев, 2013, 2018; Сидорова, 2012]. Другая анализируемая группа исследований посвящена творчеству представителей так называемых «белых» колоний, или переселенческих обществ, чей опыт колонизации на позиции колонизатора привел к возникновению амбивалентности как элемента тождественности в национальной идентичности [Ежов, 2003; Григорьева, 2014; Струкова, 2016]. Также интерес представляют исследования франкофонной литературы [Прожогина, 2012; Боруруева, 2015; Найденова, 2013], рассматривающие презентацию схожих идентификационных процессов.

Анализ представленных исследований показал, что общей задачей исследователей является определение характера влияния единого историко-культурного контекста колонизации и взаимодействия двух культур в одном культурном пространстве на идентичность и творческий путь рассматриваемых авторов. В данном случае перспективными для исследователей видятся обращение к концепту гибридности [Bhabha, 1994] и применение теории диалога [Бахтин, 2002]. Исследование проблемы национальной идентичности в творчестве авторов-постколониалистов соотносится с такой категорией, как «другой», ее ролью в понимании идентификационных процессов, так как «Бахтинский диалог — важный ресурс понимания общественного многоголосого повествования», и «одно из средств критического переосмысления утвердившихся в западном мире и узурпированных им понятий границы, барьера, исключительного права некоей одной традиции...» [Толкачев, 2013, с. 93]. В таком случае гибридность, центральная характеристика идентификационных процессов в постколониальном пространстве может трактоваться в свете теории диалога М. М. Бахтина как результат воздействия диалога культур метрополии и колонизированного этноса на национальную идентичность.

В рамках изучения постколониальной литературы и проблематики гибридности национальной идентичности научные изыскания С. П. Толкачева, М. В. Тлостановой, О. Г. Сидоровой представляют теоретический и методологический интерес. С. П. Толкачев применяет термин «hyphenated self», как «идентичность, пойманная между мирами» [Толкачев, 2018, с. 178]. Концентрируясь на творчестве С. Рушди, Х. Курейши, С. П. Толкачев представляет идентичность как «сложную обоюдную игру памяти и нарратива», которая «усложняется дискурсами истории и культуры» [Толкачев, 2018, с. 178]. С. П. Толкачев солидарен со С. Холлом, что процесс формирования идентичности не прекращается [Hall, 1996, p. 2], и утверждает, что теория гибридной идентичности позволяет распознать различные сюжеты мультикультурного базиса. М. В. Тлостанова в исследовании мультикультурной природы современной американской литературы оперирует понятием «гибрид» как пограничной моделью между западным и незападным миром. Ученая указывает, что изучение постколониальной литературы как проявления гибридизации культуры актуально, так как имеет глобальный характер [Тлостанова, 2004, с. 197]. Как и С. П. Толкачев, М. В. Тлостанова в описании гибридной природы идентичности оперирует понятием «граница» и вводит формулировку «литература пограничья» для корпуса произведений, написанных представителями различных этносов, составляющих американскую нацию, но находящихся в тени главенствующего англо-саксонского большинства. Для исследователя такое определение представляется более отвечающим современным реалиям, чем «этническая литература», в которой пытаются схематически отделить культуру этноса от окружающего мультикультурного пространства, что невозможно [Тлостанова, 2004, с. 198–200]. Несомненно, понятие «литература пограничья» как продолжение термина «in-between space»²⁹ [Bhabha, 1994, p. 87], может быть применено в более широком плане, как термин, определяющий современную литературу любого этноса, находящегося в рамках более крупного национального образования по причине колониальных завоеваний.

Вопрос трансформации национальной идентичности под влиянием диалога культур в постколониальном пространстве также представлен в ряде диссертационных исследований. Е. А. Струкова, выполняя сравнительное исследование образа творческой личности в произведениях англоязычных постколониальных авторов, указывает, что «двойная» идентичность является специфической чертой образа творческой лич-

---

²⁹ *Англ.* Межпространство.

ности Дж. М. Кутзее и С. Рушди [Струкова, 2016, с. 12]. При этом исследователь расширяет методологию исследований постколониальной беллетристики, выходя за национальные рамки (Дж. М. Кутзее — представитель переселенческого общества ЮАР, С. Рушди — автор британской литературы с индийскими корнями). Критическому анализу творчества Дж. М. Кутзее также посвящено диссертационное исследование К. А. Григорьевой. Гибридная национальная идентичность главного героя трилогии «Детство» («*Boyhood: Scenes from Provincial Life*», 1997), «Юность» («*Youth: Scenes from Provincial Life II*», 2002), «Летняя пора» («*Summertime*», 2009) указывается «...как сквозная характеристика, определяющая образ Д. М. Кутзее в трилогии...» [Григорьева, 2014, с. 15]. Процесс осознания собственной гибридности связан с попыткой главного героя, протагониста автора, отказаться от культурных корней, но он приходит к пониманию невозможности полного отказа (Там же), и его идентичность опирается на частичную тождественность каждой из культур, взаимодействующих в постколониальном пространстве.

Проблема презентации национальной идентичности была затронута в диссертационном исследовании П. С. Ежова, посвященном художественному своеобразию М. Ондаатже, англоканадского писателя, потомка бургеров о. Шри-Ланка³⁰. П. С. Ежов предпринял критический анализ интертекста европейской литературы в романе «Английский пациент» («*English Patient*», 1992) как пример отображения кризиса национальной идентичности. П. С. Ежов выделяет утрату культурных корней главных героев: венгра Ладислоса де Олмаша и индуса Кирпала Сингха, которые помещены в чуждые культурные пространства. Автор интенционально усиливает потерю тождественности анонимностью образа (Олмаша) и использованием псевдонима (Сингх) [Ежов, 2003, с. 152]. Согласно выводам П. С. Ежова, авторская гибридность проявляется в выборе поэтических форм и обращении к постмодернизму: «Фрагментарная композиция произведений М. Ондаатже в равной степени отражает дробное постмодернистское мироощущение или многосоставную идентичность постколониального субъекта...» [Ежов, 2003, с. 190]. Данное диссертационное исследование является примером анализа творчества автора, представителя переселенческого общества Канады.

Проблема поиска идентичности затрагивается в анализе творчества американских авторов этнического происхождения. Диссертационное исследование И. Н. Егоровой посвящено изучению поэтики Л. Эрдрик, потомка северо-американских индейцев. Основная тема творчества

³⁰ Этническая группа, сложившаяся в результате смешения португальских, нидерландских и британских переселенцев с местным населением

автора определена исследователем как «способности человеческой личности формироваться в условиях влияния нескольких цивилизаций, следуя традиции каждой из них» [Егорова, 2014, с. 4]. Герои Л. Эрдрик как индейского, так и смешанного происхождения находятся в поиске идентичности в мультикультурном окружении. Для того чтобы выявить специфику формирования идентичности в англоязычной прозе авторов-этноамериканцев, исследователь рассматривает творчество автора «с точки зрения развития проблемы взаимодействия этнической культуры индейцев с национальной культурой США» [Егорова, 2014, с. 6]. Изыскания И. Н. Егоровой являются примером критического анализа творчества представителя этнического ренессанса.

Изучение художественного осмысления поиска национальной идентичности в процессе адаптации иммигрантов в американском обществе привлекает пристальное внимание ряда отечественных исследователей творчества писателей азиатско-американского происхождения. Историко-культурный фон, влияющий на становление таких авторов, как Э. Тан (китайские корни), Ф. Дюма (иранские корни), не является постколониальным в полной мере, но политическое, экономическое и культурное влияние США на азиатский регион сравнивают с политикой колонизации, что указывает на присутствие постколониальных черт у исследуемых авторов. Среди них — использование английского языка в творчестве, гибридность идентичности, реакция на культурный контекст жизни в США как лейтмотив творчества [Сидорова, 2012, с. 209–210]. К проблеме идентичности в азиатско-американской женской прозе обращается Е. М. Бутенина, которая подчеркивает гибридную природу национальной идентичности не только выходцев из китайско-американского социума, но и других иммигрантских групп [Бутенина, 2007, с. 5–6]. Характеризуя природу гибридной идентичности, исследователь обращается к явлению фрагментарности, которое метафорически отображает отрыв иммигрантов от культурных корней [Бутенина, 2007, с. 6]. Исследователь дает краткий обзор современной азиатско-американской литературы, освещая активную позицию авторов в вопросе осмысления коллективной идентичности азиато-американцев.

В продолжение изучения художественной специфики англоязычной прозы американцев азиатского происхождения Е. М. Караваева провела сравнительный анализ женской прозы китайско-американских авторов Э. Тан и М.Х. Кингстон. Определяя предметом исследования проблематику поиска национальной идентичности иммигрантами китайского происхождения, исследователь подчеркивает гендерную составляющую данного процесса, так как китайско-американские писатель-

ницы изображают конфликт поколений иммигрантов с позиции женщины в семье и обществе [Караваева, 2009, с. 5]. В практической части исследования Е. М. Караваевой раскрываются противоположные позиции авторов на процесс поиска национальной идентичности в ассимиляционных условиях: поддержка традиционного китайского мировоззрения (Э. Тан), стремление к новой модели идентичности, основанной на текучести, парадоксах и противоречиях (М. Х. Кингстон) [Караваева, 2009, с. 15–17]. Но оба автора осознают раздробленность, фрагментарность национальной идентичности [Караваева, 2009, с. 16, 18], хотя и дают противоположные оценки данному явлению.

Среди исследователей франкофонной литературы необходимо выделить монографию С. В. Прожогойной «Новые идентичности (быть или не быть западно-восточному „синтезу“: из опыта франко-магрибских контактов и конфликтов)». Работа посвящена теме самоидентификации — одной из центральных для творчества франкоязычных писателей Магриба [Прожогоина, 2012]. Дальнейшее исследование новых видов идентичностей, предложенных С. В. Прожогойной, было предпринято Н. В. Боруруевой, чьи результаты изложены в диссертационном исследовании «Поиск культурной идентичности в творчестве франкоязычных писателей магрибского происхождения (Салим Баши, Малика Мокеддем)». Опираясь на идеи французского исследователя франкофонной литературы Шарля Бонна, Н. В. Боруруева отмечает, что «любая литература говорит об идентичности и является источником индивидуальной, национальной и культурной идентичности» [Боруруева, 2015, с. 8].

Также имеют значимость изыскания Н. Ф. Щербак, О. А. Павловой, в научных работах которых рассматриваются такие аспекты, как новая идентичность героя и автора постколоний [Щербак, 2019], автобиографизм и презентация идентичности [Павлова, 2015]. Отечественными исследователями затронута и языковедческая сторона презентации идентичности в постколониальной литературе. В диссертации И. М. Гасановой «Языковые средства изображения самоидентификации в постколониальном романе XX–XXI вв.» представлены результаты анализа языковых средств передачи самоидентификации в произведениях авторов-постколониалистов (Дж. М. Кутзее, В. С. Найпол, К. Десаи, Д. Лессинг). И. М. Гасанова выделяет четыре типа самоидентификации: религиозную, национальную, профессиональную и семейную [Гасанова, 2013, 5]. Подчеркивается, что «персонаж постколониального романа... пребывает в условиях переходной ситуации, связанной с контактом и конфликтом языков и культур, и предстает носителем различных языков и культур» [Гасанова, 2013, с. 2].

В заключение важно подчеркнуть, что проблема идентичности в контексте критического изучения постколониальной литературы представляется актуальной темой исследования в отечественном литературоведении. Художественное отображение развития национальной идентичности в постколониальном пространстве анализируется на базе концепта гибридности Х. К. Бхабхи. Теория диалога М. М. Бахтина также применяется в исследованиях проблемы идентичности как тематической доминанты в постколониальной литературе, так как раскрывает диалогическую природу процесса гибридизации культурного пространства.

Библиографический список

Бахтин М. М. Собрание сочинений. Проблемы поэтики Достоевского. М., 2002. Т. 6.

Боруруева Н. В. Поиск культурной идентичности в творчестве франкоязычных писателей магрибинского происхождения (Салим Баши, Малика Мокеддем) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.

Бронич М. К. Проблема гибридной идентичности в американско-еврейской литературе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21. № 4.

Бутенина Е. М. Под знаком ветра и воды: проблема гибридной идентичности в китайско-американской литературе : монография. Владивосток, 2007.

Ващенко А. В. Этнокультурный фактор в литературе и искусстве второй половины XX века // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. 12. № 4 (59-60).

Гасанова И. М. Языковые средства изображения самоидентификации личности в постколониальном романе XX-XXI вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013.

Григорьева К. А. Автобиографическая трилогия Дж. М. Кутзее: жанровое своеобразие : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2014.

Егорова И. Н. Проблема обретения идентичности в романах Л. Эрдрик : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2014.

Ежов П. С. Художественное своеобразие прозы М. Ондаатже: эволюция творчества : дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2003.

Караваева Е. М. Конфликт поколений в романах Максин Хонг Кингстон и Эми Тэн (к проблеме поиска идентичности в азиатско-американской литературе США последней трети XX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.

Красик О. Б. Взаимодействие расового и этнического компонентов в современной литературе США // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2010. № 1 (19).

Найденова Н. С. «Мировая литература» на французском языке как феномен трансграничной художественной словесности в XXI веке // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2013. Т. 72. № 1.

Павлова О. А. Глава 6. О некоторых особенностях изучения постколониальной и мультикультурной литературы // Современное общество и экономика: анализ состояния и перспективы развития в условиях экономической турбулентности. Пенза, 2015.

Полякова А. В. Проблемная ситуация в современной литературоведческой терминологии: «национальная идентичность» // Вестник ТГУ. 2012. Вып. 2 (106).

Прожогина С. В. Новые идентичности (быть или не быть западно-восточному «синтезу»: из опыта франко-магрибинских контактов и конфликтов). М., 2012.

Сидорова О. Г. Феномен транскulturации в современной литературе США // Политическая лингвистика. 2012. № 1 (39).

Струкова Е. А. Образ творческой личности в произведениях англоязычных постколониальных писателей Дж. М. Кутзее и С. Рушди : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.

Тлостанова М. В. Постсоветская литература и эстетика транскulturации. Жить никогда, писать ниоткуда. М., 2004.

Толкачев С. П. Постколониальная литература: «новый сценарий» // Вестник МГАУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 7 (798).

Толкачев С. П. Проблемы гибридной идентичности в современной мультикультурной литературе // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2.

Хованская Е. С. Процесс пробуждения этнического сознания и особенности художественной структуры романа Джулии Оцука «Когда император был богом» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 1 (39).

Шевченко А. Р., Несмелова О. О. Два поколения, два восприятия: образы иммигрантов в малой прозе Джумпы Лахири // Филология и культура. 2019. № 3 (57).

Щербак Н. Ф. Постколониальная литература: истоки, теории и проблемы (новая идентичность героя и автора постколоний) // Полилингвильность и транскulturальные практики. 2019. Т. 16. № 4.

Bhabha H. K. *The Location of Culture*. New York, 1994.

Hall S. Introduction: Who Needs “Identity”? // *Questions of Cultural Identity*. London, 1996.

McClintock A. *The Angel of Progress: Pitfalls of the Term “Post-Colonialism”* // *Social Text*. 1992. № 31/32: Third World and Post-Colonial Issues.

References

Bahtin M. M. *Sobranie sochinenij. T. 6. Problemy poetiki Dostoevskogo*. [Collected Works. Vol. 6. Issues of Dostoevskiy's Poetics]. Moscow, 2002.

Bhabha H. K. *The Location of Culture*. New York, 1994.

Borurueva N. V. *Poisk kul'turnoj identichnosti v tvorchestve frankoyazychnyh pisatelej magribinskogo proiskhozhdeniya (Salim Bashi, Malika Mokeddem)*. [Cultural Identity Search in the Works of Francophone Writers of Maghreb Origin (Salim Bachi, Malika Mokeddem)]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Moscow, 2015.

Bronich, M. K. *Problema gibridnoj identichnosti v amerikano-evrejskoj literature*. [Issue of Hybrid Identity in American Jewish Literature]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. [Bulletin of Saratov Univeristy. New Series. Series: Philology. Journalism]. 2021. Vol. 21. No. 4.

Butenina E. M. *Pod znakom vetra i vody: problema gibridnoj identichnosti v kitajsko-amerikanskoj literature*. [Under the Sign of Wind and Water: The Issue of Hybrid Identity of Sino-American Literature]. Vladivostok, 2007.

Gasanova I. M. *Yazykovye sredstva izobrazheniya samoidentifikacii lichnosti v postkolonial'nom romane XX–XXI vv.* [Lingustic Means of Self-identification Depiction of a Person in Postcolonial Novel of XX–XXI centuries]. Abstract of Philol. Cand. Diss. St. Petersburg, 2013.

Grigor'eva K. A. *Avtobiograficheskaya trilogiya Dzh. M. Kutzee: zhanrovoe svoeobrazie*. [Autobiographic Trylogy of J. M. Coetzee: Genre Originality]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Saratov, 2014.

Hall S. *Introduction: Who Needs "Identity"?* In: *Questions of Cultural Identity*. London, 1996.

Hovanskaya E. S. *Process probuzhdeniya etnicheskogo soznaniya i osobennosti hudozhestvennoj struktury romana Dzhulii Ocuka "Kogda imperator byl bogom"*. [Process of Ethnic Consciousness and Artistic Structure Peculiarities of the novel of Julie Otsuka "When the Emperor was Divine"]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. [Bulletin of Tomskiy State University. Philology]. 2016. No. 1 (39).

Egorova I. N. *Problema obreteniya identichnosti v romanah L. Erdrik*. [The Issue of Identity Acquisition in the Novels of L. Erdrich]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Moscow, 2014.

Ezhov P. S. *Hudozhestvennoe svoeobrazie prozy M. Ondaatze: evolyuciya tvorchestva*. [Artistic Originality of M. Ondaatje's Prose: Evolution of Creative Work]. Thesis of Philol. Cand. Diss. Nizhny Novgorod, 2003.

Karavaeva E. M. *Konflikt pokolenij v romanah Maksin Hong Kingston i Emi Ten (k probleme poiska identichnosti v aziatsko-amerikanskoj literature SSHA poslednej*

treći XX veka). [Generation Conflict in the Novels of Maxine Hong Kingston and Amy Tan (Concerning the Issue of Identity Search in Asian-American Literature of the USA in the last Third of XX Century)]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Moscow, 2009.

Karasik O. B. *Vzaimodejstvie rasovogo i etnicheskogo komponentov v sovremennoj literature SSHA*. [Interaction of Racial and Ethnic Components in the Contemporary Literature of the USA]. In: *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta*. [Bulletin of Tatar State Humanitarian Pedagogical University]. 2010. No. 1 (19).

McClintock A. *The Angel of Progress: Pitfalls of the Term «Post-Colonialism»*. In: *Social Text*. Durham, 1992.

Najdenova N. S. “*Mirovaya literatura*” na francuzskom yazyke kak fenomen *transgranichnoj hudozhestvennoj slovesnosti v XXI veke*. [“World Literature” in the French Language as a Phenomenon of Trans-border Artistic Language Arts in XXI Century]. In: *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. [News of Russian Academy of Science. Literature and Language Series]. 2013. Vol. 72. No. 1.

Pavlova O. A. Glava 6. *O nekotoryh osobennostyah izucheniya postkolonial'noj i mul'tikul'turnoj literatury*. [About Some Peculiarities of Postcolonial and Multicultural Literature Studying]. In: *Sovremennoe obshchestvo i ekonomika: analiz sostoyaniya i perspektivy razvitiya v usloviyah ekonomicheskoy turbulentsnosti*. [Contemporary Society and Economics: the Analysis of State and Perspectives of Development in the Conditions of Economic turbulence]. Penza, 2015.

Polyakova L. V. *Problemnaya situaciya v sovremennoj literaturovedcheskoj terminologii: “nacional'naya identichnost'”*. [Problematic Situation in the Contemporary Literary Terminology: “National Identity”]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. [The Bulletin of Tomsk State University]. 2012. Iss. 2 (106).

Prozhogina S. V. *Novye identichnosti (byt' ili ne byt' zapadno-vostochnomu “sintezu”: iz opyta franko-magribinskih kontaktov i konfliktov)*. [New Identities: (to Be or not to Be Western-Eastern “Synthesis”: Based on the Experience of Franco-Maghreb Contacts and Conflicts)]. Moscow, 2012.

Sidorova O. G. *Fenomen transkul'turacii v sovremennoj literature SSHA*. [Phenomenon of Transcultural and Contemporary Literature of the USA]. In: *Politicheskaya lingvistika*. [Political Linguistics]. 2012. No. 1 (39).

Strukova E. A. *Obraz tvorcheskoy lichnosti v proizvedeniyah angloyazychnyh postkolonial'nyh pisatelej Dzh. M. Kutzee i S. Rushdi*. [Image of Creative Personality in the Works of English-speaking Postcolonial Writers John Maxwell Coetzee and S. Rushdi]. Abstract Of Philol. Cand. Diss. Moscow, 2016.

Tlostanova M. V. *Postsovetskaya literatura i estetika transkul'turacii. ZHit' nikogda, pisat' niotkuda*. [Postsoviet Literature and Esthetics of Transculturation. To live No When, to Write No Where]. Moscow, 2004.

Tolkachev S. P. *Postkolonial'naya literatura: "novyj scenarij"*. [Postcolonial Literature: "New Scenario"]. In: *Vestnik Moskovskogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. [The Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Studies]. 2018. Iss. 7 (798).

Tolkachev S. P. *Problemy gibridnoj identichnosti v sovremennoj mul'tikul'turnoj literature*. [Issues of Hybrid Identity in Contemporary Multicultural Literature]. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie*. [Knowledge. Understanding. Capability]. 2013. No. 2.

Shcherbak N. F. *Postkolonial'naya literatura: istoki, teorii i problemy (novaya identichnost' geroya i avtora postkolonij)*. [Postcolonial Literature: Origin, Theories and Problems (New Identity of Character and Author of Postcolony)]. In: *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki*. [Polilinguality and Transcultural Practice]. 2019. Vol. 16. No. 4.

Shevchenko A. R., Nesmelova O. O. *Dva pokoleniya, dva vospriyatiya: obrazy immigrantov v maloј proze Dzhumpy Lahiri*. [Two Generations, Two Perceptions: Immigrants Images in Minor Prose of Jhumpa Lahiri]. In: *Filologiya i kul'tura*. [Philology and Culture]. 2019. No. 3 (57).

Vashchenko A. V. *Etnokul'turnyj faktor v literature i iskusstve vtoroj poloviny XX veka*. [Ethnocultural Factor in Literature and Art of the Second Half of XX Century]. In: *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. [Personality. Culture. Society]. 2010. Vol. 12. No. 4 (59-60).

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

РОЛЬ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В ФОРМИРОВАНИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА «ХАРБИН»

С. В. Беликов

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, структура концепта, ассоциативный эксперимент, Харбин.

Keywords: linguistic and cultural concept, concept structure, associative experiment, Harbin.

DOI 10.14258/filichel(2023)2–09

Термин «концепт» является одним из наиболее активных в языке современной науки. Центрами по изучению концептов стали университеты Воронежа (З. Д. Попова, И. А. Стернин), Волгограда (В. И. Карасик), Краснодар (С. Г. Воркачев), Кемерово (М. В. Пименова); результаты их теоретической и практической деятельности отражены в «Антологии концептов» (8 томов, 2005–2011), представляющей лингвоконцептологию, цель которой — лингвистическими средствами описать концепты. В лингвокультурологии при рассмотрении концепта принимается во внимание этнокультурный аспект (Д. С. Лихачев, Ю. С. Степанов, В. В. Колесов, В. А. Маслова, В. В. Воробьев). Обобщая точки зрения на различные определения концепта, С. Г. Воркачев делает вывод: «концепт — это единица коллективного знания / сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [Воркачев, 2001, с. 69; 2007, с. 21]. В этом определении лингвокультурного концепта отражается категория ментальности, синтез языка и этнического самосознания, языка и социума, языка и культуры.

Обзор современных подходов к анализу структуры лингвокультурного концепта и авторский метод его структурирования, дополняющий актуальные концепции, представлен в статье И. В. Кононовой. Лингвокультурный концепт рассматривается ученым как «структура, включающая образную, ассоциативную, понятийную, ценностную, этимологическую и историческую составляющие» [Кононова, 2014, с. 32].

В структуре концепта нас прежде всего интересует ассоциативный компонент, так как он образует ассоциативные отношения и вступает в ассоциативные связи со всеми другими структурными компонентами. Например, этимологическая составляющая концепта «Харбин» связана со звуковой оболочкой слова «харба», что в переводе с маньчжурского языка означает «переправа», «перевал»; так местные жители (маньчжуры) стали называть место стройки будущего города. Впоследствии это слово закрепилось в качестве названия города посредством слияния маньчжурского корня и русского суффикса — Харб+ин. Слово содержит активную производящую основу, от которой образуются прилагательные (*харбинский ветер, харбинское солнце, харбинская кухня, харбинские поэты*); существительные, обозначающие жителей Харбина — *харбинец, харбинка, харбинцы*; наречие *по-харбински*.

Обстоятельно изучена в структуре концепта «Харбин» историческая составляющая, которая, согласно современному ученому, «включает наиболее значимые признаки ассоциативных составляющих концепта» [Коновина, 2014, с. 35]. Действительно, история Харбина обусловлена двумя факторами, и оба детально исследованы как в отечественной науке, так и китайской: история КВЖД и история дальневосточной ветви русской эмиграции первой волны. В структуре ассоциаций отразилось представление о том, что Харбин — китайский город с русскими корнями.

В нашем исследовании концепт «Харбин» изучается с целью сопоставления языковых личностей представителей разных национальностей — русских и китайцев. Полагаем, что материал для выяснения специфики языковых личностей разных этносов могут дать результаты ассоциативного эксперимента.

Е. Ф. Тарасов утверждает, что «одним из способов овнешнения языкового сознания является ассоциативный эксперимент» [Тарасов, 2004, с. 41]. Полученные в результате ассоциативного эксперимента группы слов носят название ассоциативных полей. Мы организовали свободный и направленный ассоциативный эксперимент, исходя из экспериментальных методов И. А. Стернина. На основании работ ученого [Стернин, 2013; 2020, с. 110-125] выделили ядро концепта и его периферию — ближнюю, дальнюю и крайнюю, в зависимости от индекса яркости. Индекс яркости (ИЯ) данных признаков вычислялся как отношение количества респондентов, актуализировавших (вербализовавших) данный признак в своих экспериментах, к общему числу испытуемых [Стернин, 2009, с. 25-39].

Дадим вначале описание свободного эксперимента. Задача подобного рода работ — исследование коллективного сознания, что обуслов-

ливает необходимость массового анкетирования с целью получения репрезентативной выборки.

В опросе принимало участие равное количество русских и китайцев — по 50 человек. Но в целом в разных возрастных группах количество респондентов не совпадало (см. табл. 1).

Таблица 1

Участники опроса

Группы по возрасту	Русские (50 человек)	Китайцы (50 человек)
20–25	3	10
26–30	2	20
31–35	3	5
36–40	7	2
41–45	8	5
46–50	7	3
51–55	6	2
56–60	2	2
61–65	2	
66–70	4	
71–75	6	1

У китайцев на вопрос: «Какие ассоциации вызывает слово Харбин?» откликнулись в основном молодые люди — студенты, магистранты, аспиранты (35 из 50 человек), остальные — преподаватели, в том числе 4 работающих кандидата и 1 доктор наук, пенсионер. Все они владеют русским языком в разной степени. У русских к категории молодежи относится менее 10 человек, зато активна категория работающих / не работающих пенсионеров. Все ответившие на вопрос в свое время учились или работали в Китае, многие преподавали русский язык, другие преподают и сейчас; в их числе 5 докторов филологических наук и 14 кандидатов — педагогических, философских, филологических наук, культурологии. И китайцы, и русские в своих ассоциациях не были ограничены, респонденты в основном называли 3–6 ассоциатов на слово-стимул *Харбин*.

Установление объема ассоциативного поля происходит в результате эксперимента с испытуемыми, следовательно, опирается не на анализ текста, а на ответные реакции людей, участвующих в эксперименте [Касаткина 2020, с. 590].

Таблица 2

Обобщение ассоциаций по принципу «род — вид»

Ассоциативное поле слова-стимула Харбин	Участники эксперимента. Русские (50 человек)		Участники эксперимента. Китайцы (50 человек)	
	Ассоциаты	Типонимы	Ассоциаты	Типонимы
КУЛЬТУРА				
Достопримечательности				
Ядро (индекс яркости не менее 0,12–0,15)	Софийский собор (0,14); Река Сунгари и набережная (0,12); Международный конкурс скульптур из льда и снега (0,12)	Сия — совокупный индекс яркости СИЯ = 0,38 (русские) 0,68 (китайцы)	Центральная пешеходная улица (0,30); Большой Мир льда и снега (0,24); Софийский собор (0,14)	
Ближняя периферия (индекс яркости 0,10–0,04)	Арбат / Пешеходная улица (0,06); Улица Гоголя (0,06); Оперный театр (0,04); Парки и скверы (0,04); Чайный дом (0,04)	СИЯ = 0,24 (русские) 0,14 (китайцы)	Солнечный остров (0,06); Река Сунгари (0,04); Харбинский Большой театр (0,04)	
Дальняя периферия (индекс яркости 0,03–0,02)	Башня Дракона (0,02); Остров Солнца (0,02); Снежинка (памятный знак) (0,02); Китайская баня (0,02)	СИЯ = 0,08 (русские) 0,04 (китайцы)	Телебашня Дракона (0,02); Хунбо / Экспо (0,02)	
Крайняя периферия (индекс яркости 0,01 и ниже)	–	–	–	–
ИСТОРИЯ				
Ядро (ИЯ не менее 0,12–0,15)	Эмигранты / Русская эмиграция (0,22); КВЖД (0,20)	СИЯ = 0,42 (русские)		–
Ближняя периферия (ИЯ 0,10–0,04)	Русский город (0,10); Русский Китай (0,08); Маньчжурия (0,06)	СИЯ = 0,24 (русские) 0,06 (китайцы)	Отряд 731 (0,06);	

Ассоциативное поле слова-стимула Харбин	Участники эксперимента. Русские (50 человек)	Группы слов Гиперонимы	Участники эксперимента. Китайцы (50 человек)
	Ассоциаты Гипонимы		
Дальняя периферия (ИЯ 0,03–0,02)	Памятник советским воинам (0,02); Японские отряды смерти (0,02)	СИЯ = 0,04 (русские) 0,02 (китайцы)	Русские (0,02)
Крайняя периферия (ИЯ 0,01 и ниже)	–	–	–
УНИВЕРСИТЕТЫ			
Ядро (ИЯ не менее 0,12–0,15)	Харбинский педагогический (0,12); Хорошие студенты (0,12); Кампус / студенческий городок (0,12)	СИЯ = 0,36 (русские) 0,26 (китайцы)	Харбинский педагогический (0,14); Хэйлунцзянский университет (0,12)
Ближняя периферия (ИЯ 0,10–0,04)	Многонациональное сообщество (0,06); Коллеги (0,04)	СИЯ = 0,10 (русские) 0,10 (китайцы)	Русский язык (0,10)
Дальняя периферия (ИЯ 0,03–0,02)	–	СИЯ = 0,02 (китайцы)	Русский клуб (0,02)
Крайняя периферия (ИЯ 0,01 и ниже)	–	СИЯ = 0,02 (китайцы)	Харбинский политехнический университет (0,01); Северо-восточный сельскохозяйственный университет (0,01)
ИСКУССТВО			
Ядро (ИЯ не менее 0,12–0,15)	Русская эмигрантская поэзия Харбина (0,20)	СИЯ = 0,20 (русские) 0,30 (китайцы)	Музыка (0,30)
Ближняя периферия (ИЯ 0,10–0,04)	Журнал «Рубеж» (0,10); «Молодая Чураевка» (0,06); А. Несмелов и В. Перелешин (0,04) Ф. Шаляпин и А. Вертинский (0,04)	СИЯ = 0,24 (русские) 0,24 (китайцы)	«Ночь в Харбине» (сериал, 2008), по одноименному роману Чень Юй (0,10); Сун Хунлэй, известный актер, род. в Харбине (0,08); Мэн Хэтан, артист разговорного комедийного жанра сяньшэн, родом из Харбина (0,06)

Ассоциативное поле слова-стимула Харбин	Участники эксперимента. Русские (50 человек)		Группы слов Гиперонимы	Участники эксперимента. Китайцы (50 человек)
	Ассоциаты	Гипонимы		
Дальняя периферия (ИЯ 0,03–0,02)	«Все началось в Харбине» (сериал, 2013) (0,02)		СИЯ = 0,02 (русские)	–
Крайняя периферия (ИЯ 0,01 и ниже)	Прямая ассоциация из детства — романс Ольги, русской эмигрантки из сериала «Государственная граница», фильм третий «Восточный рубеж» (0,01)		СИЯ = 0,01 (русские)	–
КУХНЯ				
Ядро (ИЯ не менее 0,12–0,15)	Вся китайская кухня / вкусная китайская еда (0,20); Пельмени и пельменные (0,16); Харбинское пиво (0,14)		СИЯ = 0,50 (русские) 0,44 (китайцы)	Красная харбинская колбаса (0,18); Мороженое (0,14); Курица в кисло-сладком соусе (0,12)
Ближняя периферия (ИЯ 0,10–0,04)	Засахаренные фрукты и ягоды (0,10); Обилие свежих фруктов (0,08); Салат «Харбин» (0,04)		СИЯ = 0,22 (русские) 0,30 (китайцы)	Русский хлеб (0,10); Шашлык (0,10); Холодная лапша на гриле (0,10)
Дальняя периферия (ИЯ 0,03–0,02)	Рыба (0,02)		СИЯ = 0,02 (русские) 0,02 (китайцы)	Русский квас (0,02)
Крайняя периферия (ИЯ 0,01 и ниже)	Обалденно вкусно! (0,01)		СИЯ = 0,01 (русские)	–

На этапе обработки эксперимента выяснилось, что все ассоциации можно обобщить и выделить в группы по принципу **род — вид**. Ассоциаты **гиперонимы** — это *История, Культура / Достопримечательности, Искусство, Университеты, Кухня*; ассоциаты **гипонимы** — это конкретные слова или словосочетания, входящие в ту или иную группу.

Ассоциативный эксперимент только подтвердил нашу гипотезу: предметно-понятийные или вещные ассоциации зависят от национальности, уровня образованности, а также от возраста респондентов. Наиболее показательна в этом плане группа «История». Если у русских сразу же возникают ассоциации *КВЖД и эмиграция / русские эмигранты* и входят они в ядро концепта, то у китайцев по индексу яркости, да и то не самому большому, — это ближняя периферия со словосочетанием *Отряд 731* (японский отряд смерти, музей его находится в Харбине), а слово *русские* отмечается только на дальней периферии. Аргументацией мысли о том, что у русских и китайцев разный взгляд на историю Харбина, служат примеры из группы «Искусство». Среди китайцев, особенно молодых, популярен сериал «Ночь в Харбине» (2008 г.), сюжет которого строится на борьбе китайских подпольщиков против японских оккупантов (в основе фильма — одноименный роман Чэнь Юй). В гиперониме «Искусство» отразилось массовое сознание китайцев — в восприятии концепта не зафиксирована дальняя и крайняя периферия. У русских же в первую очередь искусство вызывает ассоциации с эмигрантской поэзией, харбинскими поэтами А. Несмеловым и В. Перелешиним, литературной студией «Молодая Чураевка» (руководитель Ал. Ачаир), журналом «Рубеж»; с выступлениями в Харбине Ф. Шаляпина и А. Вертинского — это ядро и ближняя периферия концепта «Харбин», его предметно-понятийной составляющей.

Вместе с тем при анализе концепта нельзя не учитывать его образную и чувственно-эмоциональную составляющие. Согласно В.В. Колесову, установка русской ментальности направлена не только на логическое познание, но и на чувственное. Это восприятие свойств национального характера, общества и способность к выражению мировидения через родной язык [Колесов, 2006, с. 11-13]. Поэтому мы выделили другие ассоциации, обобщили и сравнили формы их вербализации у разных этносов. Среди ассоциатов образовались родовидовые отношения (см. табл. 3).

Таблица 3

Родовидовые отношения ассоциатов по результатам эксперимента

Ассоциативное поле слова-стимула Харбин	Участники эксперимента. Русские (50 человек)		Группы слов Гиперонимы	Участники эксперимента. Китайцы (50 человек)
	Ассоциаты Гипонимы	Ассоциаты Гипонимы		
ПОГОДА (арibuтивные сочетания + оценка)				
Ядро (индекс яркости не менее 0,12–0,15)	Холодная, суровая зима (0,14); Морозная и снежная зима (0,14)	СМЯ = 0,28 (русские) 0,48 (китайцы)	Белый снег (0,18); Холодная, морозная зима (0,16); Скользкий лед (0,14)	
Ближняя периферия (ИЯ 0,10–0,04)	–	–	–	–
Дальняя периферия (ИЯ 0,03–0,02)	Харбинский ветер (0,02)	СМЯ = 0,02 (русские) 0,02 (китайцы)	Яркие звезды (0,02)	
Крайняя периферия (ИЯ 0,01 и ниже)	–	–	–	–
ПРИРОДА (арibuтивные сочетания + оценка)				
Ядро (ИЯ не менее 0,12–0,15)	Распутившаяся сирень (0,14) Цветущая сакура (0,12)	СМЯ = 0,26 (русские) 0,16 (китайцы)	Северо-восточный тигр / амурский тигр (0,16)	
Ближняя периферия (ИЯ 0,10–0,04)	Цветущие персиковые / абрикосовые деревья (0,10); Бело-розовая весна (0,08) — метафора	СМЯ = 0,18 (русские) 0,08 (китайцы)	Белые лебеди (0,08)	
Дальняя периферия (ИЯ 0,03–0,02)	–	–	–	–
Крайняя периферия (ИЯ 0,01 и ниже)	–	–	–	–

Ассоциативное поле слова-стимула Харбин	Участники эксперимента. Русские (50 человек) Ассоциаты Гипонимы		Группы слов Гиперонимы	Участники эксперимента. Китайцы (50 человек) Ассоциаты Гипонимы	
	ОБРАЗ ГОРОДА / ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ХАРБИНЕ				
Ядро (ИЯ не менее 0,12–0,15)	Уникальный город, мало похожий на китайский (0,16); Колоритный город, многообразный / разнообразный (0,12)		СИЯ = 0,28 (русские) 0,26 (китайцы)	Русский стиль архитектуры в центре Харбина (0,14); Красивый город, высокий / с высокими домами (0,12)	
Ближняя периферия (ИЯ 0,10–0,04)	Многолюдный, толпы народа (толчея, суета) (0,08); Харбинцы — приветливый народ (0,08)		СИЯ = 0,16 (русские) 0,10 (китайцы)	Добрый, сердечный город (0,10)	
Дальняя периферия (ИЯ 0,03–0,02)	Харбин — центр русско-китайских отношений (0,02); Город с развитой промышленностью, наукой и культурой (0,02)		СИЯ = 0,04 (русские) 0,08 (китайцы)	Административный центр провинции Хэйлунцзян (0,02); Тяжелая промышленность (0,02); Высокая цена квартир (0,02); Низкая зарплата (0,02)	
Крайняя периферия (ИЯ 0,01 и ниже)	Харбин — город, где хотелось бы жить на пенсии (0,01); Лед и пламя (0,01)		СИЯ = 0,02 (русские) 0,02 (китайцы)	Малатан (заварочный чайник в чайном доме) (0,01); Образ начальной школы, где впервые работала (0,01)	
ХАРБИН В СРАВНЕНИИ / СОПОСТАВЛЕНИИ					
Ядро (ИЯ не менее 0,12–0,15)	Харбин — спасение для русских (0,30); Харбин = Дом (0,40)		СИЯ = 0,70 (русские) 0,14 (китайцы)	Харбин = Восточный Париж / восточный ма-ленький Париж (0,14)	
Ближняя периферия (ИЯ 0,10–0,04)	Похож на Владивосток и Хабаровск архитектурой в центре (0,08)		СИЯ = 0,08 (русские) 0,14 (китайцы)	Харбин = Москва / Россия (0,10); Здания фармацевтической компании в Харбине = северо-восточный Лувр (0,04)	
Дальняя периферия (ИЯ 0,03–0,02)	Харбин — Солнечный город / город Солнца (0,02) — метафорический эпитет		СИЯ = 0,02 (русские) 0,02 (китайцы)	Харбин = город-музыка (0,02) — метафора	
Крайняя периферия (ИЯ 0,01 и ниже)	Живу в Харбине как в сказке (0,01); Пыль, смог, грязь (0,01)		СИЯ = 0,02 (русские)	–	

В ходе ассоциативного эксперимента, отраженного в таблице 3, мы обратили внимание на то, что не все поля заполнены и в результате образовались **лакуны**. Особенности гиперонима «История» мы уже комментировали. В гиперониме «Культура» отсутствует крайняя периферия, так как в достопримечательностях Харбина трудно найти те, которые вошли бы в индивидуальное сознание хотя бы одного человека. В группе «Погода» не зафиксирована ближняя и крайняя периферия: полагаем, что лексемы *холод, мороз, снег, лед* прочно соединились в ядре концепта «Харбин» как у китайцев, так и у русских. В группе «Природа» при отсутствии дальней и крайней периферии наблюдаются отличия в национальном коллективном восприятии: для русских основные лексемы *весна, цветение, деревья* (растительный мир), для китайцев — *тигр, лебедь* (животный мир).

Комментария требует гиперонимическая группа «Образ города» / «Представление о Харбине», сюда можно еще добавить «Характер города». Гипонимы *Колоритный город, многообразный / разнообразный* (ядро) порождают у испытуемых индивидуальные ассоциации — развернутые словесные картины особого пространства Харбина: *Уличные музыканты и танцоры, Коллективные вечерние танцы и массовые занятия физкультурой, Утренние и вечерние рынки, Красные фонари вдоль улиц, Декоративные речки и озера с деревянными мостиками, Множество велосипедов* (крайняя периферия). Естественно, такое видение современного китайского города может возникнуть только в индивидуальном сознании русских, впервые наблюдающих со стороны особенности китайской утренней и вечерней жизни. Следовательно, образный компонент в структуре концепта воплощает наглядно-чувственное представление (перцептивный образ).

Направленный ассоциативный эксперимент проводился по выданному заданию: «Харбин — какой? Харбин — это? Отвечая на вопрос, запишите 1-5 слов или словосочетаний». Этот вид эксперимента был направлен на выявление лингвистических средств выражения чувств, ощущений, эмоций (см. табл. 4).

Таблица 4

**Лингвистические средства выражения чувств,
ощущений, эмоций**

Ассоциативное поле слова-стимула <i>Харбин — как-кой?</i>	Участники эксперимента. Русские (50 человек)	Группы слов Гиперонимы	Участники эксперимента. Китайцы (50 человек)
	Ассоциаты Гипонимы		Ассоциаты Гипонимы
ЧУВСТВА, ОЩУЩЕНИЯ, ЭМОЦИИ			
Ядро (ИЯ не менее 0,12–0,15)	Харбин — это встречи в кругу друзей / разнообразное общение (0,24)	СИЯ = 0,24 (русские) 0,24 (китайцы)	Харбин — это город дружбы / друзей (0,12); Харбин — это любимая семья (0,12)
Ближняя периферия (ИЯ 0,10–0,04)	Совершенно родной (0,10); Близкий (0,10); Незабываемый (0,08); Желанный (0,06); Теплый (0,04); В городе рождается ощущение счастья, радости, восторга (0,04); Возникает чувство простора (0,04)	СИЯ = 0,46 (русские) 0,42 (китайцы)	Родина (0,10); Никого не обижающий (0,10); Щедрый (0,08); Смелый (0,06); Красивый (0,04); Модный (0,04)
Дальняя периферия (ИЯ 0,03–0,02)	В Харбине стремительный ритм жизни (0,02); Загадочный Харбин (0,02) — <i>эпитет</i> Притягивающий, как магнит (0,02) — <i>сравнение</i>	СИЯ = 0,06 (русские)	–
Крайняя периферия (ИЯ 0,01 и ниже)	Чувство свободы, мудрости, внутреннего покоя (0,01); Чувство, что так не бывает (0,01)	СИЯ = 0,02 (русские)	–

Сравним по совокупному индексу яркости (СИЯ) языковое выражение ассоциативного поля концепта «Харбин» у разных национальностей — русских и китайцев, отличающихся этнокультурной спецификой. Напомним, что эксперимент проводился в вузовской среде (студенты, магистранты, аспиранты, преподаватели) (см. табл. 5).

Таблица 5

Совокупный индекс яркости (СИЯ) языкового выражения ассоциативного поля концепта «Харбин» у русских и китайцев

Ассоциативное поле концепта ХАРБИН (слова-гиперонимы)	СИЯ у русских участников эксперимента	СИЯ у китайских участников эксперимента
	Ядро / Периферия / Всего	Ядро / Периферия / Всего
История	0,42 / 0,28 / 0,70	0,0 / 0,08 / 0,08
Культура	0,38 / 0,32 / 0,70	0,68 / 0,18 / 0,86
Искусство	0,20 / 0,27 / 0,47	0,30 / 0,24 / 0,54
Университеты	0,36 / 0,10 / 0,46	0,26 / 0,14 / 0,40
Кухня	0,50 / 0,25 / 0,75	0,44 / 0,32 / 0,76
Погода	0,28 / 0,02 / 0,30	0,48 / 0,02 / 0,50
Природа	0,26 / 0,18 / 0,44	0,16 / 0,08 / 0,24
Образ города	0,28 / 0,22 / 0,50	0,26 / 0,20 / 0,46
Харбин в сопоставлении	0,70 / 0,12 / 0,82	0,14 / 0,16 / 0,30
Чувства, ощущения, эмоции	0,24 / 0,54 / 0,78	0,24 / 0,32 / 0,56

Ассоциативное поле отражает вербальную память и фиксирует в слове фрагмент картины мира определенной этнической группы. У китайских участников эксперимента концепт «Харбин» вызывает ассоциации прежде всего с образами «Культурных достопримечательностей» (первое место занимают *Центральная улица, Международный конкурс фигур из льда и снега, Софийский собор*); затем идут ассоциаты, связанные с «Кухней»; на третьем месте — «Чувства» (в ядро концепта входят лексемы *друг / друзья / дружба* и *семья*; далее по убывающей — «Искусство» (среди видов — музыка и кино); «Погода»; «Представления о городе»; «Университеты»; «Харбин в сравнениях» (ядро концепта образует сопоставление с восточным Парижем); «Природа» (несмотря на то что китайцы — мастера ландшафтного дизайна); на последнем месте — «История» (это можно объяснить тем, что Харбин изначально строился русскими для нужд КВЖД, а это — не китайская история).

Русские участники эксперимента оказались более творческими и эмоциональными натурами, отсюда сравнения Харбина с домом, спасшим русских эмигрантов, вышли на первое место, а на второе — чувства и ощущения, которые испытали русские в этом городе (в ядро концепта входят ценности дружбы и общения). Третье место отдано великолепной китайской «Кухне», четвертое разделили «История» и «Культура»,

пятое занял «Образ Харбина». Далее идут «Искусство» (русские поэты «харбинской ноты»), «Университеты», образное восприятие «Природы», на последнем месте — «Погода».

В процессе анализа результатов ассоциативного эксперимента становится ясным высказывание академика Ю. С. Степанова о структуре концепта: концепт — это «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово для обыкновенного носителя языка [Степанов, 1997, с. 42].

Сопоставляя ассоциативные поля, исследователь может получить богатый материал для освоения и понимания языка в его этнокультурной специфике. В преподавании языка в национальной аудитории можно использовать ассоциативно-семантические поля слов в качестве вербального выражения концептов.

В индивидуальном сознании слово не существует в отдельности, оно связано с другими словами контекстом, помогающим установить значение слова — первичное или переносное. Получаемое в результате эксперимента ассоциативное поле представляет собой модель для изучения семантики слова.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с созданием лингвокультурных учебных текстов тематики «Харбин» (модуль «Аудирование»), отражающих опыт работы автора в китайской аудитории. Каждый текст предполагает освоение одной из тем — «История», «Культура», «Искусство», «Природа Харбина» и т. д., выявленных в ходе ассоциативного эксперимента. Любой учебный текст по РКИ должен содержать словарь, куда могут войти слова-ассоциаты, цель которых — дать дополнительную смысловую нагрузку языковым обозначениям реалий Харбина, его этнокультуры.

Библиографический список

Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1.

Воркачев С. Г. Лингвокультурная концептология: становление и перспективы // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2007. Т. 66. № 2.

Касаткина Т. Ю. Ассоциативное поле как модель анализа значения слова // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14. Вып. 4.

Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2006.

Кононова И. В. Структура лингвокультурного концепта: Способы языковой и дискурсивной объективации // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2014. № 5 (24).

- Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М., 1997.
- Стернин И. А. Некоторые актуальные проблемы современной концептологии // Лингвоконцептология. Воронеж, 2009. Вып. 2.
- Стернин И. А. Методы описания семантики слова. Ярославль, 2013.
- Стернин И. А. Проблемы интерпретации результатов ассоциативных экспериментов // Вопросы психолингвистики. 2020. № 3 (45).
- Тарасов Е. Ф. Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. 2004. № 2.

References

- Vorkachev S. G. *Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii*. [Lingvokulturologiya, yazykovaya personality, kontekst: stanovlenie antropotsentricheskogo paradigma v yazykoznaniya]. In: *Filologicheskie nauki*. [Filologicheskie nauki]. 2001. No. 1.
- Vorkachev S. G. *Lingvokul'turnaya kontseptologiya: stanovlenie i perspektivy*. [Lingvocultural conceptology: becoming and perspectives]. In: *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series]. 2007. T. 66. No. 2.
- Kasatkina T. Yu. *Assotsiativnoe pole kak model' analiza znacheniya slova*. [Associative field as a model for analyzing the meaning of the word]. In: *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. [Yearbook of Finno-Ugric studies]. 2020. Vol. 14. Iss. 4.
- Kolesov V. V. *Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste*. [Russian mentality in language and text]. St. Petersburg, 2006.
- Kononova I. V. *Struktura lingvokul'turnogo kontseptu: Sposoby yazykovoy i diskursivnoy ob'ektivatsii*. [The structure of the linguocultural concept: Methods of linguistic and discursive objectification]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Volgograd State University]. 2014. No. 5 (24).
- Sternin I. A. *Metody opisaniya semantiki slova*. [Methods of describing the semantics of the word]. Yaroslavl, 2013.
- Sternin I. A. *Problemy interpretatsii rezul'tatov assotsiativnykh eksperimentov*. [Problems of interpretation of the results of associative experiments]. In: *Voprosy psikholingvistiki*. [Problems of psycholinguistics]. 2020. No. 3 (45).
- Sternin I. A. *Nekotorye aktual'nye problemy sovremennoy kontseptologii*. [Some actual problems of modern conceptology]. In: *Lingvokontseptologiya*. [Lingvoconceptology. Voronezh, 2009. Vol. 2.
- Tarasov E. F. *Yazykovoie soznanie*. [Linguistic consciousness]. In: *Voprosy psikholingvistiki*. [Voprosy psycholinguistics]. 2004. No. 2.

ГОДОНИМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЛОНДОНА КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОГО ЛАНДШАФТА

Д. Р. Миниярова, А. В. Уразметова

Ключевые слова: топоним, урбаноним, годоним, название улицы, культурно-языковой ландшафт.

Keywords: toponym, urbanonym, godonym, street name, cultural and linguistic landscape.

DOI 10.14258/filichel(2023)2–10

Изучение городского культурно-языкового ландшафта является одним из современных и бурно развивающихся направлений лингвистических исследований. Под термином «культурно-языковой ландшафт» понимаются языковые единицы, способные «передавать культуру и национальный колорит, что также вызывает значительный исследовательский интерес. В связи с этим понятие „культурно-языковой ландшафт” отражает не только языковые доминанты визуального пространства города, но и культурные смыслы, заложенные в них» [Садуов, 2020, с. 24]. Помимо очевидных элементов визуального оформления города, таких как вывески, баннеры, билборды, объявления, граффити и др., культурно-языковой ландшафт может формировать и топонимическая лексика внутригородского пространства, т. е. урбанонимы.

Исследования, посвященные разным аспектам изучения топонимов, приобрели популярность в конце XX — начале XXI века. Необходимо отметить, что теоретическими вопросами изучения топонимики занимаются как известные отечественные, так и зарубежные ученые-ономасты: Э. М. Мурзаев, Р. З. Мурысов, Н. В. Подольская, А. В. Суперанская, Н. И. Толстой и др. [Мурзаев, 1979; 1995; Мурысов, 2015; Подольская, 1988; Суперанская, 1973; Толстой, 1964]. Частные проблемы топонимики разрабатывают следующие ученые: В. Д. Беленькая, М. Gelling, О. А. Леонович, А. Бах, Е. А. Березович, В. В. Кузиков, В. Д. Бондалетов, Т. В. Хвесько, А. С. Щербак и др. [Беленькая, 1977; Gelling, 1984; Леонович, 2002; 2004; Bach, 1953; Березович, 1998; Кузиков, 1985; Бондалетов, 1983; Хвесько, 2019; Щербак, 2012; 2020]. Также существует значительное количество исследований урбанонимических систем, которые проводятся на материале языковых единиц различных городов как России, так и всего мира.

Необходимо отметить, что сам процесс онимической номинации является сложным явлением. Существует множество принципов наименования топонимических объектов, т. е. «путей и направлений создания наименований» [Цветкова, 2010]. Вследствие этого возникает ряд трудностей в создании единой классификации, позволяющей отразить всю многоаспектную сущность топонимической лексики. А. В. Суперанская объясняет возникновение этих трудностей тем, что «каждое географическое название образуется по законам того языка, которому оно принадлежит, следовательно, изучение топонимических структур должно исходить именно из языкового принципа» [Суперанская, 1964, с. 61]. А. В. Суперанская выделяет следующие типы классификаций топонимов: «классификация имен в связи с именуемым объектом; классификация с целью разграничения естественно возникших и искусственно созданных имен; классификация по линии „микро” — „макро”; структурная классификация имен; хронологическая классификация; классификация по мотивировке имен и примыкающая к ней этимологическая классификация; классификация, основанная на объеме закрепленных в именах понятий; классификация в связи с дихотомией язык — речь; стилистическая и эстетическая классификации» [Суперанская, 1973, с. 159]. Таким образом, при исследовании ономастического материала определенной территории следует использовать комплексный подход, учитывая языковые, территориальные, хронологические и другие особенности топонимической лексики.

Классификация топонимической лексики по виду именуемого объекта характеризуется стройностью и единообразием на всем земном шаре, поскольку она повторяет структуру и содержание категорий географических объектов. Одним из самых многочисленных видов топонимов являются урбанонимы (названия внутригородских объектов). В результате многовековой истории развития каждая урбанонимическая система может быть систематизирована и классифицирована с учетом многообразия принципов номинации, существующего языкового материала и различных подходов к его изучению. Урбанонимические системы разных городов, несмотря на сходство основных принципов номинации, имеют свои собственные уникальные особенности. Урбанонимы каждой отдельно взятой топонимической системы по-разному репрезентируют обозначаемые ими объекты, поскольку процесс номинации основывается преимущественно на субъективном восприятии признаков объектов номинатором.

Целью данного исследования является выявление культурно-языковых ценностей, зафиксированных в топонимической системе г. Лондона.

«Годонимы (названия улиц) представляют собой один из наиболее обширных пластов урбанонимической лексики и являются не только ориентиром в пространстве, но и ценным источником лингвострановедческой информации» [Уразметова, 2022, с. 123], содержащим богатейший материал для познания истории и культуры народа. Именно «историко-культурный контекст служит важным ресурсом для формирования локальной идентичности и восприятия города» [Голомидова, 2017, с. 189]. Все это объясняет неугасающий интерес к урбанонимическим исследованиям со стороны лингвистов.

Годонимы представляют собой неотъемлемую часть жизни каждого города и систему переосмысления одних и тех же имен, являющихся, в свою очередь, частью других систем. Другими словами, годонимы можно назвать невольными регистраторами явлений и событий, имевших место в общественной жизни города, страны или мира, так как они живо реагируют на социальные и политические изменения, происходящие в окружающей человека среде [Суперанская, 1973, с. 36]. Наиболее отличительными особенностями годонимической системы Лондона является топонимизация имен местных выдающихся личностей, чья деятельность непосредственно связана с Лондоном или Великобританией в целом. Также для «Лондона характерен преимущественно отфамильный способ наименования улиц» [Уразметова, 2022, с. 150]. Помимо этого, встречаются улицы, названия которых связаны с профессиями, торговлей, животноводством, географией и т. д.

Первые названия улиц Лондона указывали на их отличительные черты или значимые объекты, которые на них находились. Например, названия улиц *Broad Lane*, *Broad Street Avenue*, *New Broad Street*, *Old Broad Street* являются описательными и в дословном переводе (*broad* «широкий») указывают на размеры. Во второй половине XVII века, после Великого пожара 1666 года, популярными становятся принадлежностные названия, а в XVIII-XIX вв. — коммеморативные [Леонович, 2002, с. 72-73]. В начале XX века территория Лондонского графства начинает стремительно увеличиваться. Новые районы получили название «Внешний пояс», а образующая конурбация стала называться Большим Лондоном. В 50-х годах XX века к Лондону присоединяются новые города-спутники. В результате вокруг «Внешнего пояса» образуется «Метрополитенский пояс» [Власюк, 2012, с. 64]. В настоящее время годонимы Большого Лондона и Метрополитенского района представляют собой разветвленную сеть языковых единиц, формирующих культурно-языковой ландшафт города.

Материалом настоящего исследования послужили названия улиц Лондона (250 ед.), полученные методом сплошной выборки из топонимических словарей, топографических карт и интернет-ресурсов.

В зависимости от мотивационной характеристики годонимов или отнесения топоосновы к определенной лексико-семантической группе годонимы Лондона можно подразделить на следующие типы: антропогонимы, топогонимы, зоогонимы, фитогонимы, ландшафтные годонимы, характеризующие годонимы и номинации, связанные с практической деятельностью человека.

Антропогонимы (названия улиц, образованные от имен известных личностей) представляют собой наиболее частотную группу названий на топонимической карте Лондона. К данной группе относятся годонимы, названные в честь монархов, землевладельцев, политиков, военных, национальных героев, деятелей искусства и других известных личностей, преимущественно Великобритании, например, *Victoria Avenue, Victoria Drive, Victoria Embankment, Victoria Gardens, Victoria Lane, Victoria Road, Victoria Way, Victoria Street, Albert Avenue, Prince Albert Road* получили свои названия в честь королевы Виктории и ее мужа, принца Альберта. К этой группе также относятся названия улиц, данные в честь религиозных деятелей и святых (агионимы), например, *Adler Street, John Islip Street, Howley Road, St John Street, St Mary Axe, St Philips Road, St Thomas Street* и др., а также в честь мифологических героев (мифогонимы), например, *Neptune Street, Minerva terrace, Apollo Building* и *Hermes Street* и др.

Топогонимы (названия улиц, образованные от названий географических объектов) представляют собой многочисленную группу, которую, в свою очередь, можно подразделить на более мелкие подгруппы в зависимости от вида топонимической единицы, которая ложится в основу номинации:

- годонимы, связанные с физико-географическими объектами, преимущественно с гидронимами, например улица *Fleet Street* получила свое название от названия крупнейшей из подземных рек Лондона — Флит;
- годонимы, образованные от ойконимов (названий городов и деревень), например, улицы *Oxford Street, Old Kent Road, Aldersgate Street, Aldgate, Chester Square, Chester Street, Swansea Road* [London Street Names] получили свои названия в честь городов, к которым они ведут;
- годонимы, образованные от ойкодомонимов (названий объектов городского пространства, т. е. зданий, мостов, памятников, рынков, стадионов и др.).

В Лондоне встречаются улицы, названные в честь зданий, театров, заведений и других построек, с которыми они связаны, например, улица *Great Tower Street* ведет к Тауэру; *London Wall* проходит вдоль бывшей городской стены, которая окружала средневековый Лондон; улицы *Plough Court*, *Half Moon Sreet*, *Tabard Street*, *Stag Place* названы в честь одноименных таверн, располагающихся на них; название улицы *Playhouse Yard* связано с театром «Блэкфрайерс» (*the Blackfriars theatre*), который существовал во времена Шекспира и где ставились его пьесы; а улица *College Hill* получила свое название благодаря колледжу сэра Ричарда Уиттингтона (*Sir Richard Whittington's college*), основанного в начале XV века. Наименование некоторых улиц непосредственно связано с названиями монастырей и церквей, расположенных на них: *Blackfriars Bridge*, *Blackfriars Lane*, *Peter's Hill*.

Зоогодонимы (названия улиц, связанные с названиями животных), например, *Bear Street*, *Cowcross Street*, *Rabbit Roe*, *Wolves Lane* и др.

Фитогодонимы (названия улиц, связанные с названиями растений), например, *Birch Park*, *Cedar Road*, *Heathen Walk*, *Lime Street*, *Myrtle Walk*, *Pine Gardens*, *Oak Avenue*, *Rose Close*, *Rose Avenue* и др.

Ландшафтные годонимы (названия улиц, отражающие особенности ландшафта и рельефа местности), например, *Meadow Way*, *Mount Lane*, *Mountfield Road*, *Valley Drive*, *Rock Avenue*, *Riverway*, *Summit Avenue* и др.

Характеризующие годонимы (названия улиц, содержащие характеризующий компонент: размер, местоположение, климатические характеристики, цветовые особенности и др.), например, *Bigland Street*, *Cold Blow Lane*, *Far View*, *Green Lane*, *Long Street*, *North Avenue*, *Southway*, *Sunny Way*, *Young Street* и др. К этой группе также можно отнести годонимы, которые характеризуют объект с положительной или отрицательной стороны. Преимущественно в названиях улиц Лондона этой группы отражается положительная модальность, например, *Freedom Street*, *Friendly Street*, *Hope Close*, *Independents Road*, *Liberty Street*, *Love Lane*, *Harmony Close*, *Paradise Street*, *Victory Road*, *Voluntary Place*, *Union Road* и др.

Годонимы, связанные с практической деятельностью человека (трудовая деятельность, социальный статус, национальная, религиозная принадлежность). Годонимы, связанные с профессиями, составляют «одну из самых популярных групп урбанонимов в средневековой Англии» [Леонович, 2002, с. 73], например: *Carter Lane*, *Farmer Road*, *Pottery Lane*, *Apothecary Street*, *Waterbeer Street*. Некоторые улицы Лондона названы в честь производимых или продаваемых на этих улицах товаров, например, *Bread Street*, *Coal Wharf Road*, *Honey Lane*, *Garlic Hill*, *Glasshouse Alley*, *Glasshouse Street*, *Milk Street*, *Meath Road*, *Poultry*, *Wood Street* и др.

Большое количество лондонских улиц также носят названия королевских и дворянских титулов, отражающих социальный статус жителей, например, *King Street*, *Queen Square*, *Princess Road*, *Duke Street*, *Duchess Close*, *Regent Road*, *York Avenue* и др. Отражение национальной принадлежности жителей прослеживается в названиях улиц *Jewry Street* «еврейская улица», *French Street* «французская улица» и др.

В результате проведенного анализа мотивационной базы топонимов Лондона было выявлено, что наиболее многочисленными из проанализированных единиц являются антропогонимы (50,2%) и топонимы, связанные с практической деятельностью человека (21,9%), далее по степени убывания продуктивности идут топогонимы (10,9%), характеризующие топонимы (8,1%), фитогонимы (4,5%), и наименьшими по количеству группами являются ландшафтные топонимы (2,8%) и зоогонимы (1,6%).

Результаты приведенного количественного анализа показывают закономерности наименования лондонских улиц и характерные особенности топонимической системы Лондона. Топонимическая система любого региона обладает чертами социокультурной уникальности, фиксирующими городскую лингвокультуру и отражающими национальные культурные коды в городской номинации. Среди уникальных особенностей исследуемой системы можно выделить наличие большого количества названий улиц, связанных с именами монарших особ и религиозной деятельностью, что, несомненно, говорит о системе ценностей жителей Лондона и всего британского народа. Культурно-языковой ландшафт Лондона, отраженный сквозь призму топонимической системы, подчеркивает стремление британцев сохранить и увековечить память об истории, традициях и обычаях своего народа.

В заключение следует отметить, что выявленные принципы наименования улиц Лондона с разных сторон характеризуют не только лингвистический, но и культурный ландшафт города. Топонимы являются неотъемлемой частью имиджа города, они формируют систему, образующую яркую картину культурно-языкового пространства города. Изучение данной системы позволяет выявить ценностные приоритеты нации, а также проследить динамику их развития. Сам город и его топонимическая система представляют собой визуализацию культурного кода населения. Топонимическая система как элемент городской среды дает богатейший материал для исследования взаимодействия культуры, истории, идеологии, традиций, национальных и гендерных принадлежностей, а также языковых особенностей, что и служит объектом исследований культурно-языкового ландшафта. Необходимо добавить, что по-

добные исследования принципов номинации улиц в дальнейшем могут послужить дополнительным источником для более подробного описания урбанонимического пространства Лондона.

Библиографический список

- Беленькая В.Д. Очерки англоязычной топонимики. М., 1977.
- Березович Е.А. Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования. Екатеринбург, 1998.
- Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М., 1983.
- Власюк Т.А. Особенности формирования пригородов стран США и Западной Европы // Вестник Белорусского государственного университета транспорта: наука и транспорт. 2012. № 1 (24).
- Голомидова М.В. Современная урбанонимическая номинация: стратегические подходы и практические решения // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 3.
- Кузиков В.В. Топонимика немецкого языка. Уфа, 1985.
- Леонович О.А. В мире английских имен. М., 2002.
- Леонович О.А. Топонимы США. М., 2004.
- Мурзаев Э.М. География в названиях. М., 1979.
- Мурзаев Э.М. Топонимика и география. М., 1995.
- Мурясов Р.З. Имена собственные в системе языка: монография. Уфа, 2015.
- Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии: 2-е издание, переработанное и дополненное. М., 1988.
- Садуов Р.Т. Полевое исследование культурно-языкового ландшафта в национальной республике: описание и обоснование проекта // Экология языка и коммуникативная практика. 2020. № 1.
- Суперанская А.В. Типы и структура географических названий // Лингвистическая терминология и прикладная ономастика. М., 1964.
- Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973.
- Толстой Н.И. Заметки о славянских именах собственных и их транскрипции // Топономастика и транскрипция. М., 1964.
- Уразметова А.В. Топонимическая система Великобритании: первичная и вторичная номинация. СПб., 2022.
- Хвесько Т.В. Номинация географических объектов. М., 2019.
- Цветкова Е.В. К вопросу о принципах, способах, типах номинации в топонимии (на материале костромской топонимии) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2010. Т. 16. № 1.
- Щербак А.С. Когнитивные основы региональной ономастики. Тамбов, 2012.

Щербак А. С. Ономастическое сознание как когнитивно-языковая система // Когнитивные исследования языка. 2020. № 3 (42).

Bach A. *Deutsche Namenkunde*. Band II, 1: Die deutschen Ortsnamen. Heidelberg, 1953.

Gelling M. *Place-Names in the Landscape: The Geographical Roots of Britain's Place-names*. London, 1984.

Список источников

London Street Names. URL: <http://knowledgeoflondon.com/streetnames.html/> (accessed: 25.08.2022).

References

Belen'kaya V. D. *Ocherki angloyazychnoy toponimiki*. [Essays on English toponymy]. Moscow, 1977.

Berezovich E. L. *Toponimiya Russkogo Severa: Etnolingvisticheskie issledovaniya*. [Toponymy of the Russian North: Ethnolinguistic Studies]. Ekaterinburg, 1998.

Bondaletov V. D. *Russkaya onomastika*. [Russian onomastics]. Moscow, 1983.

Vlasyuk T. A. *Osobennosti formirovaniya prigorodov stran SSHA i Zapadnoy Evropy*. [Features of the formation of suburbs in the USA and Western Europe]. In: *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta transporta: nauka i transport*. [Bulletin of the Belarusian State University of Transport: science and transport]. 2012. No. 1 (24).

Golomidova M. V. *Sovremennaya urbanonimicheskaya nominatsiya: strategicheskie podkhody i prakticheskie resheniya*. [Modern urbanonymic nomination: strategic approaches and practical solutions]. In: *Voprosy onomastiki*. [Problems of onomastics]. 2017. Vol. 14. No. 3.

Kuzikov V. V. *Toponimika nemetskogo yazyka*. [Toponymy of the German language]. Ufa, 1985.

Leonovich O. A. *V mire angliyskikh imen*. [In the world of English names]. Moscow, 2002.

Leonovich O. A. *Toponimy SSHA*. [US toponyms]. Moscow, 2004.

Murzaev E. M. *Geografiya v nazvaniyakh*. [Geography in titles]. Moscow, 1979.

Murzaev E. M. *Toponimika i geografiya*. [Toponymy and geography]. Moscow, 1995.

Muryasov R. Z. *Imena sobstvennye v sisteme yazyka*. [Proper names in the language system]. Ufa, 2015.

Podol'skaya N. V. *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii*. [Dictionary of Russian onomastic terminology]. Moscow, 1988.

Superanskaya A. V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo*. [General theory of proper name]. Moscow, 1973.

Superanskaya A. V. *Tipy i struktura geograficheskikh nazvaniy*. [Types and structure of geographical names]. In: *Lingvisticheskaya terminologiya i prikladnaya onomastika*. [Linguistic terminology and applied onomastics]. Moscow, 1964.

Tolstoy N. I. *Zametki o slavyanskikh imenakh sobstvennykh i ikh transkriptsii*. [Notes on Slavic proper names and their transcription] In: *Toponomastika i transkriptsiya*. [Toponomastics and transcription]. Moscow, 1964.

Urazmetova A. V. *Toponimicheskaya sistema Velikobritanii: pervichnaya i vtorichnaya nominatsiya*. [Toponymic system of Great Britain: primary and secondary nomination]. St. Petersburg, 2022.

Khves'ko T. V. *Nominatsiya geograficheskikh ob'ektov*. [Nomination of geographical objects]. Moscow, 2019.

Tsvetkova E. V. *K voprosu o printsipakh, sposobakh, tipakh nominatsii v toponimii (na materiale kostromskoy toponimii)*. [To the question of the principles, methods, types of nomination in toponymy (based on the Kostroma toponymy)]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*. [Bulletin of the Nekrasov Kostroma State University]. 2010. V. 16. No. 1.

Shcherbak A. S. *Kognitivnye osnovy regional'noy onomastiki*. [Cognitive foundations of regional onomastics]. Tambov, 2012.

Shcherbak A. S. *Onomasticheskoe soznanie kak kognitivno-yazykovaya sistema*. [Onomastic Consciousness as a Cognitive-Language System]. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. [Cognitive studies of language]. 2020. No. 3 (42).

Bach A. *Deutsche Namenkunde*. Band II, 1: Die deutschen Ortsnamen. Heidelberg.

Gelling M. *Place-Names in the Landscape: The Geographical Roots of Britain's Place-names*. London, 1984.

List of sources

London Street Names. URL: <http://knowledgeoflondon.com/streetnames.html/> (accessed: 25.08.2022).

ЭМОТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РИТОРИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В ТЕКСТАХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕСЕН

И. А. Широких

Ключевые слова: авторское восприятие ситуации (контекста), коммуникативная функция, риторические вопросы, текст песен, эмоциональная составляющая.

Keywords: the author's perception of the situation (context), communicative function, rhetorical questions, lyrics, emotional constituent.

DOI 10.14258/filichel(2023)2–11

Использование риторических вопросов в текстах песен отражает стремление говорящего подчеркнуть уникальность своего восприятия, эмоциональную значимость выстраиваемых субъективных интерпретаций, элементы своего психологического и эмоционального состояния и обусловлено, таким образом, прежде всего внутренними, субъективными факторами, что предопределило новизну и актуальность данного исследования. Риторические вопросы, в отличие от других вопросительных предложений, в определенной степени снимают психологическое давление, которое, возможно, присутствует в текстах песен данной группы, характеризуются меньшей требовательностью автора песен Matthew Nealy (в большинстве случаев он же и исполнитель) к окружающему миру. Согласно утверждению А. В. Кочкинековой, «исследование субъективности свидетельствует о существовании особого, даже несколько „трепетного” отношения к психологии человека в англоязычной культуре» [Кочкинекова, 2017, с. 75].

Как упоминалось в опубликованной ранее статье на тему эмоциональной составляющей категории времени и категории вида в английском языке (на материале текстов английских песен), «нити нарратива, удерживаемые категориями грамматики и фигурами речи, для каждого, кто читает или слышит текст той или иной песни, превращаются, переплетаясь, в уникальности чувственного восприятия. Грамматика песен — это не утратившая всякое значение совокупность механических решений, но живая искренностью вселенная эмоций их авторов» [Широких, 2022, с. 103].

Объектом настоящего исследования является текст песни как выражение уникального эмоционального видения автора. В качестве **предмета** исследования выступает соотнесенность авторского выбора риторических вопросов с субъективными переживаниями автора текста. В рамках теоретической базы представлены аспекты теорий, описанные в области теоретической грамматики, психолингвистики, когнитивной лингвистики в работах таких исследователей, как Хавьер Гутьеррес Решак, Ирен Кошик, Рональд Бриз, Рути Барденштайн, Ханна Роуд [Gutiérrez-Rexach J., 2018; Koshik I., 2005; Breeze R., 2016; Bardenstein R., 2015; Rohde H., 2018], и других ученых. Согласно Рути Барденштайн, риторические вопросы в определенных текстах при наличии определенной коммуникативной цели могут стать down-toner («смягчителем высказывания». — *Переведено мною. И. Ш.*) [Bardenstein, 2015, p. 8], что кажется вполне правомерным.

Цель исследования — установить значимость субъективного эмоционального видения и непосредственной связи между говорящим и слушающим / читающим и их отношениями, лежащими в основе риторических вопросов; предложить определения данных языковых элементов и представить их общий теоретический анализ. Данный анализ предполагает учет уникальности обусловленного чувствами восприятия и включает в том числе сравнение с альтернативными, синонимичными языковыми единицами, рассмотрение существующих научных подходов и классификаций, предложенных разными исследователями.

Исследование проводится на основе метода теоретического анализа, открывающего ключевые теоретические положения, которые посвящены рассмотрению англоязычного текста; описательно-аналитического метода, позволяющего представить описание и анализ элементов текста определенных англоязычных песен прежде всего на уровне грамматики по отношению к авторскому видению и его эмоциональному состоянию. Материалом исследования данной статьи являются тексты различных англоязычных песен. Ключевой анализ основан на текстах песен, включенных в два лонгплея британской группы *The 1975*, *A Brief Inquiry Into Online Relationships* (2018) и *Notes On A Conditional Form* (2020). Необходимо заметить, что тексты песен собраны в одном издании «The Sound Lyrics», что находит отражение в самой статье при указании отдельно взятой песни (*The Sound Lyrics // The 1975 // Genius / Genius Media Group Inc.*)³¹.

---

³¹ URL: <https://genius.com/The-1975-the-sound-lyrics>

Риторические вопросы — тип вопросов, которые никогда не направлены на получение информации. Любые риторические вопросы характеризуются прежде всего следующим: выстраивая интерпретацию ситуации с их помощью, говорящий понимает, что они передают некую информацию, но не запрашивают ее. Согласно J. Gutiérrez-Rexach, «риторические вопросы — и прежде всего подразумевающиеся на них ответы — всегда являются значимыми для того, к кому они обращены» (Перевод мой. — И. Ш.) [Gutiérrez-Rexach, 2018, p. 11]. Таким образом, принимая решение употребить подобные вопросы, говорящий косвенно подчеркивает свою эмоциональную связь со слушающим, обращает внимание на определенные отношения, существующие между ними, их вовлеченность в одну и ту же коммуникативную ситуацию.

Риторические вопросы связаны с такими коммуникативными функциями, как выражение **предпочтения** (структура предпочтения) и создание ситуации **благоприятствования** [Koshik, 2005]. Первая из упомянутых функций отсылает к тому, что в большинстве случаев в самом риторическом вопросе уже заложено предпочтение автором определенного ответа (который ему известен и в котором он убежден) или определенной реакции (согласия того, для кого создается текст, с переданным в риторическом вопросе убеждением принятия имплицитного утверждения). Вторая описывает ожидания и надежды, которые говорящий вкладывает в риторический вопрос, а также то, как именно некоторые аспекты вопроса (к примеру, включение усиливающих эмоциональное содержание наречий *really* и *ever*, неопределенных местоимений) способствуют нужной ему реакции со стороны получающего текст, например: *Do we **really** need to act this way on the outside in utter confusion?* (The Sound Lyrics // The 1975 // Genius / Genius Media Group Inc).

R. Bardenstein в своей работе *Constructionalized Rhetorical Questions* (2015) отмечает, что представляется возможным выделить следующие **три типа риторических вопросов**: локальные риторические вопросы (не могут быть поняты как вопросы, запрашивающие информацию), например: *How much of myself can I keep to myself?* (The Sound Lyrics // The 1975 // Genius / Genius Media Group Inc.). Неоднозначные риторические вопросы (в зависимости от контекста, самой ситуации и отношений между ее участниками потенциально могут быть восприняты и как риторические, и как не риторические), например: *Do you feel alive while your heart is ticking time?* (там же). Риторические вопросы-конструкции — риторические вопросы, являющиеся устойчивыми выражениями и часто не оформленные как вопросительные предложения (*What else*) [Bardenstein, 2015]. H. Rohde полагает, что риторические вопросы

направлены на объединение убеждений говорящего и того, к кому они обращены. Она отмечает, что употребление таких вопросов может считаться соответствующим норме только тогда, когда и говорящий, и слушающий убеждены в схожем и очевидном ответе (ответах) [Rohde, 2018].

Используя риторические вопросы, говорящий обращает внимание на собственное эмоциональное видение и одновременно «отмечает значимость для него самого или для выстраиваемых им интерпретаций некоего факта / явления / человека, к которым они обращены» (Перевод мой. — И. Ш.) [Breeze, 2016, p. 36.] Говорящий может предпочитать риторические вопросы, если он не хочет выражать несогласие открыто, потому что надеется на улучшение ситуации. Подобные языковые решения ставят под сомнение отношения говорящего с тем, к кому обращен вопрос, и одновременно подчеркивают их значимость, — с помощью риторических вопросов говорящий стремится наладить отношения с кем-то, кто ему дорог, например: *Can you just let me in for once in your life?* (The Sound Lyrics // The 1975 // Genius / Genius Media Group Inc.).

Некоторые риторические вопросы создаются говорящим с целью перенести внимание на вину того, к кому они обращены, вызвать у него чувство стыда — тем самым подразумевается значимость признания этой вины (и, вероятно, попытка дать еще один шанс исправить что-то к лучшему, связь с будущим), например: *I am the garden, I am the sea, will you lay a trap for me?* (The Sound Lyrics // The 1975 // Genius / Genius Media Group Inc.). Риторический вопрос позволяет говорящему подчеркнуть намеренное участие в развитии ситуации, существующей на момент составления вопроса, осознанность им своих действий, ответственность за происходящее, например: *Can you understand, the power is in your hands?* (The Sound Lyrics // The 1975 // Genius / Genius Media Group Inc.).

Эти вопросы особенно удобны для обозначения значимости какой-либо проблемы (нередко связанной с личными отношениями) в субъективном восприятии. «Риторические вопросы могут использоваться для того, чтобы подчеркнуть позитивное эмоциональное состояние говорящего, несмотря на некую эмоционально негативную ситуацию» (Перевод мой. — И. Ш.) [Harrison, 2017, p. 114.] Выстраивание риторических вопросов на основе уже сформированных ожиданий может препятствовать выражению уязвимости и/или стыда, признанию и принятию травматических ситуаций, атмосфере эмоциональной открытости и искренности, например: *Is this the way you've always been?* (Там же)

Риторические вопросы, начинающиеся вопросительным словом, *why*, например: *Why do I keep falling back on myself?* — несут в себе значение осуждения, недовольства, сожаления, обиды. Говорящий нередко обра-

щает внимание на контрасты или характеризует действия определенных участников ситуации как проблему. Их структура предполагает стремление услышать объяснение, но на самом деле говорящий понимает, что найти какое-либо объяснение для описываемых в них ситуаций невозможно, и задает их с целью закрепить свою точку зрения. Представление в риторических вопросах плана причины и следствия (к примеру, с помощью *why* или *reason*) способствует улучшению эмоционального состояния говорящего, помогает справиться с различными травматическими переживаниями и воспоминаниями. В целом предпочтение *wh*-слов для выстраивания риторических вопросов является отражением значимости психологического состояния, эмоционального видения говорящего [Min, Park, 2007].

Использование в риторических вопросах глагола эмоционального состояния при подлежащем, выраженным субъектом, испытывающим ту или иную эмоцию, отражает значимую роль этого человека в плане причины и следствия описываемой ситуации, например: *Would you like it, to go?* (The Sound Lyrics // The 1975 // Genius / Genius Media Group Inc.); выбор глагола эмоционального состояния, за которым следует дополнение, выраженное субъектом, испытывающим ту или иную эмоцию, подчеркивает, что тот другой человек играет значимую роль на уровне причины и следствия передаваемой ситуации, например: *Did I disappoint you baby or did I just take too long?* (Там же).

Грамматически утвердительные риторические вопросы тождественны по своей функции с грамматически отрицательными повествовательными предложениями, например: *Are you still even listening? = You aren't even listening (anymore).*), а грамматически отрицательные риторические вопросы, соответственно, с грамматически утвердительными повествовательными предложениями (*Don't you remember how I used to like being on the line? = You (do) remember how I used to like being on the line.*). Предпочтение говорящим грамматически отрицательных риторических вопросов может быть связано с позицией большей (субъективной) уверенности, в то время как создание риторических вопросов, не включающих элементы категории отрицания, может подчеркивать, что говорящий в той или иной степени сомневается в том, вправе ли он употреблять подобный вопрос, в необходимости делать это.

Используя грамматически отрицательные риторические вопросы, говорящий может отсылать к определенным действиям, аспектам описываемой ситуации, на которые, согласно его субъективному видению, уже должен был повлиять (которые уже должен был реализовать) тот, к кому обращен вопрос, например: *Why can't I close my eyes?* (The Sound

Lyrics // The 1975 // Genius / Genius Media Group Inc.). Грамматически утвердительные риторические вопросы отражают побуждение к действиям и критику, например: *Am I so jaded?*; попытку защититься, например: *But what happens when you're blind*; непринятие говорящим каких-либо элементов ситуации, поведения вовлеченных в нее людей (сомнение в их словах или недовольство ими; неявные, но подразумевающиеся конфликты), например: *How can we kiss and make up but later find ourselves in the same place two days later?* В некоторых случаях они могут использоваться с целью вызвать у того, к кому они обращены, чувство вины, заставить его прийти к признанию своих ошибок. С другой стороны, эти вопросы также могут представлять собой (имплицитную) просьбу о поддержке.

Использование риторических вопросов может убедить слушающего / воспринимающего согласиться с авторским восприятием, включающим в себя те или иные эмоциональные составляющие. Тем не менее представляется необходимым отметить, что передача убеждений с помощью риторических вопросов выражает меньшую уверенность (в сравнении с убеждениями, заключенными в повествовательных утвердительных предложениях) и может в той или иной степени подчеркивать сомнения говорящего в собственных интерпретациях, попытки отстраниться от ситуации.

Таким образом, в настоящей статье была предпринята попытка проанализировать многоплановость риторических вопросов в тестах песен британской группы *The 1975*, солист которой, Matthew Healy, является автором слов большинства песен. Описанные теоретические положения ряда авторов представляют собой многообразие мнений и классификаций такого неоднозначного явления в английском языке, как риторический вопрос. В свою очередь, разнообразие эмоциональной составляющей данного типа вопроса дает возможность говорящему донести до слушающего все богатство чувств и эмоций, сложившихся в микроконтексте отдельно взятой песни или ее части (часто в пределах самого риторического вопроса).

Библиографический список

Кочкинекова А. В. Проявление фасадности в англоязычной культуре // Филология и человек. 2017. № 1.

Широких И. А. Эмоциональная составляющая категории времени и категории вида (на материале текстов англоязычных песен) // Филология и человек. 2022. № 1.

Bardenstein R. *Constructionalized Rhetorical Questions*. Tel Aviv University, 2015.

Blakemore C. et al. *Narrating psychological distress: Associations between cross-clausal integration and mental health difficulties* // *Applied Psycholinguistics*. Oxford University, 2011.

Breeze R. *Balancing neutrality and partiality in arbitration: discursive tensions in separate opinions* // *Text & Talk*, 2016.

Gutiérrez-Rexach J. *Rhetorical Questions, Relevance and Scales* // *Revista Alicantina de Estudios Ingleses*, 2018.

Harrison V. et al. *Are you serious? Rhetorical Questions and Sarcasm in Social Media Dialog* // *Proceedings of the 18th Annual SIGdial Meeting on Discourse and Dialogue.*, 2017.

Koshik I. *Beyond Rhetorical Questions: Assertive questions in everyday interaction*. Amsterdam / Philadelphia, 2005.

Min H.-J., Park J. C. *Analysis of Indirect Uses of Interrogative Sentences Carrying Anger*. KAIST, 2007.

Rohde H. *Information Theoretic Approach to Rhetorical Questions*. University of California San Diego, 2018.

Источники

The Sound Lyrics // The 1975 // Genius / Genius Media Group Inc. URL: <https://genius.com/The-1975-the-sound-lyrics>.

References

Kochkinekova A. V. *Proyavlenie fasadnosti v angloyazychnoy kul'ture*. [Manifestation of façade in English-speaking culture]. In: *Filologiya i chelovek*. [Philology & Human]. 2017. No. 1.

Shirokih I. A. *Emocional'naya sostavlyayushchaya kategorii vremeni i kategorii vida (na materiale tekstov angloyazychnyh pesen)*. [The Emotional Component of the Category of Time and the Category of View (Based on the Texts of English Songs)]. In: *Filologiya i chelovek*. [Philology & Human]. 2022. No. 1.

Bardenstein R. *Constructionalized Rhetorical Questions*. Tel Aviv University, 2015.

Blakemore C. et al. *Narrating psychological distress: Associations between cross-clausal integration and mental health difficulties*. In: *Applied Psycholinguistics*. Oxford University, 2011.

Breeze R. *Balancing neutrality and partiality in arbitration: discursive tensions in separate opinions*. In: *Text & Talk*, 2016.

Gutiérrez-Rexach J. *Rhetorical Questions, Relevance and Scales*. In: *Revista Alicantina de Estudios Ingleses*, 2018.

Harrison V. et al. *Are you serious? Rhetorical Questions and Sarcasm in Social Media Dialog*. In: Proceedings of the 18th Annual SIGdial Meeting on Discourse and Dialogue., 2017.

Koshik I. *Beyond Rhetorical Questions: Assertive questions in everyday interaction*. Amsterdam / Philadelphia, 2005.

Min H.-J., Park J. C. *Analysis of Indirect Uses of Interrogative Sentences Carrying Anger*. KAIST, 2007.

Rohde H. *Information Theoretic Approach to Rhetorical Questions*. University of California San Diego, 2018.

List of sources

The Sound Lyrics // The 1975 // Genius / Genius Media Group Inc. URL: <https://genius.com/The-1975-the-sound-lyrics>.

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ОМОНИМОВ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

С. Н. Усманова, Д. А. Хамраева

Ключевые слова: омонимия, классификация, сопоставительная, русский и узбекский языки, омоформы, лексические омонимии, словообразовательные омонимы, литературный язык.

Keywords: homonymy, classification, comparative, Russian and Uzbek languages, homoforms, lexical homonymy, derivational homonyms, literary language.

DOI 10.14258/filichel(2023)2–12

Проблема омонимии является одной из сложных лексикологических, словообразовательных и лексикографических проблем, которую так или иначе приходится решать при составлении всех типов словарей. Причем составители каждого словаря решают ее по-своему. Часто одни и те же слова в разных словарях квалифицируются то как омонимы, то сливаются в одно многозначное слово. Даже в специальных работах в разграничении омонимов часто царит полный произвол, на что неоднократно указывалось уже в лингвистической литературе.

Правильное разграничение явлений омонимии и полисемии имеет принципиальное значение для решения многих вопросов составления гнездового словообразовательного словаря. Оно тесно связано с центральной проблемой — гнездованием слов, имеет прямое отношение к членению слов и определению границ между морфемами, определению способов и моделей образования слов и т. д.

В лингвистических описаниях (в учебниках, монографиях, пособиях, предисловиях к словарям и т. д.) омонимия связывается прежде всего с многозначностью, поскольку один из путей появления омонимов в языке — распад полисемии, например: *свет* I (лучистая энергия) — *свет* II (мир, Вселенная). Однако есть еще одно объединяющее начало полисемии и омонимии: их относят к разным типам равноименности (неоднозначности). Чаще всего омонимия определяется как «звуковое совпадение разных языковых единиц, которые семантически не связаны друг с другом» [Русский язык, Энциклопедия, 1979, с. 177]. Приведем еще одно определение: «Омонимами называются разные слова, совпадающие по звучанию и написанию» [Виноградов, 1968, с. 33].

Классификации омонимов в деталях, как правило, не совпадают в разных источниках. Чаще всего выделяют:

- полные омонимы, т. е. разные слова, совпадающие во всех своих формах, например: **ключ** — «родник» / **ключ** — «приспособление для запираения и отпираения дверей»;
- неполные омонимы, например: **лук** — «растение» / **лук** — «оружие», поскольку у слова **лук** — «растение» множ. число отсутствует;
- омоформы, т. е. разные слова, совпадающие, в отдельных грамматических формах, например: **три** — числительное / **три** — повел. накл. от глагола *тереть*;
- омофоны, т. е. разные слова, отличающиеся написанием, но совпадающие в произношении, например: **компания** — «объединение людей» / **кампания** — «ряд действий и мероприятий, объединенных общей целью»;
- омографы, т. е. разные слова, совпадающие в написании, но различающиеся местом ударения, например: **хлопок** — **хлопок** [Виноградов, 1968, с. 33–34].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что все приведенные выше примеры, за исключением **хлопок** (имя действия от глагола **хлопать**) — непроизводные слова. Таким образом, в учебниках лексикологии русская омонимия представлена, как правило, заведомо неполно, поскольку большая часть русских омонимов (как и синонимов и антонимов) — производные слова.

А. С. Пардаев большое внимание уделяет системе производных омонимов, главным образом связывая изучение проблемы с деривационными процессами. Критерий производности и непроизводности является одним из важных факторов в разграничении омонимии и полисемии, ибо набор производных и семантические связи в словообразовательных гнездах являются материальным выражением лексико-семантических отношений между парадигмами. Поэтому «важным средством разграничения полисемии и омонимии непроизводных слов является набор производных и семантические связи в словообразовательных гнездах» [Пардаев, 2016, с. 68–72]. Действительно, если речь идет об омонимии как виде лексической парадигматики, приведенные выше примеры омоформии, омографии и омофонии не имеют к ней отношения. Они не соответствуют определению омонимии («омонимами называются разные слова, совпадающие по звучанию и написанию»), так как омофоны не совпадают по написанию, а омографы — по звучанию. Что же касается омоформ, то они также не соответствуют этому определению,

поскольку в нем речь идет о совпадении лексем, а не грамматических форм. Оморфемы, омографы и омофоны представляют собой внешний функциональный ореол лексической омонимии, широко используемый в разных видах языковой игры. Наиболее подробные систематизирующие классификации омонимов разработаны в трудах О. М. Ким и П. А. Соболевой [Ким, 1978; Соболева, 1980].

Классификация П. А. Соболевой основывается на лексическом, словообразовательном и грамматическом значениях лексем, точнее — словоформ, поскольку учитывается и грамматическое значение; в результате выделяется 7 типов омонимов (восьмой из выделенных типов не имеет отношения к омонимии); из них только чисто грамматическая омонимия (в пределах одной лексемы, например: *организации* — им. п. мн. ч. / *организации* — род. п. ед. ч.) не имеет отношения к словообразованию. Все остальные выделяемые типы омонимов связаны со словообразованием, в том числе и чисто лексическая омонимия — сюда относятся «классические» омонимы наподобие *коса* (девичья) / *коса* (орудие) / *коса* (песчаная полоса), — поскольку они являются вершинами омонимических гнезд [Соболева, 1980, с. 68-72].

Однако классификация омонимов П. А. Соболевой недостаточно подробна и неточна в некоторых позициях, поэтому к классификации О. М. Ким добавляется еще один признак классификации — категориальный (частеречный). Использование четырех содержательных признаков в качестве различительных делает возможным осуществление классификации на уровне ГС и словоформ более полной, чем это представлено в очень близкой нам «по духу» работе П. А. Соболевой. В трехмерной классификации П. А. Соболевой выделено восемь типологических групп омонимов. В нее не укладываются многие нестандартные и разные «„причудливые” пары омонимов, которые, как правило, находятся вне описаний и классификаций» [Соболева, 1980, с. 88]. Используя методику исчисления признаков с помощью матрицы Карно 4-х 4, О. М. Ким получает 15 типологических групп омонимов. Ценность данной классификации заключается в том, что она применима к языкам любых типов, но при этом, естественно, будут получены разные классификации в зависимости от типа языка.

Из выделенных О. М. Ким типов, с учетом терминологии автора, к словообразовательным процессам имеют отношение следующие:

Тип 3 — словообразовательно-функциональная омонимия: *тепло* (нар.) — *тепло* (кат. сост.); *грустно* (нар.) — *грустно* (кат. сост.).

Тип 4 — словообразовательно-функционально-грамматическая омонимия: *больной* (прил.) — *больной* (сущ.).

Тип 7 — чисто словообразовательная омонимия: *лакейство* «сословие» — *лакейство* «угодничество» (пример П. А. Соболевой).

Тип 8 — словообразовательно-грамматическая омонимия: *топорище* «большой топор» (сущ. муж. рода) — *топорище* «рукоятка топора» (сущ. ср. рода); *ударник* (лицо, одуш.) — *ударник* (предмет, неодуш.).

Тип 9 — лексико-грамматическая омонимия: *шпик* «сыщик» (лицо, одуш.) — *шпик* «вид сала» (вещ. неодуш.).

Тип 10 — чисто лексическая омонимия: *ключ* «родник» — *ключ* (от двери); *коса* (девичья) — *коса* (орудие);

Тип 11 — лексико-словообразовательная омонимия: *полка* (книжная) — *полка* (от полоть); *походить* (на мать) — *походить* (от ходить).

Тип 12 — лексико-словообразовательно-грамматическая омонимия: *болтун* (яйцо, неодуш. — от болтать, взбалтывать) — *болтун* (лицо, одуш. — от болтать глупости и т. д.).

Тип 15 — лексико-словообразовательно-функциональная омонимия: *благодаря* (деепричастие) — *благодаря* (предлог).

Тип 16 — лексико-словообразовательно-функционально-грамматическая омонимия: *рой* (пчел) — *рой* (повел. накл. от рыть) [Ким, 1978, с. 89-91].

Итак, по классификации омонимов О. М. Ким, к словообразовательным процессам в русском языке имеют отношение 10 типов. Однако не все выделенные типы представляются продуктивными или даже корректными по отношению к лексике и словообразованию. В типах 15 и 16 омонимические пары образуют не лексемы, а лексемы и словоформы, причем в типе 15 деепричастие противопоставлено незнаменательному слову. Тип 15 реализует тот случай (ср. *три... — три...*), против которого справедливо возражал А. Н. Тихонов [Тихонов А. Н. и др., 1989].

По мнению Е. Ю. Бережных, лексическая омонимия затрагивает только семантическую сторону языковых фактов, а словообразовательная омонимия, помимо семантики, учитывает и структурную сторону соответствующих образований, и является результатом взаимодействия морфемной и семантической деривации. Он делит омонимы на два типа: 1) семантическая деривация происходит в сфере морфологически непродуцируемых слов, в результате омонимия морфологически не интерпретируется, оставаясь на уровне лексической; 2) семантическая деривация развертывается в пределах морфологического словообразовательного типа, в результате чего возникающие омонимы сохраняют соотносительность с производящим из производящего, морфологически интерпретируются [Бережных, 2019, с. 192-195].

Омонимы в узбекском языке различны по смысловым качествам. Их от двух до шести-семи, и каждый из них считается самостоятельным словом, обозначающим отдельное значение. Они могут появиться по следующим причинам:

1. В результате отдаления и изменения сходства, связи между значениями некоторых многозначных слов. Например, слово узб. «*кун*» означает, во-первых, «солнце», во-вторых, «сутки», в-третьих, «день, определенная часть суток», в-четвертых, «жизнь, повседневное существование». Как видим, все эти четыре значения слова «*кун*» абсолютно далеки друг от друга. Также, слово «*ой*» используется в значениях планеты, единицы времени (*месяц*), красавица (*лунолика*).

2. В результате образования новых слов от корней или основ и совпадения форм производных слов. Например, узб. *ойлик*: 1) заработная плата, 2) измерение, срок (как: месячный план перевыполнен); узб. *улоқ*: 1) детеныш козы, козленок; 2) связанный, добавленный; узб. *кира*: 1) оплата за дорогу, поездку; 2) деепричастие «заходя».

3. В результате заимствования слов и терминов из других языков и совпадения по форме этих слов с другими словами в узбекском языке. Такие омонимы больше встречаются среди слов, вошедших из русского, арабского и других языков. Примеры: узб. *ошиқ* — 1) лишний, превышающий; 2) влюбленный; узб. *аср* — 1) век; 2) время (дневной намаз); узб. *расм* — 1) рисунок, фото; 2) обычай; узб. *сафар* — 1) путешествиие, поездка; 2) название месяца; узб. *сано* — 1) восхваление; 2) лекарственное растение, слабительное средство; узб. *банка* — 1) учреждение денежных обращений; 2) цилиндрический сосуд, посуда; *оригинал* — 1) рукопись, подлинник; 2) новый; *операция* — 1) удаление поврежденной части организма; 2) ведение дела путем военной тактики; *лезгинка* — 1) лезгинская женщина; 2) вид танца; *полька* — польская женщина; 2) вид танца и другие.

4. В результате проникновения в лексику литературного языка слов, свойственных некоторым говорам и диалектам, и совпадения их по форме с другими словами литературного языка. Например, узб. *салла* — 1) длинная, неширокая ткань, в основном белого цвета, которую мусульмане повязывают на голову (*чалма*, *тюрбан*); 2) кушанье в виде раскатанных и свернутых в трубку кусков сдобного теста, жаренных в масле (на ташкентском диалекте); узб. *сўри* — опоры для виноградных лоз, шпалеры (на ташкентском диалекте); 3) высокая деревянная кровать, топчан (на ферганском диалекте); узб. *шоти* — 1) верхняя часть арбы вместе с оглоблями (на ташкентском диалекте); 2) лестница и другие.

5. В результате совпадения форм слов из-за изменения форм или звуков. Например, в результате добавления к словам узб. *эг* и *эк* причастного аффикса *-ган* оба слова принимают форму *эккан* и становятся омонимами.

Не каждое звуковое изменение, не каждое совпадение по форме междиалектных слов может быть омонимом для литературного языка. Омонимами в литературном языке считаются только те слова массового и общего характера, которые значатся в литературном языке или заимствованы из некоторых диалектов и других языков. В местных диалектах слова, форма которых случайно схожа и не имеет связи между их значениями, хотя одно из значений этих слов соответствует значению в литературном языке, являются диалектными омонимами. Диалектные омонимы могут не быть омонимами для литературного языка, а омонимы в литературном языке — для диалектов. Например, на ташкентском говоре: узб. *эт* — 1) скажи; 2) мясо. Они не являются омонимами для литературного языка. Также: узб. *қат* — 1) где, какое место; 2) слой, ряд или раз; узб. *эшак* — 1) скорпион; 2) вид животного, *ишак*. Такие явления если в самих говорах могут быть схожи с омонимами или считаться ими, то для общезыкового, общелитературного языка это невозможно. Например, на ташкентском говоре слово узб. *чўпчак* используется в значениях 1) *сказка*, 2) *дрова*. Эти слова не могут быть омонимами для литературного языка. Потому что в лексике литературного языка слово «*чўпчак*» в первом значении не используется, для выражения данного значения в литературном языке принято слово «*эртак*».

В литературном языке такие узбекские слова, как *ўт*, *тўр*, *тур*, *уч*, *ун*, *тиш*, *сиз*, являются полными омонимами. Эти слова в современном литературном языке одинаково произносятся и одинаково пишутся. Но они не могут быть омонимами для других диалектов, в частности, для сингармонистических говоров, за исключением диалектов типа ташкентского, самаркандского, бухарского. Потому что эти слова в сингармонистических говорах произносятся иначе, в значениях тоже имеются различия. А чтобы быть омонимами, произношение должно быть одинаковым. Например, если писать слово узб. *ўт* в транскрипции: 1) *от* (пламя, зелень), 2) *ўт* (желчный пузырь); узб. *тўр* — 1) *тор* (сетка, сеть), 2) *тўр* (почетное место в доме, противоположное входу); узб. *тур* — 1) *тур* (глагол «встань, стой»), 2) *тур* (цвет, оттенок), 3) *тур* (вид, род); узб. *уч* — 1) *уч* (конечность, острие), 2) *уч* (цифра 3); узб. *ун* — 1) *ун* (мука), 2) *ун* (голос, звук); *сиз* — 1) *сыз* (влага), 2) *сиз* (вы — личное местоимение, второе лицо, множественное число).

Типы омонимов по-разному излагаются учеными. На основе лексического материала узбекского языка можно омонимы разделить на несколько типов и классифицировать.

В начале омонимы выделяются в две основные группы: 1) полные, или чистые омонимы, 2) частичные, или функциональные омонимы.

Слова, первоисточником возникшие из одного словесного гнезда, но позже потерявшие смысловые отношения, относятся к группе полных, или чистых омонимов. Такого рода омонимы возникли в результате развития многозначных слов и относятся в основном к одной и той же части речи. Например, узб. *кун* (солнце и единица времени), узб. *ой* (спутник Земли и единица времени).

Слова, значения которых исконно различные, относящиеся к разным частям речи, использующиеся с различными аффиксами и случайно совпадающие по произношению, считаются частичными, или функциональными омонимами. Например, слова узб. *от*, *йт*, *тут*, *тур*, *туш*, *уч*, *кир*, *ойлик*, *улоқ*, *экан* относятся к группе функциональных омонимов. Некоторые ученые-лингвисты такого рода омонимы называют омоформами или омонимическими словами.

Омонимы в узбекском языке различны по своему внутреннему строению и внешнему виду. В зависимости от своего материала, содержания и графических форм омонимы делятся на пять основных групп.

1. Лексические омонимы. Слово содержит такие элементы, как лексическая единица языка, в качестве звукового комплекса со смысловой нагрузкой основа-корень, словообразовательный аффикс, сложные слова, даже словосочетания, выражающие одно значение. С этой точки зрения омонимы в целостной форме также относятся к группе лексических омонимов со своим разнообразием значений, типами образования и структуры, принадлежностью к различным частям речи. Следовательно, и полные и чистые омонимы, относящиеся к одной части речи, типа узб. *кун*, *ой*, *уч*, *очқич*, и функциональные омонимы, относящиеся к различным частям речи, типа узб. *от*, *тут*, *уч*, *улоқ*, являются лексическими омонимами.

2. Семантические омонимы. Омонимы проверяются с точки зрения близости или отдаленности значений слов, наличия между ними смысловых отношений. Например, слово узб. *синф* означает разделение людей на группы, к примеру: 1) учебные группы, 2) социальные сословия; слово узб. *кўк* — 1) цвет неба, 2) первая нежная трава; слово узб. *Оққич* — 1) приспособление для открывания чего-либо, 2) раздел в словаре, раскрывающий источники слов. Такого рода омонимы по смысловым отношениям считаются семантическими омонимами.

3. Морфологические омонимы, или омоморфемы. Омонимы изучаются с точки зрения того, к какой лексико-грамматической группе, какой части речи относятся слова и каким способом они образуются и изменяются. Например, от омонимов узб. *от, тут* образуются 1) в качестве существительных слова узб. *отлик, отбоқар ва тутли, тутсиз, тутчи, тутзор* и 2) в качестве глагола — глагольные формы узб. *отилди, отишиди, отган* ва *тутинди, тутган*. Точно так же от омонимов узб. *ет, кир* образуются 1) прилагательные: узб. *ет киши* (незнакомый человек) и узб. *кир кўйлак* (грязная рубашка), 2) глаголы: узб. *ет* и *кир* (лежи и заходи); от омонима узб. *уч* — 1) существительное: узб. *перонинг учи, найзанинг учи* (кончик пера, острие копья), 2) числительное: узб. *уч киши, уч бола, учта, учтадан, учталаб, учталик, учинчи* (три человека, три ребенка, три штуки, по три, тройка, третий), 3) глагол: узб. *учди, учиб ўтди, учувчи, учқун* (полетел, пролетел, летчик, искра). Независимо от этого, в связи с тем, что слова узб. *от, тут, ет, кир, уч* одинаковы в корне по произношению и написанию, считаются морфологическими омонимами, или омоморфемами, как слова узб. *сузма* (кислое молоко), *тортма* (выдвижной ящик), *кесма* (вырезка), *ишсиз* (без работы), *отсиз* (без лошади).

4. Фонетические омонимы (или омофонемы). Все звуки речи в составе слова почти одинаково произносятся, но некоторые согласные фонемы различаются на письме по звонкости-глухости. Такие слова называются омофонемами. Например, узб. *боп* (подходящий) — *боб* (глава, раздел), *туп* (куст растения) — *туб* (дно, глубина), *тук* (волосок) — *туз* (завязки), *эк* (сажай) — *эг* (наклоняться), *ет* (чуждый) — *ед* (память), *сут* (молоко) — *суд* (судить) и другие.

5. Графические омонимы (омографы, или омограммы). Слова, которые одинаково пишутся, но в зависимости от длины-краткости, широкости-узкости некоторых гласных, места словесного ударения произносятся различно и выражают различные значения, относятся к графическим омонимам, или омографам. Например: 1) узб. *чин* — правильно, правда; 2) узб. *чин* — китаец, народ Китая (в древнем литературном языке); 1) узб. *туш* — глагол в повелительном наклонении, единственном числе (спускайся), 2) узб. *тушь* — название краски (черная тушь).

В результате обогащения лексики литературного языка за счет интернациональных слов и терминов расширился круг омографов, развились некоторые типы гласных и согласных фонем, возросли роль и значение словесного ударения. Например: слова узб. *ток, тон, атлас, том, мода* отличаются и по произношению, и по значению: узб. *ток* — виноград, *ток* — электрическая мощность; узб. *тон* — корень глагола *тон-*

моқ (отказываться, отрицать), *тон* — оттенок речи; *атлас* — вид шелковой ткани, *атлас* — сборник географических карт и другие.

На наш взгляд, одним из основных критериев определения границ омонимии и полисемии служат лексикографические описания словообразовательных гнезд. Взаимоотношения лексем узбекского языка в словообразовательных гнездах представлены в «Учебном словообразовательном словаре узбекского языка» Б. Менглиева [Менглиев и др., 2008, с. 174].

Таким образом, сопоставительная классификация омонимов русского и узбекского языков, по нашему мнению, нуждается в уточнении по отношению их к системе словообразовательных гнезд русского языка.

Библиографический список

Бережных Е. Ю. Словообразовательная омонимия в словах со значением цвета (на материале русского и испанского языков) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 6 (2).

Виноградов В. В. Проблемы морфематической структуры слова и явление омонимии в славянских языках // Славянское языкознание. VI международный съезд славистов. М., 1968.

Ким О. М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке. Ташкент, 1978.

Менглиев Б., Бахриддинова Б., Холиеров Ў., Зарипова М., Хушвақтов М. Ўзбек тилининг сўз ясалиши ўқув лугати. Ташкент, 2008.

Пардаев А. С., Кодирова З. А. Словообразовательные гнезда как критерий разграничения непроеизводных омонимов в русском языке // Актуальные проблемы русского словообразования: материалы традиционного Республиканского семинара в рамках Узбекистанской научной школы русского словообразования. Ташкент, 2016.

Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.

Соболева П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия. М., 1980.

Тихонов А. Н., Пардаев А. С. Роль гнезд однокоренных слов в системной организации русской лексики. Отраженная синонимия. Отраженная омонимия. Отраженная антонимия. Ташкент, 1989.

References

Berezhnykh Ye. Yu. *Slovoobrazovatel'naya omonimiya v slovakh so znacheniyem tsveta (na materiale russkogo i ispanskogo yazykov)*. [Word-formation homonymy in words with the meaning of color (based on the material of Russian and Spanish)]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky]. 2009. No. 6 (2).

Vinogradov V. V. *Problemi morfolozhicheskoy strukturi slova i yavlenie omonimii v slavyanskix yazikax*. [Problems of the morphemic structure of the word and the phenomenon of homonymy in Slavic languages]. In: *Slavyanskoe yazikoznaniye. VI mejdunarodniy sezd slavistov*. [Slavic Linguistics. VI International Congress of Slavists]. Moscow, 1968.

Kim O. M. *Transpozitsiya na urovne chastey rechi I yavlenie omonimi v sovremennom russkom yazike*. [Transposition at the level of parts of speech and the phenomenon of homonymy in modern Russian]. Tashkent, 1978.

Mengliyev B., Bakhriddinova B., Kholiyorov O., Zaripova M., Khushvaktov M. *Uzbek tilining suz yasalishi okuv lugati*. [Word formation of the Uzbek language educational dictionary]. Tashkent, 2008.

Pardaev A. S., Kodirova Z. A. *Slovoobrazovatelnie gnezda kak kriterie razgranicheniya neproizvodnix omonimov v russkom yazike*. [Word-building nests as a criterion for distinguishing non-derivative homonyms in Russian]. In: *Aktualnie problem russkogo slovoobrasovaniya. Materiali traditsionnogo respublikanskogo seminara v ramkax Uzbekistanskoy nauchnoy shkoli russkogo slovoobrasovaniya*. [Actual problems of Russian word formation. Materials of the traditional Republican seminar within the framework of the Uzbek scientific school of Russian word formation]. Tashkent, 2016.

Russkiy yazik. Encyclopedia. [Russian language. Encyclopedia.]. Moscow, 1979.

Soboleva P. A. *Slovoobrazovatel'naya polisemiya i omonimiya*. [Word-building polysemy and homonymy]. Moscow, 1980.

Tikhonov A. N., Pardaev A. S. *Rol gnezd odnokorennix slov v sistemnoy organizatsii v russkoy leksiki. Otrajennaya sinonimiya. Otrajennaya omonimiya. Otrajennaya antonimiya*. [The role of nests of single-root words in the systemic organization of Russian vocabulary. Reflected synonymy. Reflected homonymy. Reflected antonymy]. Tashkent, 1989.

ОБРАЗЫ ОГНЯ И СВЕТА В ЦИКЛЕ ВИЛЬГЕЛЬМА МЮЛЛЕРА «ЗИМНИЙ ПУТЬ»

Г. М. Маматов

Ключевые слова: В. Мюллер, лирика, поздний немецкий романтизм, образы огня и света, символ.

Keywords: W. Müller, poetry, late German Romanticism, images of the fire and light, symbol.

DOI 10.14258/filichel(2023)2–13

Творчество Вильгельма Мюллера известно в России благодаря вокальным циклам Ф. П. Шуберта «Прекрасная мельничиха», «Зимний путь», написанным на его стихи, и привлекало внимание в основном музыковедов. Важен и тот факт, что на русский язык лирика Мюллера почти не переводилась. Исключение составляет миниатюра «Шарманщик», переведенная И. Ф. Анненским. Можно констатировать, что имя поэта остается неизвестным для читателя, в отличие от иных немецких романтиков. Даже в фундаментальном труде Н. Я. Берковского «Романтизм в Германии» имя Мюллера не упомянуто. Столь малое количество исследований является безусловным упущением, ведь В. Мюллер — яркий представитель поэзии позднего немецкого романтизма.

Как уже было сказано, специальных работ в русском литературоведении, посвященных Вильгельму Мюллеру, нет. Намного больше трудов, посвященных его поэзии, написано зарубежными филологами. В этом плане особенно интересны работы А. Доршеля и Дж. Нейли. Изучая стихотворение «Шарманщик» («Leiermann»), Дж. Нейли указывает, что лирический герой цикла полагается на собственную рефлексию при выборе своего пути, что заставляет его не отдаться во власть «романтических блужданий» в таинственном пространстве снега, смерти и холода, а добровольно отправиться с загадочным шарманщиком и жить в современной ему реальности [Neili, 2019, p. 29–30]. Это заставляет воспринимать цикл как произведение, связанное не с немецким романтизмом, а с культурой Просвещения, ведь путник живет не столько чувствами, сколько логическими доводами, в чем позиция Нейли соприкасается с концепцией А. Доршеля, доказывающего близость цикла культурным идеям XVIII века [Dorschel, 1993, s. 471].

Стоит отметить, что у Мюллера сложилась репутация «вторичного» поэта, которого критиковали при жизни. И. В. Гете в письме И. Эккерма-

ну называл его лирику больничной поэзией («lazarettproesie») [Eckermann, 1836, s. 20]. Ф. Мартини в «Немецкой литературной энциклопедии» также не признает за стихами Мюллера художественных достоинств [Martini, 2003, s. 349–350]. На наш взгляд, такое понимание творчества Мюллера является категоричным, как и позиции А. Доршеля и Дж. Нейли об отдаленности поэта от немецкого романтизма. Нельзя не согласиться с тем, что он действительно преодолевает данное направление, но Мюллер все же обращается к эстетике романтизма, что подтверждает посмертный цикл стихов «Зимний путь» («Winterreise»).

Данное утверждение доказывается анализом природной символики цикла. Следует сделать следующие предварительные замечания. В лирике Мюллера значимое место занимает тема природы. Особенно интересен в данном контексте вопрос об образах четырех стихий именно в «Зимнем пути», опубликованном в Лейпциге в 1822 г., где важной смысловой нагрузкой обладает огненная и световая символика, появляющаяся в 15 стихотворениях из 24, что говорит о несомненной важности этих образов в художественном мире цикла. Изучение специфики этой символики не только дает понимание художественного мира Мюллера, но и обосновывает мысль о развитии немецкого романтизма, преодолении его основных эстетических принципов, исследуемых поэтом.

Связь с романтизмом обнаруживается при рассмотрении сюжета цикла. Герой уходит от своей возлюбленной. Это прекрасная героиня, становящаяся сквозным образом или в воспоминаниях героя («Липа», «Весенняя греза») или в его мечтах («Почта») — проекция гетевской концепции Вечной Женственности, во имя которой юноша обязан совершить подвиг и отправиться на поиски. Но у Мюллера происходит слом романтических идеалов. Герой — изгнанник, уходящий от загадочной возлюбленной из-за ее равнодушия. В данном случае Мюллер не только оспаривает романтическую, основанную на гетевской идее о поиске Прекрасного, но и собственную, более раннюю эстетику, представленную циклом «Прекрасная мельничиха», в которой герой-мельник отправляется искать счастье по тропинке вдоль весело шумящего ручья, а его путь напоминает движение жерновов. Можно утверждать, что эти циклы являются зеркальными отражениями друг друга, ибо одна и та же идея и, по сути, один и тот же сюжет имеют диаметрально противоположные воплощения.

Мифопоэтический контекст и мортальная символика

Прежде всего рассмотрим мифопоэтическую основу изучаемой образности. Нельзя не отметить, что Мюллер часто обращался к германскому фольклору, что в целом было характерно для романтиков. По М. Рас-

селу, его поэзия была простым «переписыванием народных песен» [Russel, 2014, p. 30]. Эта мысль не является верной. Рассмотрим миниатюру «Блуждающий огонек» («Das Irrlicht»), где возникает мотив *ignuus fatuus*. В немецкой народной культуре бесовские огни считались или душами утопленников и людей, утонувших в болоте, или злыми духами, чье появление несет собой смерть и встречу с дьяволом. Это, бесспорно, привлекло внимание гейдельбергских романтиков, к которым Мюллер был близок и с чьим творчеством он познакомился во время учебы в Берлинском университете. В сказке из собрания Братьев Grimm «Синий огонек» блуждающий огонь связан с миром гномов и лесных духов, его пытается заполучить в свои руки злая ведьма. Но в этой сказке огонек может нести и горе, и счастье своему хозяину (Братья Grimm. Народные сказки, собранные Братьями Grimm. 1871. С. 70).

Н. Я. Берковский считает, что важнейшей чертой поэтики гейдельбергских романтиков является их обращение к фольклору, которое обусловило песенность их стихов: «Романтики Гейдельберга выработали особую идеологию национально-народнического характера, близкую к тому, что у нас именовалось почвенничеством. <...> Миф, сказка, песня, язык передаются из века в век, в них сохраняются качества национальной культуры, обладающие постоянством, в них содержится субстанция народной жизни, они <...> характеристичны» [Берковский, 2001, с. 292].

Важен данный образ в творчестве И. В. Гете. В «Фаусте» *ignuus fatuus* возникает в сцене Вальпургиевой ночи. Блуждающий огонек является слугой Мефистофеля. В нем поэт подчеркивает фольклорное начало, его стремление к обману и запутыванию тропы:

Я вижу, вы хозяин здесь; для вас

Все сделать я готов, чтоб не сойти с дороги.

Но помните: гора от чар с ума сойдет,

И если вас огонь блуждающий ведет,

То вы к нему не будьте слишком строги! (И. В. Гете. Фауст. 1969. С. 170)³².

Стихотворение Мюллера вписывается в этот контекст: блуждающий огонек несет искушение, обманчивый свет, пытающийся сбить путника с тропы:

In die tiefsten Felsengründe

Lockte mich ein Irrlicht hin:

Wie ich einen Ausgang finde,

В самые глубокие скалы

Манил меня блуждающий огонек:

Но возможность нахождения выхода

³² «Фауст» И. В. Гете дан в переводе Н. А. Холодковского. Стихотворения В. Мюллера публикуются по переводу, выполненному мною и В. Мурейко по изданию, указанному в списке литературы.

*Liegt nicht schwer mir in dem Sinn.   Не казалась мне сложной задачей.
 Bin gewohnt das irre Gehen,   Я привык сбиваться с дороги,
 «S führt ja jeder Weg zum Ziel: Ведь каждая тропа ведет к цели,
 Unsre Freuden, unsre Wehen,   Все наши радости и горести —
 Alles eines Irrlichts Spiel!   Безумная игра болотных огней.*
 (W. Müller. Die Winterreise. 1824. S. 99).

Обратим внимание на следующие стихи: «*Все наши радости и печали — / Безумная игра болотных огней*». Мысль М. Рассела спорна: образ огонька у поэта тяготеет к символу, его смысловая структура усложнена, он символизирует жизнь как фатум, игру inferнальных сил, в этом тексте нарушается главная идея пути у романтиков как прямого движения к достижению идеала Вечной Женственности или голубого цветка («Странствия Франца Штернбальда» Л. Тика, «Генрих фон Офтердинген» Новалиса). У Мюллера герой осознает беспомощность перед судьбой, а его путь непонятен, это не дорога к идеалу, а блуждание среди сумрачного пейзажа. Болотный огонек, чье движение бесконечно и неконтролируемо, — двойник путника, потерявшего дорогу. Поэтом фольклорная основа обрамляет сложную философскую мысль о фатализме и предопределенности человеческой судьбы. Ведь единственный выход для героя — могила: «*Durch des Bergstroms trockne Rinnen / Wind'ich ruhig mich hinab — / Jeder Strom wir's Meer gewinnen, / Jedes Leiden auch ein Grab*» («По высушенным руслам горного ручья / Я спокойно сворачиваю, / Каждая река стремится в море, / Каждое страдание стремится к могиле») (W. Müller. Die Winterreise. 1824. S. 99]. По сути, в этом тексте соединены несколько приемов: психологический параллелизм, характерный для фольклора и народных песен: герой ассоциирует себя и свою жизнь с блужданием болотного огонька; сравнение человеческой судьбы и смерти с явлениями природы (огонек, река, высушенный горный ручей) и символ. Если рассматривать этот текст как символический, то можно интерпретировать главные образы следующим способом: горы с иссохшим потоком — судьба героя; блуждающий огонек — сам герой; распутье, не дающее выйти на истинный путь, — безысходность человеческой судьбы.

Но смерть не становится окончательной точкой в дальнейших стихотворениях цикла. Мюллер как бы обманывает читателя. Это важный момент, так как в предыдущем цикле «Прекрасная мельничиха» влюбленный юноша, которому героиня предпочтет охотника, утопится в ручье. Заметим, что заканчивается «Прекрасная мельничиха» миниатюрой «Des Baches Weiegenlied» («Колыбельная ручья»), где пространство подводного мира видится местом блаженства и успокоения:

*Gute Nacht, gute Nacht!
Bis Alles wacht,
Schlaf'aus deine Freude,
schlaf'aus dein Leid!
Der Vollmond steigt,
Der Nebel weicht,
Und der Himmel da oben,
wie ist er so weit!*

(W. Müller. Die schöne Müllerin. 1906. S. 22).

*Спокойной ночи, спокойной ночи!
Пока никто не проснулся,
Усни с счастьем своим,
усни с горем своим!
Поднимается полная луна,
Исчезает туман,
А небеса в вышине,
какие они широкие!*

В «Зимнем пути» герой сам отказывается от смерти, что проявляется в стихотворении «Das Wirthshaus» («Трактир»). Кладбище представляется постоялым двором, в котором скиталец желает окончить свой тяжёлый путь: «*Auf einen Todtenacker / Hat mich mein Weg gebracht. / Allhier will ich einkehren: / Hab'ich bei mir gedacht*» («На поле смерти / Привел меня мой путь. / „Здесь желаю я остаться“ / Так подумал про себя») (Müller W. Die Winterreise. 1924. S. 98). Это блуждание, символизируемое мифическими огоньками, связано с мотивом отказа от смерти, что отличается от концепции «Прекрасной мельничихи», где путь героя привел его к успокоению и блаженству в волнах «синего кристального ручья». Скиталец отправляется в дальнюю абсолютно бесцельную дорогу. Данный аспект сближает поэзию Мюллера с творчеством гейдельбергского поэта К. Brentano, в чьей лирике герой, следующий к прекрасной девице, готов погибнуть ради нее, видя счастье в смерти: «*No роскошество жизни продлится, / Прах мой станет цветком и травой. / Снова радость моя загорится, / Снова Тилья моя предо мной*» (К. Brentano. Избранные стихотворения. 1985. С. 7). Но в «Зимнем пути» Мюллер отходит и от понимания смерти как блаженства, дарующего покой и радость.

Дихотомия тьмы и света в цикле «Зимний путь»

Отметим, что в цикле огненная символика противопоставлена холодной реальности мира, что создает ряд образных оппозиций: зима — весна, огонь — лед, жар — холод. Миниатюра «Der stürmische Morgen» («Грозовое утро») строится на психологическом параллелизме. Герой сравнивает себя с огнем зари, полыхающим в небе: «*Und rothe Feuerflammen / Ziehn zwischen ihnen hin / Das nenn'ich einen Morgen / So recht nach meinem Sinn!*» («Кроваво-огненное пламя / Прорывается сквозь тучи, / Я называю это утром / В моей голове») (W. Müller. Die Winterreise. 1824. S. 96). Мотив огненной борьбы восходит к «Греческим песням» (1821) Мюллера, где он воспевал греческую национально-освободительную революцию против Османской империи. В «Зимнем пути» внутренний огонь

героя постепенно затухает, скиталец отказывается от битвы-жизни, что связано с мотивом нарастающей мглы. Это предполагает описание классической дихотомии света и тьмы в книге. Несмотря на свое противопоставление, они обуславливают существование друг друга и создают целостность мира, на что указывали Гете (И. В. Гете. Избранное. Т. 1. 1985. С. 76) и А. Ф. Лосев [Лосев, Т. 2. 1993, с. 257]. В цикле они разделены, что связано с сюжетом. Путник покидает возлюбленную, уходя в бесцельные странствия. Его жизнь разделена между светлым прошлым и мрачным настоящим как в стихотворениях «Доброй ночи», «Липа» и «Весенняя греза». В стихотворении «Весенняя греза» («Frühlingstraum») он видит во сне свидание с любимой. Если прошлое — *солнечный май* («сон о нестрых цветах», «веселый щебет птиц»), то настоящее — *суровая зима*. Мотив пробуждения имеет трагическое значение, знаменуя победу реальности над сном: «*Und als die Hähne krächten, / Da ward mein Auge wach; / Da war es kalt und finster, / Es schrieen die Raben vom Dach*» («И когда раздался крик петуха, / Я открыл глаза, пробудившись, / Было холодно и темно, / Вороны каркали на крышах») (W. Müller. Die Winterreise. 1824. S. 104).

Образная система, также построенная на оппозиции весны, света солнца, пения птиц и зимы, тьмы, луны и воронов, будет постоянно повторяться у Мюллера. Причем светлая часть его жизни всегда представлена как сон, греза и воспоминания. Возможно, что это лишь иллюзия и мечта. Данная образность является аллюзией на «Прекрасную мельничиху», где действие разворачивается на фоне идиллических пейзажей, среди которых живет героиня, примером чего является стихотворение «Morgengruß» («Утреннее приветствие»), где белокурая девушка олицетворяет собой сказочную и удивительную красоту, которой завидуют весенние цветы, а жаворонки поют свои гимны:

<i>Nun schüttelt ab der Träume Flor,</i>	<i>Теперь стряхните сон цветочный,</i>
<i>Und hebt euch frisch und frei empor</i>	<i>И встаньте свежими и свободными</i>
<i>In Gottes hellen Morgen!</i>	<i>В лучезарное Божье утро!</i>
<i>Die Lerche wirbelt in der Luft,</i>	<i>Жаворонок кружится в воздухе,</i>
<i>Und aus dem tiefen Herzen ruft</i>	<i>И сердце звенит</i>
<i>Die Liebe Leid und Sorgen.</i>	<i>От любви к страданиям</i>
	<i>и горестям.</i>

(W. Müller. Die schöne Müllerin. 1906. S. 11).

Герой более раннего цикла принимает страдания и печали, мир остается лучезарным, солнечным и сказочно прекрасным. Но этот же мир разбивается, разрушается в «Зимнем пути», где от него остаются лишь осколки воспоминаний.

Символика луны и солнца в «Зимнем пути»

Солнце и луна в цикле Мюллера упоминаются крайне мало, но важно учитывать тот факт, что небесные светила появляются в начале и в финале цикла немецкого поэта. По сути, такая расстановка данных образов порождает своеобразную анти-космогоническую концепцию цикла. «Зимний путь» начинается со стихотворения «Gute Nacht» («Спокойной ночи»), в котором герой прощается и со своей возлюбленной, и со своей счастливой жизнью, которые он оставляет в прошлом. Солнечному майскому утру противопоставлен покрытый льдом и снегом путь, озаренный лунным светом:

<i>Ich kann zu meiner Reisen</i>	<i>Я могу отправиться в странствие,</i>
<i>Nicht wählen mit der Zeit:</i>	<i>Не тратьте на меня свое время:</i>
<i>Muß selbst den Weg mir weisen</i>	<i>Я сам должен найти свой путь</i>
<i>In dieser Dunkelheit.</i>	<i>В этой темноте.</i>
<i>Es zieht ein Mondenschatten</i>	<i>Призрачная луна следует по небу,</i>
<i>Als mein Gefährte mit,</i>	<i>Точно мой спутник,</i>
<i>Und auf den weißen Matten</i>	<i>И на белоснежных коврах</i>
<i>Such'ich des Wildes Tritt.</i>	<i>Я ищу звериный след.</i>

(W. Müller. Die Winterreise. 1824. S. 77).

Луна также не имеет яркого свечения — это призрак, который еле освещает путь героя. Более того, он сам сравнивает себя с небесным светилом, лишенным яркого блеска. Особое место в цикле занимает миниатюра «Die Nebensonnen» («Ложные солнца»):

<i>Drei Sonnen sah' ich am Himmel stehn,</i>	<i>Я видел три солнца в небесах,</i>
<i>Hab' lang' und fest sie angesehen;</i>	<i>Я долго, пристально смотрел</i>
	<i>на них;</i>
<i>Und sie auch standen da so stier,</i>	<i>Они стояли крепко, точно</i>
	<i>быки,</i>
<i>Als könnten sie nicht weg von mir.</i>	<i>Словно они не могут уйти</i>
	<i>от меня.</i>
<i>Ach, meine Sonnen seid ihr nicht!</i>	<i>Эх, но вы не мои солнца!</i>
<i>Schaut Andren doch in's Angesicht!</i>	<i>Смотрите в лица других!</i>
<i>Ja, neulich hatt' ich auch wohl drei:</i>	<i>Да, у меня их было три:</i>
<i>Nun sind hinab die besten zwei.</i>	<i>Теперь пали вниз двое верхних,</i>
<i>Ging' nur die dritt' erst hinterdrein!</i>	<i>Затем упало третье!</i>
<i>Im Dunkel wird mir wohler sein.</i>	<i>Я избираю мрак.</i>

(W. Müller. Die Winterreise. 1824. S. 102).

В этом стихотворении описано явление паргелия (появление около солнца двух ложных светил в связи с преломлением его света в кристаллах льда и как бы создающего два отражения звезды). В немецкой

культуре это явление трактуется в религиозном ключе: Карл V отказался от осады Магдебурга в 1551 году, увидев три солнца и посчитав их небесным знаменем. Гало, чьей разновидностью является паргелий, связано со Святой Троицей. У Мюллера данная символика имеет отрицательные смыслы. Герой отрекается от света и Бога, что знаменует победу тьмы и его окончательный уход в мрак собственной жизни. Неприятие света становится специфическим лейтмотивом у Мюллера. Частый прием психологического параллелизма, используемый во многих текстах, подчеркивает именно состояние героя, уже ушедшего от молодости и юношеских идеалов. Данный мотив маркируется образами скованной льдом реки³³, замерзшей липы, дарившей герою тень для грез и снов, и на коре которой юноша вырезал слова любви и счастья: «*Ich schnitt in seine Rinde / So manches liebe Wort*» («Я вырезал на ее коре / Так много добрых слов») (W. Müller. Die Winterreise. 1824. S. 83). Но одиночество героя заставляет его жить в той действительности, в которой он находится, что особенно заметно в стихотворении «Einsamkeit» («Одиночество»), несмотря на яркий и светлый небесный свод, одинокий юноша вынужден скитаться в молчании и печали, подобно темным тучам, плывущим по светлomu небу (W. Müller. Die Winterreise. 1824. S. 106). Этот уход от пестроты мира находит свое наиболее яркое воплощение в отказе от небесных светил в стихотворении «Ложные солнца»: потому данный текст характеризуется особым эмоциональным напряжением. Герой отрекается от идеала, предпочтя ему мрак собственного эго.

Решение уйти во тьму знаменует уход в себя. В финальном стихотворении цикла «Der Leiermann» («Шарманщик») помимо героя возникает его двойник — слепой шарманщик: его слепота связана с описанным нами отказом от света. Шарманщик и герой живут во мгле собственных душ, их отчужденность непроницаема для красочности окружающего мира. Хотя скиталец продолжает путь, его дорога — вечное, бесцельное и призрачное странствие: «*Чудной старик. / Не пойти ли мне с тобой? / Я буду неть, / А ты будешь крутить свою шарманку?*» (W. Müller. Die Winterreise. 1824. S. 108). Риторические вопросы, оканчивающие миниатюру и цикл, подчеркивают тему безысходности и бесконечности скитаний героя во внешнем «зимнем» мире. Для романтиков тема пути связана со становлением личности от хаоса к гармонии [Керашева, 2007, с. 18]. Но в «Зимнем пути» данный мотив имеет совершенно иное значение. Дорога не приводит героя к его идеалу, а уводит от него. Этот уход знаменует торжество тьмы. Свет и огонь связаны с юностью героя, его воз-

³³ В стихотворении «Auf dem Flusse» («У реки») подчеркивается, что река была «светлой» («*Du heller, wilder Fluß*» — «Светлая, дикая река»).

любленной, аллюзией на гетевскую концепцию Вечной Женственности, что очевидно в раннем цикле «Прекрасная мельничиха». Но если тут герой погибает во имя возлюбленной, то в «Зимнем пути» он отказывается от нее, видя иллюзорность своих идеалов, и замыкается в самом себе.

Библиографический список

- Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. М., 2001.
Гете И. В. Избранное : в 2 тт. Т. 1. М., 1985.
Керашева Ф. Н. Религиозно-мифологический мотив пути в русском и немецком романтизме : автореф. дисс... канд. филол. наук. Краснодар, 2007.
Лосев А. Ф. Собр. соч. : в 9 тт. Т. 2. М., 1993.
Deutsche Literaturgeschichte. Köln, 2003.
Dorschel A. Wilhelm Müller's "Die Winterreise" und die Erlösungsversprechen der Romantik // The German Quarterly. 1993. № 4.
Eckermann J. P. Gespräche mit Goethe.: in 2 B. B. 1. Leipzig, 1836.
Neilly J. Wilhelm Müller's "Leiermann" // English Goethe Society. 2019. №. 1 (88).
Russel M. P. The Wanderer «s Path through the Age of Goethe: A Literary and Musical Focus. Vermont, 2014.

Список источников

- Братья Гримм. Народные сказки, собранные Братьями Гримм : в 2 тт. Т. 1. СПб., 1871.
Брентано К. Избранные стихотворения. М., 1985.
Гете И. В. Фауст. М., 1969.
Müller W. Die Winterreise. Dessau, 1824.
Müller W. Die schöne Müllerin. Berlin, 1906.

References

- Berkovskij N. Ya. *Romantizm v Germanii*. [Romanticism in German]. Moscow, 2001.
Gyote J. V. *Izbrannoe*. [Select]. Moscow, 1985. Vol. 1.
Kerasheva F. N. *Religiozno-mifologicheskij motiv puti v russkom i nemeckom romantizme*. [Religious and mythological motives of road in Russian and German Romanticism]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Krasnodar, 2007.
Losev A. F. *Sobraniye sochineniy*. [Collected Works]. In 9 vols. Vol. 2. Moscow, 1993.
Deutsche *Literaturgeschichte*. Köln, 2003.
Dorschel A. *Wilhelm Müller's "Die Winterreise" und die Erlösungsversprechen der Romantik*. In: The German Quarterly. 1993. No. 4.
Eckermann J. P. *Gespräche mit Goethe*. In 2 b. B. 1. Leipzig, 1836.

Neilly J. *Wilhelm Müller's "Leiermann"*. In: English Goethe Society. 2019. No. 1 (88).

Russel M. P. *The Wanderer 's Path through the Age of Goethe: A Literary and Musical Focus*. Vermont, 2014.

List of sources

Brat'ya Grimm. *Narodnye skazki, sobrannye Brat'yami Grimm*. Т. 1. [Folk fables collected by the Brothers Grimm]. Vol. 1. St. Petersburg, 1871.

Brentano K. *Izbrannye stihotvoreniya*. [Selected poems]. Moscow, 1985.

Gyote I. V. *Faust*. Moscow, 1969.

Müller W. *Die Winterreise*. Dessau, 1824.

Müller W. *Die schöne Müllerin*. Berlin, 1906.

СЕМИОТИКА ДАЧНОГО ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ Д. БОБЫЛЕВОЙ «ВЬЮРКИ»

И. М. Клокова

Ключевые слова: жанр хоррора, постфольклор, структура пространства, «помехоустойчивость», герой «пути», герой «степи».

Keywords: horror genre, post-folklore, space structure, «noise immunity», hero of the «path», hero of the «steppe».

DOI 10.14258/filichel(2023)2–14

Жанр хоррора становится все более востребованным в современной русской литературе: ежегодный конкурс «Новая детская книга» от издательства «ЭКСМО» стал выделять хоррор в отдельную номинацию, а «АСТ» с 2014 года каждый год успешно выпускает межавторский сборник рассказов «Самая страшная книга». Формульная особенность хоррора неизменна — желание испугаться в комфортных условиях. Современный город предоставляет все меньше возможностей для испуга, страшное вытесняется за его пределы. Дарья Бобылева в романе в рассказах «Вьюрки» предлагает переходный вариант для хоррора — пространство дачи.

Дарья Леонидовна Бобылева — российский прозаик, журналистка, переводчица, член Союза писателей Москвы. Известно, что она окончила семинар прозы Литературного института им. Горького. Дебютировала Бобылева в 2014 году сборником мистических историй «Забытый человек». В 2016 году в результате читательского голосования она стала участником антологии «Самая страшная книга 2017» с рассказом «Баба огненная», который впоследствии станет главой романа в рассказах «Вьюрки» (2018 г.). Роман вошел в лонг-лист премий «Большая книга», «Ясная Поляна», «Интерпресскон» и получил премии «Новые горизонты» и «Мастера ужасов». Мы попытаемся проанализировать особенности организации дачного локуса романа.

Дача в изображении Бобылевой — это уже не город, связанный с культурой, но еще и не природа, традиционно соотносимая с фольклором. Для определения особенностей дачного пространства подходит термин, предложенный С. Ю. Неклюдовым: постфольклор, предполагающий разрушение традиционной бинарной системы. Автор термина утверждает, что постфольклор возникает как третья, переходная субкультура, составляющая оппозицию не только традиционно-фольклор-

ной архаике, но и городской культуре: «Как и всякая синкретическая традиция, постфольклор не существует в виде чистого репертуара текстов или обрядовых действ, и уж во всяком случае это не самодостаточный репертуар. „Низовые“, официально не санкционированные культуры, составляют сложные семиотические ансамбли, включающие с себя орнаментику и содержимое рукописных альбомов, тюремные поделки (четки, шахматы, платки и пр.), настенные граффити и татуировки с их символикой, одежду и прически, украшения и жесты, „арготизированные“ формы речи, „посвятительные“ обряды, практикуемые у уголовников, подростков, солдат срочной службы, туристов, альпинистов и т. п. От всего этого контекста неотделима и устная словесность (т. е. собственно фольклор в узком значении этого слова) — одним явлениям она параллельна, другим синонимична, а с третьими составляет нерасторжимые комплексы» [Неклюдов]. Для нас важно, что постфольклор возникает в городе и уже потом распространяется за его пределы.

Промежуточное, межукладное пространство дачи в романе Бобылевой, на наш взгляд, раскрывается в свете концепции постфольклора, повторяя даже его структуру: «Подобно массовой культуре, он (постфольклор. — И. К.) полицентричен и фрагментирован в соответствии с социальным, профессиональным, клановым, даже возрастным расслоением общества, с его распадом на слабо связанные между собой ячейки, не имеющие общей мировоззренческой основы» [Неклюдов]. Иначе говоря, с точки зрения исследователя, постфольклор возникает как следствие дискретности, разорванности современного культурного пространства. Дачный хоррор Дарьи Бобылевой тоже распадается на фрагменты: роман состоит из завершенных, целостных рассказов-глав, связанных пространством дачного поселка, благодаря которому сохраняется общий сюжет.

Одним из значимых качеств постфольклора является то, что С. Ю. Неклюдов вслед за В. В. Ивановым и В. Н. Топоровым называет «помехоустойчивостью»: «фольклорно-мифологическая традиция, подобно биологической эволюции, рассматривается с точки зрения теории информации как несовершенная передача первоначального сообщения, а принципы построения текстов обусловлены необходимостью обеспечить его „помехоустойчивость“» [Неклюдов, 1999]. Другими словами, фольклорный текст сконструирован так, чтобы минимизировать потерю информации в процессе передачи. На наш взгляд, литературный текст, ориентированный на текст фольклорный, настроен на сохранение этой особенности. «Помехоустойчивость» в романе Бобылевой проявляется не только на уровне структурном, но и содержательном — это бук-

важно попытка устранить проблемы коммуникации между дачниками и потусторонними существами, проникающими в пространство поселка «Вьюрки».

Переход автора романа из знакомого культурного контекста города в дачное пространство — попытка увидеть пересечение двух культурных зон: «своей» культуры и «чужой» антикультуры (пространство чудовищ). Согласно Ю. М. Лотману, «своя» культура стабильно соотносится с нормой и порядком, а противопоставленные ей «чужие» — характеризуются «отсутствием признаков структуры», превращаются в локации, которые невозможно контролировать, и, по мнению ученого, делятся на «*континуумы, заключающие точку или некоторое множество точек*» [Лотман, 1992]. Иначе говоря, пространство внутри одного культурного континуума может дробиться на подзоны и, по утверждению Ю. М. Лотмана, может быть точечным, линейным, плоским и объемным, иметь вертикальную и горизонтальную направленность. При этом линейное пространство чаще всего выражается через категорию «дорога» или даже темпоральность «жизненный путь». Понятие «точечное пространство» Ю. М. Лотман развивает на основе работ С. Ю. Неклюдова о былине и волшебной сказке: в былине (и в художественном тексте вообще) пространство состоит из локально ограниченных сюжетных ситуаций, попадание в них героя инициирует конфликт. Внутри замкнутого художественного пространства происходит перемещение героев. В волшебной сказке, по наблюдению ученого, движение и дорога являются естественным состоянием героя. Сказочный хронотоп связан с активностью героя, именно на дороге происходят встречи, испытания и даже выбор жизненного пути: «дорога вообще является местом соприкосновения с персонажами потустороннего мира, однако для сказки характернее ситуация встречи, а для былины и былички ситуация сопутствия, движения вослед, причем догоняемыми обычно оказываются персонажи, обладающие сверхъестественными свойствами <...>» [Неклюдов, 2007].

Художественное пространство «Вьюрков» Бобылевой становится сложной моделью пересечения границ культурных зон внутри замкнутого континуума, и это столкновение с неизвестным приводит к появлению эффекта ужаса. Однажды жители дачного поселка «Вьюрки» обнаруживают, что дорога пропадает и мир дачи замыкается в самом себе в пространстве (поселок невозможно покинуть) и во времени (лето стало вечным, «райским»). В одном из интервью Бобылева говорит, что «*дача — это рай, а в раю, по моему глубочайшему убеждению, всегда июнь. Ну, июль на худой конец, но никакого августа уже точно не будет. Только на даче мы можем выпасть из неустанно пожирающего нас време-*

ни, из привычной жизненной круговерти и заняться наконец по-настоящему важными вещами <...>» (К. Ятковская. Дарья Бобылева: «Очень трудно не писать абсурд, живя в России». 2020). Но райское время — статично, однообразно, это не время для жизни, которая естественно стремится и к хаосу, и к энтропии. Следовательно, «райское» в дачном поселке становится не просто вечным, а страшным, загробным, мертвым, «иномирным»: «Я не считаю, что во Вьюрках угнездилося зло, предлагаю корректно называть его „иномирье”» (Е. Щетинина. Дарья Бобылева: «Я была бы Полудницей». 2018).

Каждая попытка покинуть «Вьюрки» заканчивается неудачей. Дачный поселок ограничен с одной стороны лесом, а с другой — рекой Сушкой, и преодолеть их нельзя. Люди либо тонут в реке (дачника Валерыча топил в Сушке давно умершая жена), либо пропадают в лесу и возвращаются измененными, «подменьшами», «соседями». «Подменьши-соседи» вторгаются в человеческую культурную зону: «*Это подменьши. Копия. Подделка... Видел, как оно рожил корчило? Оно учится. Чтобы на человека было похоже. Тех, кто попадает в лес, забирают <...>*» (Дарья Бобылева. Вьюрки. 2022. С. 243). «Соседи» — это те, кто живут рядом, сосуществуют вместе, но попытка копирования человеческой модели воспринимается дачниками не как интеграция культур, а как вторжение в личное пространство. Границы для вьюрковцев служат способом организации хаоса. Дача — это подражание городской упорядоченности, состоящей из улиц, номеров на домах, заборов и калиток. Заборы между дачными участками также являются границами и между людьми, и их несоблюдение приводит к катастрофическим последствиям. В главе «Война котов и помидоров» конфликт между пенсионерками-соседками (и столкновение с потусторонними силами) происходит не только из-за отсутствия забора между участками, но и от вторжения в порядок личного контролируемого пространства.

Пересечение культур людей и потусторонних существ начинается, когда Серафима, бабка рыбачки Кати, случайно обижает Полудницу и навлекает на свой род проклятие. Полудница — это мифологический дух полдня, пограничное существо, обитающее в ограниченном пространстве поля, коммуникация с которым строго регламентирована: дед Серафимы, хранитель умирающей в советской стране фольклорной культуры, знал способы общения с такими существами. Таким образом, сосуществование с «соседями» возможно при определенном соблюдении правил и способно закончиться положительным исходом. Постфольклорная коммуникативная гибкость стала основой выживания при быстро сменяющихся друг друга политических «режимах»: «*Так я уж в этих*

порядках новых разбираться начала. Уж это я умею. При коммунистах пожила, при капиталистах, и теперь еще поживу, Катенька, при этих <...>» (Дарья Бобылева. Вьюрки. 2022. С. 190).

Выше мы упоминали, что для сказочного, фольклорного пространства важно движение и перемещение героя внутри художественного континуума. Ужас начинается во «Вьюрках» с исчезновения дороги, с закрытия локуса в самом себе. Большая часть героев Бобылевой поддерживает закрытость пространства и остается в пределах дачных участков, но несколько пытаются найти дорогу и продолжить движение. Ю. М. Лотман писал, что в художественном пространстве — «закрытом» и «открытом» — действуют разные типы героев: «пути» и «степи». Первый тип перемещается по определенной траектории в линейном пространстве и не может отклоняться от намеченной цели [Лотман, 1992]. Но нас интересует больше герой «степи», который перемещается в любом направлении и свободно пересекает любые границы культур в пределах континуума. Во «Вьюрках» «героями степи» являются люди, не вписывающиеся в «свою» культуру. Они как бы притворяются принадлежащими к этому миру, они «шейпшифтеры», оборотни, играющие по правилам окружающих. Они не успевают за современной жизнью, они неудачники-дачники, сами балансирующие где-то на грани между своим и чужим. Дачник Бобылевой — это практически чеховский человек-в-футляре, только футляром для него служит собственный дачный забор, внутри которого его никто не осудит, и он может чувствовать себя в безопасности. Таковы странная рыбачка Катя, тихий алкоголик Никита Павлов или дурачок Ромочка. Именно они трое больше остальных вьюрковцев сталкиваются с неведомым. *«Потому ты и стал дачным <...>. Тут ты — человек обособленный, отдельный, никто к тебе не лезет и в тебя не лезет <...>. Как будто мы тут время остановить пытаемся, потому что не успеваем»* (Дарья Бобылева. Вьюрки. 2022. С. 298-299). Дачник — он сам как старая мебель, как рухлядь, которая уже не нужна, но совсем выбросить жалко. Ее увозят на дачу, дают второй шанс вписаться в интерьер.

«Героиня степи», конечно, — рыбачка Катя, связанная с проклятием Полудницы. Она ведет собственное расследование, пытается найти ответ, почему дорога, ведущая из поселка в город, исчезла. Катя связана с потусторонними силами и генетической, фольклорной памятью (через Серафиму и прадеда), но и изучала в институте фольклористику, поэтому знает правила общения с мифологическими существами и умеет с ними контактировать. С помощью научных знаний Катя устраняет коммуникационные «помехи», становится носителем постфольклорной культуры. Правила нужны, как известно, для превращения хаоса в кос-

мос, для обретения порядка. Этим Катя и занимается в лесу рядом с поселком: *«Если бы обнаружившие эту калитку незапертой дачники пригляделись повнимательней, то заметили бы целую систему знаков вдоль уходившей в лес тропинки: ленточки на ветвях, отметины на коре мелом и краской, стрелки, выложенные из камешков, связанные заметным издалека пучком стебли таволги и иван-чая...»* (Дарья Бобылева. Вьюрки. 2022. С. 237). Катю называют «чудачкой» и «ведьмой» даже дачники, так что она и здесь не вписывается в «свое» пространство, и в итоге проклятие превращает ее в стража мира «Вьюрков», пограничницу потустороннего. «Вьюрки» замыкаются на Кате.

Еще одним «героем степи» является дурачок Ромочка, ребенок в теле взрослого мужчины. С самого детства он будто видит то, что простому человеку недоступно. Для Ромочки потусторонний мир такой же реальный, как и настоящий. Он, сам застрявший где-то на середине пути между взрослым и ребенком, с интересом и сочувствием относится к новым обитателям «Вьюрков», пытается с ними поладить. *«И пытался ей объяснить, что не надо так бояться нового мира и всяких-разных, которые незаметно бродят вокруг. <...>...всякие-разные тоже боятся. У них и вид был растерянный, совсем как у обычных, живых дачников. Словно для них перемены оказались таким же внезапным потрясением, и они, свалившись неведомо откуда, теперь привыкали и обживались. На беженцев они были похожи, на робких переселенцев <...>»* (Дарья Бобылева. Вьюрки. 2022. С. 152). То, что «всякие-разные» так же растеряны, как и люди, подтверждается их неловкой попыткой коммуникации через радиопомехи или через сообщения на мобильные телефоны.

Ромочка видит причину «замкнутости» дачного поселка, для его взгляда пространство размыкается: *«<...> сейчас в город нельзя, ведь города больше нет, и в лесу стережет тот, высоченный, а в поле — другой, его почти не видно, потому что он стелется по земле, и это он растягивает поле, никому не давая уйти»* (Дарья Бобылева. Вьюрки. 2022. С. 154). Только Ромочке удается полностью перейти в иной мир «соседей»: его забирают с тобой русалки, «зовущие с реки», и он сам становится иным существом, обретает целостность. При этом он не теряет связи с человеческим миром до конца и помогает Кате, которую преследует перевертыш.

Никита Павлов наравне с Катей появляется почти в каждой истории. Но если Катя все же ближе к чужой культуре (ее судьба была предрешена еще ее бабкой), то Никита все-таки больше относится к «своим», к людям. Его подход к страшному — рациональный, профанный, даже авантюрный. Он расследует и исследует необычайное: *«Никита честно пы-*

тался объяснить дачникам, что Катя к нападениям неизвестного зверя-людоеда отношения не имеет и что кости в ее сарай специально подбросили» (Дарья Бобылева. Вьюрки. 2022. С. 284), «... вечное лето, паранормальные явления... Я, между прочим, все детство к вторжению пришельцев готовился, фильмы и мультики только про это смотрел. Я, может, и запил оттого, что никто к нам не вторгся» (Дарья Бобылева. Вьюрки. 2022. С. 299). Из-за вечно похмельного состояния Никита относится к людям с «болезненной чуткостью». Он хочет быть полезным дачному обществу, рвется помогать и невольно участвует в каждой истории, общается и с каждым вьюрковцем, и с каждым потусторонним существом. Никита связывает все уровни пространства, изучает его и складывает кусочки головоломки как детектив. В этом есть элемент игры, компьютерного квеста: «А Никиту постепенно охватывал азарт — это же был настоящий квест, „попади в таинственную дачу“, и его <...> хотелось пройти до конца» (Дарья Бобылева. Вьюрки. 2022. С. 256). Несмотря на то что в «своем» пространстве Никите живется плохо, он не пытается перейти в «чужое», он понимает его, но не принимает.

Итак, можно рассматривать идеальный райский мир дачи «Вьюрков» в романе Дарьи Бобылевой как ад. Дачное пространство становится переходной постфольклорной культурой, которая связывает городскую культуру и природу. Дача моделирует межкультурное взаимодействие людей и потусторонних сил. Устранение помех в коммуникации приводит к интеграции культур людей и чудовищ, к хаосу, к отсутствию структуры. Восстановлением порядка занимаются особые герои Бобылевой, «герои степи», которые, согласно лотмановской модели, способны исследовать безграничность пространства.

В современных гуманитарных науках идет активное переосмысление научного наследия структуралистов, в частности Ю. М. Лотмана³⁴. Мы считаем, что такой интерес к семиотике пространства характерен не только для научной сферы, но и для творческой литературной практики. Современный автор, такой как Дарья Бобылева, тесно связан с науками о литературе и активно использует их в творчестве: «литературоведческую и филологическую базу Литературный институт обеспечивал довольно приличную» (А. Баграчевская Дарья Бобылева: «Всемирно иногда хочется сбежать в сказку, пусть и страшную». 2019), «... очень люблю книги по топонимии Москвы, исследования фольклора, особенно современного городского. Недавно с огромным удовольствием прочитала труд

³⁴ См., например, сборник статей «Лотман и cultural studies» Андреаса Шенле, 2006 г., раздел «По ту сторону семиотики: наследие московско-тартуской школы» в № 4 НЛО, (2009 г.).

Александры Архиповой и Анны Кирзюк „Опасные советские вещи. Городские легенды и страхи в СССР”» (К. Ятковская. Дарья Бобылева: «Очень трудно не писать абсурд, живя в России». 2020). Возможно, концепции, придуманные для изучения литературы, становятся основой для миро-моделирования в литературе формульной.

Библиографический список

Лотман Ю. М. О метаязыке типологических описаний культуры. Таллинн, 1992. URL: <http://philologos.narod.ru/lotman/metalang.htm>

Некляудов С. Ю. Движение и дорога в фольклоре // Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. Jahrgang, 2007. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov26.htm>

Некляудов С. Ю. Несколько слов о «постфольклоре». URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/postfolk.htm>.

Некляудов С. Ю. Российская фольклористика и структурно-семиотические исследования // Славянская традиционная культура и современный мир: сб. материалов научно-практической конференции. М., 1999. Вып. 3.

Список источников

Баграчевская А. Дарья Бобылева: «Всем иногда хочется сбежать в сказку, пусть и страшную». URL: <https://ohtapress.ru/2019/01/28/bobyleva/>

Бобылева Д. А. Вьюрки. М., 2022.

Ятковская К. Дарья Бобылева: «Очень трудно не писать абсурд, живя в России». Какие книги самые страшные и в чем секрет русского ужаса. URL: <http://www.astrel-spb.ru/intervyu/5921-darya-bobyleva-ochen-trudno-ne-pisat-absurd-zhivya-v-rossii.html>

Щетинина Е. Дарья Бобылева: «Я была бы Полудницей». URL: <https://darkermagazine.ru/page/darja-bobyljova-ja-by-la-by-poludnicej>

References

Lotman Yu. M. *O metazykyke tipologicheskikh opisaniy kul'tury*. [On the metalanguage of the typological description of culture]. Tallinn, 1992. URL: <http://philologos.narod.ru/lotman/metalang.htm>

Neklyudov S. Yu. *Dvizhenie i doroga v fol'klоре*. [Movement and the Road in Folklore] In: Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. Jahrgang, 2007. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov26.htm>

Neklyudov S. Yu. *Neskol'ko slov o "postfol'klоре"*. [A few words on "Postfolklore"]. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/postfolk.htm>

Neklyudov, S. Yu. *Rossiyskaya fol'kloristika i strukturno-semioticheskie issledovaniya*. [Russian folklore and structural-semiotic studies]. In: *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir*. [Slavic traditional culture and the

modern world.]. Collection of materials of the scientific-practical conference. Moscow, 1999. Iss. 3.

List of sources

Bagrachevskaya A. *Dar'ya Bobyleva: "Vsem inogda khochetsya sbezhat" v skazku, pust' i strashnuyu'*. [Everyone sometimes wants to escape into a fairy tale, even a scary one]. URL: <https://ohtapress.ru/2019/01/28/bobyleva/>

Bobyleva D. L. *V'yurki*. [Finches]. Moscow, 2022.

Yatkovskaya K. *Dar'ya Bobyleva: "Ochen" trudno ne pisat' absurd, zhivya v Rossii'*. [It's very difficult don't to write nonsense while living in Russia]. 2020. URL: <http://www.astrel-spb.ru/intervyu/5921-darya-bobyleva-ochen-trudno-ne-pisat-absurd-zhivya-v-rossii.html>

Shchetinina, E. *Dar'ya Bobyleva: "Ya byla by Poludnitsey"*. [I would be Poludnitsa]. 2018. URL: <https://darkermagazine.ru/page/darja-bobylyjova-ja-by-la-by-poludnicej>

ЛЮДИ. ФАКТЫ. СОБЫТИЯ

ЧЕЛОВЕК В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ (ПО ИТОГАМ РАБОТЫ I МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ЯЗЫК КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРА ЯЗЫКА»)

Т. А. Сироткина

Ключевые слова: Международная научная конференция, «Язык культуры и культура языка», традиционные культурные ценности, репрезентация культурной памяти.

Keywords: International scientific conference, «The Language of Culture and the Culture of Language», traditional cultural values, representation of cultural memory.

DOI 10.14258/filichel(2023)2–15

В данном материале представлены проблематика и итоги I Международной научной конференции «Язык культуры и культура языка», состоявшейся в Сургуте в ноябре 2022 года.

Проблема взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры является одной из актуальных в современном языкознании [Верещагин, 1990]. На стыке лингвистики и культурологии в XX веке возникает новое направление научных изысканий — лингвокультурология, призванное исследовать отдельные аспекты взаимоотношений языка и культуры как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах [Алефиренко, 2010]. Современные исследователи решают вопросы, связанные со статусом языка как культурного кода нации, анализируют его эпистемологические потенции и ресурсы, говорят о нем как о средстве сохранения и репрезентации культурной памяти этноса [Арутюнова, 1999; Воробьев, 2008; Сорокин, 1988]. На примере текстов различных дискурсов лингвисты рассматривают аксиологический потенциал национальной культуры, ее концептосферу, анализируют картину мира отдельной языковой личности [Залевская, 2001; Категории, 2007; Иванцова, 2008].

Обсуждению актуальных проблем лингвокультурологии и была посвящена I Международная научная конференция «Язык культуры и культура языка», которая состоялась 25–26 ноября 2022 года в Сургутском

государственном педагогическом университете. В течение двух дней ученые из разных городов России (Москва, Санкт-Петербург, Омск, Екатеринбург, Пермь, Сургут, Тюмень, Нижневартовск, Ханты-Мансийск, Тула, Тамбов, Калининград, Казань, Донецк, Уфа, Чебоксары, Улан-Удэ) и зарубежья (Беларусь, Иран, Казахстан, Китай, Литва, Словакия, Узбекистан) обсуждали вопросы, связанные с функционированием языковых единиц в разных типах дискурса, отражением в них ценностей национальной культуры, особенностями языка художественных текстов, и другие.

Одним из главных вопросов, который обсуждали участники форума, стал вопрос о языке как средстве хранения и ретрансляции культурной памяти этноса, путях сохранения культурных артефактов. Данная тема поднималась в пленарных докладах Е. А. Костина («Эпистемологические ресурсы и потенциалы русского языка», Вильнюс, Литва); С. А. Демченко («Живые ископаемые: протоязыковые формы коммуникации в составе „языков культуры“», Омск, Россия); В. А. Ефремова («Культурная память и прецедентные феномены», Санкт-Петербург, Россия); Е. А. Журавлева («Пути сохранения культурных артефактов: вербальный и невербальный аспекты», Астана, Казахстан); М. А. Харламовой («Эстетические ценности в диалектной картине мира», Омск, Россия); Т. А. Сироткиной («Отражение в языке ценностей региональной культуры», Сургут, Россия). Эту тематику развивали участники в докладах, прозвучавших в рамках секции «Язык как отражение национальной ментальности» (Т. М. Воронина, Екатеринбург, Россия: «Характеристики интеллектуальных процессов в русской языковой картине мира»; М. В. Захарова, Москва, Россия: «Экзотические животные в русской языковой картине мира»; И. Л. Ильичева, Минск, Беларусь: «Культурно-маркированные эргонимы и прагматонимы в культурно-языковом пространстве Брестчины»; К. С. Мозгачева, Тула, Россия: «Концептосфера „Промышленность. Ремесла” в символярности идентичности туляка (на материале прецедентных имен)»). Особую значимость приобрело обсуждение данного вопроса в связи с тем, что материалом для исследований лингвистов послужили не только языковые единицы русского языка (В. Б. Ерофеева, Нижневартовск, Россия: «Ассоциативное поле понятий „язык культуры” и „культура языка”»; Н. П. Курмакаева, Донецк, Россия: «Лингвокультура „Донбасс” в региональной языковой картине мира» и др.), но и лингвистические феномены различных языков: английского (Ю. В. Волобуева, Сургут, Россия: «Текстовый принт как средство выражения в коммуникативной культуре»; А. В. Коваленко, Сургут, Россия: «Особенности иностранного языка в современном социокультурном пространстве»;

Ю. В. Сургай, Сургут, Россия: «Лексикографическая репрезентация смерти в современном английском языке»); хантыйского (Н. В. Ткачук, Ханты-Мансийск, Россия: «Родной язык и языковые установки»). Исследователи обсуждали процессы гуманизации языка (В. И. Миллер, Сургут, Россия: «Проблема гуманизации языка как способа отражения национальной ментальности»), взаимосвязи эстетического и лингвистического компонентов в структуре мышления и коммуникации (Д. И. Румбина, Сургут, Россия: «Взаимосвязь эстетического и лингвистического компонентов в структуре мышления и коммуникации»).

Еще одним важным вопросом, входящим в область лингвокультурологических исследований и ставшим предметом обсуждения на одной из секций конференции, является вопрос об особенностях языка художественной литературы. Авторы как пленарных, так и секционных докладов сосредоточили внимание на языковых маркерах определенных литературных жанров (И. Г. Минералова, Москва, Россия: «Жизнестроительность современной русской гражданской поэзии: семантика, жанры, лирический герой»; О. А. Перевалова, Екатеринбург, Россия: «„Мои молитвы“ поэтов Серебряного века»); символах региональной идентичности, с помощью которых в текстах конструируется образ региона (В. И. Абрамова, Тула, Россия: «Создание образа Тулы с помощью символов региональной идентичности»); культурных претекстах поэтических и прозаических произведений (А. Н. Семенов, Ханты-Мансийск, Россия: «Феноменология родного языка как отличительная особенность обско-угорских литератур»; Т. А. Арсенова, Екатеринбург, Россия: «Стихотворение Бориса Рыжего „Север“: история создания, фольклорные и литературные источники»; Н. В. Ганущак, Сургут, Россия: «Культурный код Севера в лагерной прозе»; Д. В. Ларкович, Сургут, Россия: «Образ Бога в русской поэтической культуре XVIII века»).

Языковые средства создания художественных образов в текстах М. Шолохова, В. Распутина, И. Елагина проанализировали в своих выступлениях Ю. А. Дворяшин (Москва, Россия, «Язык романов М. А. Шолохова в контексте эволюции духовно-нравственных и культурных ценностей XX века»), Н. А. Дворяшина (Москва, Россия, «Кинестетический потенциал языка художественной литературы: улыбка как характерологический феномен в романе М. А. Шолохова „Тихий Дон“»), А. В. Игнатьева (Санкт-Петербург, Россия, «Образ спасительного „голоса жены“ в духовных поисках мужчины. Повести Распутина „Деньги для Марии“, „Пожар“»), А. А. Хадынская (Сургут, Россия, «Поэтический язык Ивана Елагина: через традиции к „неоновому веку“»). К анализу языка региональных художественных текстов обратились Е. А. Авдеева (Сургут,

Россия, «Язык музыки в лирике В. С. Матвеева»), В. В. Гаврилов (Сургут, Россия, «Концептосфера базового концепта „зима” в лирике Ю. Шесталова»), Е. Н. Рымарева (Нижевартовск, Россия, «Трансформация мифов в художественном тексте»), Д. Д. Терентьева (Сургут, Россия, «Мифопоэтический код рассказа Ю. Н. Шесталова „Когда качало меня солнце”»), Т. Ю. Колягина (Сургут, Россия, «Герои Е. Д. Айпина в поисках идентичности»), О. В. Руднева (Сургут, Россия, «Этнокультурная специфика тропических номинаций внутреннего мира человека в поэзии Р. Ругина»), В. Л. Сязи (Ханты-Мансийск, Россия, «Значение новых глав в романе Е. Д. Айпина „Божья мать в кровавых снегах”»), Е. В. Параскева (Сургут, Россия, «Образ памяти в цикле В. В. Гаврилова „20 сонетов Варваре Гавриловой”»).

Не менее интересным аспектом заявленной на конференции проблематики явилось исследование языка современных медиа, ставшее предметом обсуждения как на пленарном заседании (В. Ф. Олешко, Екатеринбург, Россия: «Язык СМИ в контексте процессов цифровизации современной журналистики»), так и на заседании отдельной секции. Лингвисты из Казахстана Г. П. Байгарина (Астана, Казахстан, «О метаязыковых операторах как маркерах эвфемизации в медийном дискурсе»); З. У. Чулакова (Астана, Казахстан, «Лингвистические и экстралингвистические основы формирования имени бренда») в своих выступлениях проанализировали процессы эвфемизации в медийном дискурсе и механизмы формирования имени бренда. Исследователь из Самарканда Е. Н. Пяк (Самарканд, Россия, «Лингвокогнитивное моделирование имиджа Ямало-Ненецкого автономного округа») рассмотрела процессы лингвокогнитивного моделирования имиджа на примере Ямало-Ненецкого автономного округа. Сургутские лингвисты Н. В. Гераскевич («Особенности лингвистической экспертизы спорных текстов о чести и достоинстве») и С. С. Захарченко («Этнофолизмы в спорных текстах. Попытка типологизации») обратились к проблемам анализа спорных медиатекстов, являющихся объектом лингвистической экспертизы. В докладах М. В. Думинской и В. И. Миллер («Феномен медиареальности в контексте философской рефлексии»), Т. А. Ермаковской и Н. Н. Сафоновой («Лингвистика современного медиатекста: отражение процессов демократизации языка»), Э. А. Хабибулиной («Цветовые обозначения „оранжевый” и „orange” в лексикографии и рекламном дискурсе») также прозвучал анализ современной медиареальности.

Еще одним важным аспектом обсуждения проблемы взаимодействия языка и культуры стало рассмотрение вопросов формирования речевой культуры, коммуникативной компетенции и читательской грамот-

ности, реализованное в ходе работы пленарного заседания и заседания секции «Язык и образование». В пленарных докладах были рассмотрены вопросы коммуникативного образования и воспитания (Н. Д. Федяева, Омск, Россия: «Коммуникативное воспитание: вызовы и перспективы»; Л. О. Бутакова, Н. В. Орлова, Омск, Россия: «Я и мир вокруг меня: трендовое исследование письменной речи школьников»; Е. Н. Гуц, Омск, Россия: «Нерегламентированная пунктуация в текстах „Тотального диктанта“ в аспекте индивидуальной языковой способности»). А. П. Кашкарева и Н. Н. Сафонова (Сургут, Россия: «Влияние интернет-общения на формирование коммуникативной культуры школьников») затронули в своем выступлении вопрос о влиянии сети Интернет на формирование коммуникативной культуры школьников. Осмысление опыта анализа текстов на уроках литературы представили слушателям гости конференции О. А. Перевалова (Екатеринбург, Россия, «Анализ стихотворения на уроках литературы: из опыта работы в негуманитарных классах») и А. А. Рубас (Астана, Казахстан, «Потенциал учебного текста как основа формирования базы знаний в плоскости национальной культуры»). О возможностях использования психолингвистических знаний на уроках русского языка как неродного и иностранного рассказали С. И. Камелова (Атырау, Казахстан, «Ментальность и обучение русскому языку иностранцев») и К. Д. Тимирова (Шымкент, Казахстан, «Психолингвистические аспекты обучения русскому языку в школе»).

Рассмотрели и аспект лингвокультурологического анализа языковых единиц — их функционирование в разных типах дискурса. Данный подход реализован участниками пятой секции конференции, в докладах которых были представлены особенности ономастического пространства Сургута (Е. И. Бреусова, «Графико-орофографическое оформление современного города») и Астаны (Д. Р. Хисамутдинова, «Поликультурный мир современного города»), возможности лексикографической интерпретации русской жаргонной лексики (А. А. Дурнева, Санкт-Петербург, «Лексикографический подход в изучении жаргонной лексики»), проблемы восприятия русскими читателями англоязычного текста (А. С. Ивонина, Сургут, «Сопоставительный аспект в понимании иноязычного текста»; В. В. Карнюшина, Сургут, «Время и пространство в творчестве Вирджинии Вульф: лингвистическая теория относительности?»; В. С. Стрюкова, Сургут, Россия, «Функционирование фразеологизмов в научных текстах»).

Наконец, шестая секция, «Язык и культура. Исследования молодых ученых», стала дискуссионной площадкой для начинающих лингвистов. Аспектами исследования языковых феноменов в представленных ими

работах являлись анализ образов животных в русском и китайском языковом сознании (Ли Цичжэн, Уфа, Башкирия), новояза как социального и исторического явления советской повседневности (В. С. Сафонова, Екатеринбург), языка современной художественной прозы (Г. Р. Минуллина, Сургут), синтаксических особенностей рекламного текста (Д. Р. Голубенко, Сургут), возможностей школьных медиа (А. В. Гризлюк, Сургут).

Таким образом, I Международная конференция «Язык культуры и культура языка» продемонстрировала неподдельный интерес современных исследователей к проблемам взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры. Сохранение в языке традиционных культурных ценностей этноса, с одной стороны, и отражение реалий повседневной жизни, с другой, позволяет говорить о нем как об универсальном механизме аккумуляции и репрезентации культурной памяти, как о динамично развивающейся системе, активно реализующей свои функциональные возможности в разных жанрах речевой коммуникации, в различных дискурсивных практиках современного общества.

В резолюции, принятой по итогам работы данного научного мероприятия, участники постановили:

1. Отметить важность проведенной конференции для сохранения национальных языков в современном мире. Рекомендовать участникам конференции своей исследовательской деятельностью способствовать распространению информации о функционировании языков в современном культурном пространстве, развитию речевой культуры студентов и школьников.

2. Продолжить научные исследования по проблеме «Язык культуры и культура языка» в рамках лаборатории лингвистических и литературоведческих исследований при кафедре филологического образования и журналистики СурГПУ.

3. Отметить актуальность и высокий уровень докладов участников конференции.

4. Результаты научных исследований, представленные на конференции ее участниками, рекомендовать к внедрению в образовательный процесс вузами России и вузами стран — участниц конференции.

5. Издать по итогам работы конференции коллективную монографию, тематический выпуск журнала «Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета» и сборник статей с размещением в информационной системе РИНЦ.

6. Выразить благодарность ректору Сургутского государственного педагогического университета, доктору социологических наук В. П. За-

сыпкину за предоставленную возможность проведения конференции и создание благоприятных условий для работы ее участников.

7. Выразить благодарность оргкомитету конференции, а также членам кафедры филологического образования и журналистики СурГПУ за подготовку и проведение научных мероприятий в рамках конференции.

8. Просить участников конференции подготовить информацию о заседаниях и прочитанных на них докладах для российских и зарубежных журналов и интернет-сайтов.

Очередная конференция «Язык культуры и культура языка» состоится в 2024 году.

Библиографический список

Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М., 2010.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М., 1990.

Воробьев В. В. Лингвокультурология. М., 2008.

Залевская А. А. Текст и его понимание. Тверь, 2001.

Иванцова Е. В. Проблемы формирования методологических основ лингвоперсонологии // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. 2008. № 3 (4).

Категории и концепты славянской культуры / отв. ред. Л. А. Софронова. М., 2007.

Сорокин Ю. А., Марковина И. Ю. Культура и ее этнопсихологическая ценность // Этнопсихоллингвистика. М., 1988.

References

Alefirenko N. F. *Tsennostno-smyslovoye prostranstvo yazyka*. [Linguoculturology. Value-semantic space of the language]. Moscow, 2010.

Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka*. [Language and the human world]. Moscow, 1999.

Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Yazyk i kul'tura*. [Language & Culture]. Moscow, 1990.

Vorobyov V. V. *Lingvokul'turologiya*. [Linguoculturology]. Moscow, 2008.

Zalenskaya A. A. *Tekst i yego ponimaniye*. [Text and its understanding]. Tver, 2001.

Ivantsova E. V. *Problemy formirovaniya metodologicheskikh osnov lingvopersonologii*. [Problems of formation of methodological foundations of linguopersonology]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of the Tomsk State University. Series: Philology. 2008. No. 3 (4).

Kategorii i kontsepty slavyanskoy kul'tury. [Categories and concepts of Slavic culture]. Ed. by L. A. Sofronov. Moscow, 2007.

Sorokin Yu. A., Markovina I. Yu. *Kul'tura i yeye etnopsikhologicheskaya tsennost*. [Culture and its ethnopsychological]. In: *Etnopsikholingvistika*. [Ethnopsycholinguistics]. Moscow, 1988.

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

Н. Ю. Шнякина. Репрезентация количественного аспекта абстрактных объектов в немецком инженерном дискурсе (на примере сложных имен существительных). В статье описываются языковые средства выражения количественной стороны абстрактных объектов в немецком инженерном дискурсе. Посредством семантико-когнитивного анализа в работе исследуется когнитивный, номинативный и коммуникативный потенциал сложных существительных, отражающих совмещенное знание об абстрактном объекте инженерной сферы и способе осмысления его количественной характеристики. Когнитивный потенциал подобных построений заключается в возможности сегментации действительности и осознании синтеза абстрактного объекта и его признака. Исследование показало широкое распространение языковых средств с параметрическими значениями: мощность / объем, большое количество, степень; их использование в составе сложных слов свидетельствует об осознании человеком собственно абстрактных и отвлеченных понятий как сущностей, которые могут быть измерены. Номинативная значимость характеризуется продуктивностью описанной словообразовательной модели. Коммуникативная важность состоит в возможности оперирования подобными языковыми единицами в реальных условиях общения и их детализации посредством дальнейших вербальных уточнений.

N. Yu. Shnyakina. Representation of the Quantitative Aspect of Abstract Objects in the German Engineering Discourse (in the Compound Nouns). The article describes the linguistic means of expressing the quantitative side of abstract objects in the German engineering discourse. Using the semantic-cognitive analysis the work explores the cognitive, nominative and communicative potential of complex nouns, which reflect the integrated knowledge of the abstract object of the engineering field and the way of comprehending its quantitative characteristics. The cognitive potential of such constructions lies in the possibility of segmenting reality and in the realization of syntheses of an abstract object and its attribute. The study showed the widespread use of the words with parametric sense: capacity / volume, the large number, degree; their use as a part of compound nouns indicates the person's awareness of abstracts as the essence that can be measured. The

nominative value is characterized by the productivity of the described word-building model. The communicative significance consists in the possibility of operating with such noun constructions in real communication and in their specification through other verbal refinements.

М. С. Богославцева, А. И. Миляева. Английский язык теологии и его специфика. Статья посвящена специфике англоязычного теологического дискурса и различным интерпретациям данного термина. В первой части статьи авторы фокусируют внимание на лексических и семантико-синтаксических особенностях исследуемых текстов. Во второй части авторы проводят разграничение между терминами «модальность теологического дискурса» и «модус теологического дискурса», разделяя точку зрения Т. В. Шмелевой в пользу термина «модус теологического дискурса». Определение понятия «модус теологического дискурса» и классификация модусов выполнены с опорой на труды британского теолога Джона Маккуори. Подробно описывая характеристики представленных модусов, авторы обращают особое внимание на использование эмпирического модуса не только как чисто теологического, но и для описания актуальных глобальных проблем, которые попали в поле зрения теологов, таких как деградация окружающей среды в результате антропогенных факторов. Тема экологии в теологии — эко-теология — представляет собой новое направление в исследовании английского языка теологии.

M. S. Bogoslavtseva, L. I. Milyaeva. The English Language of Theology and Its Specific Features. The article deals with the specific features of the English theological discourse and various interpretations of this term. The first part of the article emphasizes lexical peculiarities of theological texts and semantic-structural peculiarities of theological texts. In the second part of the article the authors draw a distinction between the terms «modality of theological discourse» and «mode of theological discourse», sharing the viewpoint of T. V. Shmelyova in favour of the term «mode of theological discourse». The definition of the concept of «mode of theological discourse» and the classification of modes are based on the works of the British theologian John Macquarie. By describing in detail, the characteristics of some of the modes, the authors draw the reader's attention to the use of empirical mode not only as a specifically theological mode, but also for the description of acute global problems that came to the attention of theologians, such as the destruction of the environment as a result of anthropogenic factors. The theme of ecology in theology — eco-theology — is a new direction in the study of the English language of theology.

И. Н. Клевакина, Н. В. Мельник. Лингвоперсонологическое осмысление аксиологических доминант профессионального кинокритика. Статья посвящена лингвоперсонологическому осмыслению аксиологических доминант в текстах кинокритических рецензий профессиональной языковой личности. Материалом исследования выбраны критические тексты на фильмы профессионального кинообозревателя и журналиста А. В. Долина. На основе результатов анализа текстов кинокритических рецензий реконструирована аксиологическая картина мира автора, аксиологические доминанты сгруппированы по критериям объективности и субъективности. Группа объективных аксиологических доминант выделена на основании обусловленности текстов и разделена на два типа. Первый тип базируется на восприятии языковой личностью вторичного текста (жанра кинокритики). Второй тип связан с осмыслением языковой личностью первичного текста (фильма как объекта рецензирования). Группа субъективных аксиологических доминант обусловлена индивидуально-авторской аксиологической картиной мира. Гипотеза, включающая в себя предположение об объективной сущности аксиологических доминант, подтвердилась лишь частично.

I. N. Klevakina, N. V. Melnik. Linguopersonological Comprehension of Axiological Dominants of a Professional Film Critic. The article is devoted to the linguopersonological understanding of axiologems in the texts of film reviews of a professional linguistic personality. The material of the research is critical texts on films of a professional film reviewer Dolin. Based on the results of the analysis of the texts of film reviews, the author's axiological picture of the world is reconstructed, the axiological dominants are grouped according to the criteria of objectivity and subjectivity. The group of objective axiologems is distinguished on the basis of the conditionality of the text and is divided into two types. The first is based on the perception by the linguistic personality of the secondary text. The second is associated with the comprehension of the primary text by the linguistic personality. The group of subjective axiologems is conditioned by the individual author's axiological picture of the world. The hypothesis about the objective essence of axiological dominants was only partially confirmed.

К. Д. Войцех. Роль внутреннего контекста кинематографического произведения в создании и понимании языковой игры (на материале телесериалов «The Sandman», «Anne with an E» и «Shadow and Bone»). Уже долгое время ученые обращают свое внимание на понятие контекста в языкознании и смежных науках. Однако до сих пор понятие контекста не имеет однозначного определения и разработанной класси-

фикации. В рамках данного исследования был выявлен особый тип контекста, а именно: внутренний контекст кинематографического произведения, который охватывает информацию о времени и месте действия, личности коммуникантов и коммуникативные ситуации в рамках рассматриваемого произведения. Предметом исследования выступает контекст, а точнее, роль внутреннего контекста в понимании языковой игры в телесериалах последнего десятилетия. Было установлено, что внутренний контекст кинодискурса является неотъемлемым фактором создания языковой игры и играет ключевую роль в ее понимании в кинопроизведениях, поскольку зачастую без контекстной информации мы не можем отнести рассматриваемые случаи к языковой игре. Наконец, мы считаем, что понятие внутреннего контекста произведения может выходить за рамки кинодискурса и может быть использовано при рассмотрении дискурса художественного, песенного и т. д.

K. D. Voytsekh. The Role of the Internal Context of a Cinematographic Work in Creating and Interpreting the Wordplay (Based on the TV Shows: «The Sandman», «Anne with an E», and «Shadow and Bone»).

For a long time, researchers have been studying the concept of context in linguistics and related sciences. However, until now the concept of context does not have an unambiguous definition and classification. Within the framework of this study, a special type of context was identified, namely the internal context of a cinematographic work, which covers information about the time and place of the action, the personalities of the communicants and communicative situations within the work under consideration. The subject of the study is context, or rather the role of the internal context in understanding the wordplay in the TV shows of the last decade. The author states that the internal context of film discourse is an integral factor in the creation of wordplay and plays a key role in understanding the wordplay in films, since often we cannot attribute the cases under consideration to the wordplay without contextual information. Finally, we believe that the concept of the internal context of a work can go beyond the scope of film discourse and can be used when considering literary discourse, song discourse, etc.

А. Э. Ефремова. Английский язык методом цифровой печати как форма визуального языка и альтернативный способ коммуникации (на примере надписей и принтов на одежде и обуви). В статье рассмотрены неотъемлемые атрибуты человека современного общества — одежда и обувь с надписями на английском языке — как феномен «говорящей одежды». Данный феномен изучается с точки зрения взаимодействия языка и культуры в условиях постмодернизма как один из аль-

тернативных способов коммуникации глобального масштаба, как способ передачи сообщений, идей, вербального и невербального, как визуальный «язык», использующий технологии цифровой печати. В рамках предпринятого исследования анализируется соответствие данного способа коммуникации коммуникативной модели Р. Якобсона и Ю. Лотмана. Продемонстрировано существование общих элементов модели Якобсона, Лотмана и модели опосредованного общения через восприятие принтов / надписей на одежде; обосновано и подтверждено иллюстративными примерами существование двух направлений канала коммуникации — «Я — ОН» и «Я — Я» для данного способа коммуникации.

А. Е. Efremova. English by Digital Printing as a Form of Visual Language and an Alternative Way of Communication (in the Inscriptions and Prints on Clothing and Footwear). The article considers the inalienable attributes of a person in modern society — clothes and shoes with inscriptions in English — as a phenomenon of «talking clothes». This phenomenon is studied from the point of view of the interaction of language and culture in postmodernism as one of the new ways of global communication, as a way of transmitting messages, ideas, verbal and non-verbal, as a visual language using digital printing technologies. The author analyses the existence of common elements of Jacobson and Lotman's communicative model and the model of indirect communication through the perception of prints / inscriptions on clothing; two directions of the communication channel described by Jacobson and Lotman are justified and confirmed by the illustrative examples.

К. В. Смирнов. Искусители, жертвы, свои и чужие в пьесе А. Н. Островского «Таланты и поклонники». В данной статье исследуется такое контекстуальное качество героинь А. Н. Островского, как жертвенность. Ввиду многогранного анализа героини-жертвы был предложен вариант создания нового понятия — понятия «выведенности» — характеристики центрального образа, в основе которого акцентуация на определенного героя, функционирующего в рамках художественной реальности и испытывающего прямое воздействие со стороны других героев, диалог с которыми выстраивают целостность главной героини, возводя его в статус архетипического. Цель работы состояла в комплексном анализе образов героинь А. Н. Островского как системообразующего аспекта всей идейной модели его произведений. Подходящими для этого методами стали структурно-описательный, описательно-функциональный и сравнительно-исторический. Доказано, что женские образы А. Н. Островского и их функционирование стали одним из основополагающих элементов развития русской литературы, отражающих всю глубину про-

блемы роли женщины в обществе девятнадцатого столетия. Для написания данной статьи были использованы труды К. Г. Юнга, А. Ф. Лосева, В. Н. Топорова и проч.

K. V. Smirnov. Tempters, Victims, Friend and Foes in the Play by A. N. Ostrovsky «Talents and Admirers» This article is devoted to the research of sacrifice as an important feature of A. N. Ostrovsky's heroines. The detailed analysis of the heroine results in the suggestion of a new word. The word is «vyvedennost'» (productivity). It is the basic feature of the central character. The meaning of this word is based on the special heroine, who acts and lives in the real period of time. Her actions are influenced by the other people. Moreover, her dialogues make her unusual and not typical person for that period of time. The purpose of the article is to introduce the complex analysis of the heroines' images in A. N. Ostrovsky's works. This analysis builds a system of important aspects of all the ideas of the author's works. The methods that suit for description are: structural-descriptive, descriptive-functional and comparative-historical methods. The research proves that women's characters and their lives have become one of the most fundamental elements in the development of Russian literature, which reflects deep social problems of the Russian woman in the society of the XIX century.

А. И. Куляпин. Психобиография вождя: Ленин в рассказах для детей Михаила Зощенко. Зощенко проделал огромную аналитическую работу, изучив множество жизнеописаний исторических деятелей прошлого. В чужих биографиях писатель старался обнаружить психологические комплексы, сходные с его собственными. В цикле «Рассказы о Ленине» заглавный герой предстает как воплощение «я-идеального» Зощенко. Ленин легко справляется с фобиями, от которых писатель страдал на протяжении всей жизни. Вождь превращен в зеркального двойника автора. Для достижения такого рода зеркальности писатель корректирует некоторые факты из ленинской биографии — внешне почти незаметно, но на самом деле весьма существенно. Революционную деятельность Ленина Зощенко интерпретирует по-фрейдистски — как бунт против отцовского мира. При этом Ленин в цикле Зощенко предстает как антипод эдипальных отцов. Он проходит путь от бунта против отцовского мира к функциональному замещению отца. После победы революции Ленин, как показано в рассказе «О том, как Ленину подарили рыбу», делается символическим Отцом уже всем детям страны.

A. I. Kulyapin. Psychobiography of the Leader: Lenin in Stories for Children by Mikhail Zoshchenko. Zoshchenko has done a lot of analytical work, having studied many biographies of historical figures of the past. In other

people's biographies, the writer tried to find psychological complexes similar to his own. In the cycle «Stories about Lenin», the title character appears as the embodiment of the «I am the ideal» Zoshchenko. Lenin easily coping with the phobias from which the writer suffered throughout his life. The leader has been turned into a mirror double of the author. To achieve this kind of mirroring, the writer corrects some facts from Lenin's biography — outwardly almost imperceptibly, but in fact very significantly. Zoshchenko interprets Lenin's revolutionary activity in a Freudian way — as a revolt against his father's world. At the same time, Lenin in the Zoshchenko cycle appears as the antipode of the oedipal fathers. He goes from rebelling against the father's world to the functional replacement of the father. After the victory of the revolution, Lenin, as shown in the story «About how Lenin was given a fish», becomes a symbolic Father to all the children of the country.

Ю. Ю. Кравинская, Е. М. Караваева. Проблема идентичности в контексте критического изучения постколониальной литературы. В статье обсуждаются подходы российских литературоведов к вопросу изменчивой структуры национальной идентичности в произведениях авторов-постколониалистов. Авторское стремление презентовать процесс трансформации идентичности, закрепить и художественно осмыслить идентификационные изменения, произошедшие под влиянием взаимодействия культур колонизатора и колонизированного, рассматривается как фактор, объединяющий постколониальное поле исследования литературы. На основе проведенного анализа продемонстрировано, что общей задачей ученых является определение характера влияния единого историко-культурного контекста колонизации и взаимодействия двух культур в одном культурном пространстве на идентичность и творческий путь авторов. В фокусе внимания находятся изыскания художественного своеобразия презентации национальной идентичности, характер вовлечения определенной национальной группы в процесс колонизации, диалогическая природа процесса гибридизации культурного пространства и языковедческая сторона презентации идентичности в постколониальной литературе.

Y. Y. Kravinskaya, E. M. Karavaeva. The Problem of Identity in Critical Studies of Postcolonial Literature. The article discusses Russian scholars» approaches to studying the fluid nature of national identity in postcolonial writing. The key factor uniting the vast research area of postcolonial literature is the writers» intention to project the process of identity transformation, consolidate and review identity shifts caused by interaction of cultures. The analysis of the data suggests that researchers share a common objective of

identifying the influence of a single historical and cultural background of colonization and interaction of two cultures within a united cultural space on the writers» self-identity and writing. Researchers focus on the literary interpretations of the concept of national identity, extent of involvement of a particular ethnic group in the process of colonization, dual nature of hybrid cultural space and linguistic presentation of identity in postcolonial culture. The authors of the article draw a conclusion that the problem of self-identity is a relevant and promising issue in Russian literary research.

С. В. Беликов. Роль ассоциативного эксперимента в формировании лингвокультурного концепта «ХАРБИН». В статье на основании теорий концепта Ю. С. Степанова, В. В. Колесова, С. Г. Воркачева, В. А. Масловой и др. сделана попытка рассмотреть концепт «ХАРБИН» в лингвокультурном контексте. Описан проведенный по методу И. А. Стернина ассоциативный свободный и направленный эксперимент для выделения ядра концепта и его периферии. Респонденты разных возрастных групп как среди русских, так и китайцев, называли 3–6 ассоциатов на слово-стимул *Харбин*, что позволило все ассоциации обобщить и выделить в группы по принципу *род — вид*. Была подтверждена гипотеза о том, что предметно-понятийные, или вещные, ассоциации зависят от национальности, уровня образованности, а также от возраста респондентов. Сопоставление ассоциативных полей может дать богатый материал для освоения и понимания языка в его этнокультурной специфике. Обращение к ассоциативно-семантическим полям слов в качестве вербального выражения концептов можно использовать в преподавании языка в национальной аудитории.

S. V. Belikov. The Role of the Associative Experiment in the Formation of the Linguacultural Concept «HARBIN». The article is based on the theories of the concept of Yu. S. Stepanov, V. V. Kolesov, S. G. Vorkachev, V. A. Maslova and others. The author analysis «HARBIN» in the linguacultural context. It is described an associative free and directed experiment conducted by the method of I. A. Sternin in order to isolate the core of the concept and its periphery. The respondents of different age groups among both Russians and Chinese named 3–6 associates on the stimulus word Harbin, which allowed to summarize all the associations and to allocate to groups on the genus-species principle. Our hypothesis is confirmed: subject-conceptual or material associations depend on nationality, level of education, as well as on the age of the respondents. Comparison of associative brings us rich material for mastering and understanding the language in its ethno-cultural specificity. As well as the use of associative-semantic fields of words as a verbal

expression of concepts can be used in teaching the language in a national audience.

Д. Р. Миниярова, А. В. Уразметова. Годонимическая система Лондона как отражение культурно-языкового ландшафта. В статье проводится исследование культурно-языкового ландшафта города Лондона сквозь призму его годонимической системы. Материалом исследования послужили названия улиц Лондона, полученные методом сплошной выборки из топонимических словарей, топографических карт и интернет-ресурсов. В результате анализа мотивационной основы годонимической лексики исследуемые языковые единицы были подразделены на следующие типы: антропогонимы, топогонимы, зоогонимы, фитогонимы, ландшафтные годонимы, характеризующие годонимы и годонимы, связанные с практической деятельностью человека. Проведенный количественный анализ исследуемого материала позволяет выявить особенности годонимической системы Лондона и его культурно-языкового ландшафта. Годонимы являются неотъемлемой частью имиджа любого города, они формируют систему, образующую яркую картину культурно-языкового пространства города. Изучение данной системы позволяет выявить культурно-ценностные приоритеты нации, а также проследить динамику их развития.

D. R. Miniarova, A. V. Urazmetova. London's Godonymic System as a Reflection of the Cultural and Linguistic Landscape. The article examines the cultural and linguistic landscape of London through the prism of its godonymic system. The research materials are the names of London streets obtained by a continuous sampling method from toponymic dictionaries, topographic maps and Internet resources. As a result of the analysis of the motivational basis of the godonymic vocabulary, the studied units are divided into the following types: anthropogonyms, topogonyms, zoogonyms, phytogonyms, landscape godonyms, characterizing godonyms and godonyms related to human practical activity. The conducted quantitative analysis of the studied material makes it possible to identify the features of the godonymic system of London and its cultural and linguistic landscape. Godonyms are an integral part of the image of any city, they form a system that generates a vivid picture of the cultural and linguistic space of the city. The study of this system makes it possible to identify cultural value priorities of the nation, as well as to trace the dynamics of their development.

И. А. Широких. Эмотивный потенциал риторических вопросов и его реализация в текстах англоязычных песен. В статье рассматри-

ваются риторические вопросы с точки зрения их значимости при интерпретации эмоционального состояния говорящего. Автор предлагает толкование данной грамматической единицы в контексте теорий, предложенных зарубежными лингвистами, одна из которых определяет риторические вопросы как *down-toner*, «смягчители высказывания». Теоретические положения сопровождаются примерами из текстов англоязычных песен двух лонгплеев британской группы *The 1975*, *A Brief Inquiry Into Online Relationships* (2018) и *Notes On A Conditional Form* (2020). При создании песни автор текста целенаправленно использует риторические вопросы, связанные с такими коммуникативными функциями, как выражение предпочтения (структура предпочтения) или создание атмосферы благоприятствования; утвердительные риторические вопросы либо вопросы, содержащие элементы грамматического / лексического отрицания; риторические вопросы, начинающиеся вопросительным словом *why* (*wh-вопрос*). Целью становится выражение и донесение до слушателя (или читателя) разнообразия эмоций, которые испытывает сам исполнитель.

I. A. Shirokikh. Emotional Potential of Rhetorical Questions and Its Realization in the Lyrics of English Songs. I. A. Shirokikh. The article deals with rhetorical questions whose importance is evaluated, while interpreting the speaker's psychological and emotional state. The author of the article offers theories about this grammatical unit, provided by foreign linguists. The theoretical aspects are supported with the examples from English songs of two long-plays *A Brief Inquiry Into Online Relationships* (2018) and *Notes On A Conditional Form* (2020), performed by the band *The 1975*. While writing lyrics, the author of the songs uses this or that type of rhetorical questions: the ones connected to the communicative function of preference (preference structure) or to the one of favour; either positive or negative rhetorical questions; or the questions starting with *why* question-word (*wh*-question). It is the diversity of emotions he wants to present to the audience that determines the author's choice. Rhetorical questions help to realize the correlation of the author's choice of a definite rhetorical question to the emotions of this very author.

С. Н. Усманова, Д. А. Хамраева. Сопоставительная классификации омонимов в русском и узбекском языках. В статье рассматривается сопоставительная классификации омонимов в русском и узбекском языках, связь омонимии с многозначностью, а также омонимия изучается в аспекте системной организации лексики и связей со словообразованием. Представлена классификация непрямых и производных омонимов русского и узбекского языков с учетом способов их образования, про-

изводности и непроизводности лексем в зависимости от их взаимодействия в словообразовательном гнезде. В статье также речь идет об особенностях и отличительных свойствах лексических, словообразовательных омонимов, приведены примеры отраженной омонимии в системе словообразовательных гнезд, а также различие омонимов в узбекском языке по своему внутреннему строению и внешнему виду, деление омонимов на группы в зависимости от материала, содержания и графических форм. Результаты проведенного анализа свидетельствуют о том, что явление омонимии в русском и узбекском языках имеет регулярный и системный характер.

S. N. Usmanova, D. A. Khamraeva. Comparative Classification of Homonyms in Russian and Uzbek Languages. The article deals with the comparative classification of homonyms in the Russian and Uzbek languages. The authors examine the relationship of homonymy with polysemy. Homonymy is studied in the aspect of the systemic organization of vocabulary and connections with word building. The classification of non-derivative and derivative homonyms of the Russian and Uzbek languages is presented, taking into account the ways of their formation, derivativeness and non-derivativeness of lexemes, depending on their interaction in the word-building nest. The article also deals with the features and distinctive properties of lexical, word-forming homonyms, examples of reflected homonymy in the system of word-building nests, as well as the difference between homonyms in the Uzbek language in their internal structure and appearance, the division of homonyms depending on their material, content and graphic forms into groups. The results of the analysis indicate that the phenomenon of homonymy in the Russian and Uzbek languages has a regular and systemic character.

Г. М. Маматов. Образы огня и света в цикле Вильгельма Мюллера «Зимний путь». В статье исследуются мотивы огня и света в последнем цикле поэта позднего немецкого романтизма Вильгельма Мюллера «Зимний путь». Рассматриваются образы их источников, среди которых возникают небесные светила (солнце и луна), фольклорные образы (блуждающий огонек). Данные мотивы являются центральными в цикле Мюллера, они формируют сюжет многих стихотворений, связываются с лирическим героем, а также образуют пространственно-временную структуру. Прежде всего они «обрамляют» основной сюжет цикла: уход юноши от прекрасной возлюбленной и бесцельные блуждания по миру. Это формирует дихотомию светлого прошлого и темного, беспросветного настоящего. Противопоставление мглы и света, которое разделяется на близкие оппозиционные мотивные системы: вес-

на — зима, огонь — холод, солнце — тьма, жизнь — смерть, обуславливает финал цикла, в котором герой отказывается от жизни и уходит в собственный темный мир, отправляясь в дальнейший зимний путь со слепым шарманщиком. Рассматриваются также связи цикла с германским фольклором, немецкой литературой и философией романтизма, пре-романтизма (И. В. Гете, К. Brentано) и другим известным циклом Мюллера «Прекрасная мельничиха».

G. M. Mamatov. Images of the Fire and Light in the Wilhelm Müller's Cycle of Verses «Winterreise». In the paper motives of the fire and light are researched in the last cycle of the poet of the late German Romanticism, Wilhelm Müller «Winter Road». Images of their sources are considered, among which sky luminaries (sun and moon), folklore images (will-o» — the-wisp). These motives are central in the cycle by Müller and the construct the plot of many poems, contact with lyrical hero and form space and temporal structure. Primarily, they «frame» the base plot of the cycle: departure of the young men from beautiful sweetheart and his chaotic wanderings on the world. It forms a dichotomy of light past and dark, hopeless present. Contradistinction of darkness and light is divided into close opposition motive systems: spring — winter, fire — cold, sun — darkness, life — death. It causes the final of cycle, in which the hero gives up life and leave in himself dark world and go in continue winter road with a blind organ grinder. The article examines the connections of the cycle with German folklore, Romanticism and Pre-romanticism (J. W. Goethe, C. Brentano) and other famous cycle of Müller «Beautiful miller's lady».

И. М. Клокова. Семиотика дачного пространства в романе Д. Бобылевой «Вьюрки». В статье рассматривается семиотика закрытого, замкнутого мира дачного пространства хоррор-романа Д. Бобылевой «Вьюрки». Д. Бобылева конструирует в романе место действия — закрытый мир дачного поселка — в соответствии с положениями Ю. М. Лотмана о семиотике художественного пространства и времени. Типология героев романа в существенных аспектах совпадает с его же учением о «героях пути» и «степи». В работе намечается связь современного российского хоррор-жанра с концепцией «постфольклора» С. Ю. Неклюдова, промежуточной современной субкультуры, размывающей традиционные границы города и деревни и усложняющей классическую дихотомию «природа / культура». Пространство дискретного, фрагментированного на отдельные участки дачного поселка соответствует пограничному статусу постфольклора с его полицентричностью. Рассматривается сложная модель пересечения границ культурных зон потусторонне-

го и посястороннего внутри романа с помощью передвижения героев, и как это столкновение приводит к появлению эффекта ужаса.

Semiotics of Dacha Space in D. Bobyleva's Novel «Vyurki». The article discusses semiotics of the suburban «dacha» space in D. Bobyleva's horror novel «Vyurki». Bobyleva constructs the closed world of a country village in accordance with the provisions of Yu. M. Lotman on the semiotics of artistic space and time. The typology of the novel's heroes in essential aspects coincides with his teaching about the hero of the «path» and hero of the «steppe». The paper outlines the connection of the modern Russian horror genre with the concept of «post-folklore» by S. Yu. Neklyudov. It is an intermediate modern subculture, blurring the traditional boundaries of town and village and complicating the classical «nature / culture» dichotomy. The space of a discrete, fragmented dacha settlement into separate sections corresponds to the border status of the post-folklore with its polycentricity. This work examines the connection between modern Russian horror and post-folklore genre. It also explores a complex model of crossing the borders of the cultural zones in the other world and in this world through the movement of characters, and how this collision provides the horror effect.

Т. А. Сироткина. Человек в языке и культуре (по итогам работы I Международной конференции «Язык культуры и культура языка»). I Международная конференция «Язык культуры и культура языка» продемонстрировала неподдельный интерес современных исследователей к проблемам взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры. Сохранение в языке традиционных культурных ценностей этноса, с одной стороны, и отражение реалий повседневной жизни, с другой, позволяет говорить о нем как об универсальном механизме аккумуляции и репрезентации культурной памяти, как о динамично развивающейся системе, активно реализующей свои функциональные возможности в разных жанрах речевой коммуникации, в различных дискурсивных практиках современного общества. В резолюции по итогам конференции отмечена ее важность как для сохранения национальных языков в современном мире, так и для развития речевой культуры студентов и школьников. Результаты научных исследований, представленные на конференции ее участниками, рекомендованы к внедрению в образовательный процесс вузами России и вузами стран — участниц конференции.

T. A. Sirotkina. Man in Language and Culture (Based on the Results of the Work of the I International Conference «The Language of Culture and the Culture of Language»). The I International Conference «The Language of Culture and the Culture of Language» demonstrates the genuine

---

interest of modern researchers in the problems of the relationship and interaction of language and culture. On the one hand, language preserves the traditional cultural values of the ethnos, and on the other hand, the reflection of the realities of everyday life. Language is a universal mechanism for the accumulation and representation of cultural memory, as a dynamically developing system that actively implements its functional capabilities in various genres of speech communication, in various discursive practices of modern society. The resolution following the results of the conference notes its importance both for the preservation of national languages in the modern world and for the development of the speech culture of students and schoolchildren. The results of scientific research presented at the conference by its participants are recommended for implementation in the educational process by Russian universities and universities of the countries participating in the conference.

НАШИ АВТОРЫ

- БЕЛИКОВ,
Сергей
Владимирович** — аспирант Алтайского государственного университета, преподаватель Нанькайского университета.
E-mail: serafimb@mail.ru
- БОГОСЛАВЦЕВА,
Маргарита
Сергеевна** — старший преподаватель Пятигорского государственного университета.
E-mail: m.bogoslavitseva@gmail.com
- ВОЙЦЕХ,
Ксения
Дмитриевна** — кандидат филологических наук, ассистент Уфимского университета науки и технологий.
E-mail: kseniavoytsekh@gmail.com
- ЕФРЕМОВА,
Алла
Эдуардовна** — кандидат педагогических наук, доцент Забайкальского государственного университета (Чита).
E-mail: allapersona@mail.ru
- КАРАВАЕВА,
Екатерина
Михайловна** — кандидат филологических наук, доцент Московского государственного института международных отношений МИД Российской Федерации.
E-mail: gazoprovod-24@yandex.ru
- КЛЕВАКИНА,
Ирина
Николаевна** — магистрант Кемеровского государственного университета.
E-mail: irinaklevakinaaa@mail.ru
- КЛОКОВА,
Ирина
Михайловна** — аспирант, старший лаборант кафедры литературы Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).
E-mail: nerwen.kun@gmail.com
- КРАВИНСКАЯ,
Юлия
Юрьевна** — старший преподаватель Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
E-mail: rozajulia@mail.ru
- КУЛЯПИН,
Александр
Иванович** — доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).
E-mail: iskander58@mail.ru
- МАМАТОВ,
Глеб
Максимович** — аспирант Новосибирского государственного педагогического университета.
E-mail: zarra8@yandex.ru
- МЕЛЬНИК,
Наталья
Владимировна** — доктор филологических наук, профессор Кемеровского государственного университета.
E-mail: saikova@mail.ru

- МИЛЯЕВА,
Людмила
Ивановна** — кандидат филологических наук, доцент Пятигорского государственного университета.
E-mail: milyaeva@pgu.ru
- МИНИЯРОВА,
Диана
Руслановна** — ассистент Уфимского университета науки и технологий.
E-mail: dminiyarova@yandex.ru
- СИРОТКИНА,
Татьяна
Александровна** — доктор филологических наук, профессор Сургутского государственного педагогического университета.
E-mail: sirotkina71@mail.ru
- СМИРНОВ,
Кирилл
Валентинович** — кандидат филологических наук, старший преподаватель Вологодского государственного университета.
E-mail: kirill_smirnov_1989@list.ru
- УРАЗМЕТОВА,
Александра
Владимировна** — доктор филологических наук, доцент, профессор Уфимского университета науки и технологий.
E-mail: urazmetova82@mail.ru
- УСМАНОВА,
Светлана
Негматовна** — преподаватель Самаркандского государственного университета.
E-mail: ilhom70@bk.ru
- ХАМРАЕВА,
Дилором
Аззамовна** — преподаватель Самаркандского государственного университета.
E-mail: ilhom70@bk.ru
- ШИРОКИХ,
Ирина
Алексеевна** — кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: shirokih.irina@mail.ru
- ШНЯКИНА,
Наталья
Юрьевна** — доктор филологических наук, доцент Омского государственного педагогического университета.
E-mail: zeral@list.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ПРИСЫЛАЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ МАТЕРИАЛОВ

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 45 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения — до 25 тыс. знаков с пробелами, другие материалы — до 10 тыс. знаков с пробелами). Для аспирантов — объем не более 20 тыс. знаков с пробелами.

2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т. д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf — True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.

3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.

4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.

5. Библиографическое описание научных изданий (Библиографический список) оформляется в сокращенном варианте (без указания издательства, страниц и вида издания — учебное пособие, монография, сборник и т. п.) и приводится в конце работы по алфавиту. Издания на иностранных языках располагаются после изданий на русском языке. Ненаучные издания (нормативные документы, архивные и др. материалы) указываются в отдельной рубрике «Список источников» в конце списка литературы.

6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987*a*]. В списке литературы делается такая же пометка. При цитировании изданий на иностранных языках цитата дается на языке оригинала (при необходимости — с переводом автора статьи). Если цитата дана на русском языке в неавторском переводе, то в библиографическом списке указывается не иноязычный оригинал, а источник, в котором был опубликован перевод. Интернет-источники с изменчивым контентом без указания конкретного материала (кроме электронных изданий, поддающихся библиографическому описанию), блоги, форумы и т. п., а также авторские комментарии помещаются в подстрочных примечаниях (сносках). Ссылка на источник приводимого в качестве иллю-

стративного материала фрагмента чужого текста дается после примера в круглых скобках: *Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках* (Независимая газета. 01.02.2016).

7. Статьи следует отправлять в редакцию через электронный портал «Научные журналы АлтГУ» по адресу: <http://journal.asu.ru/pm/information/authors>. К статье прилагается справка об авторе или авторах: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**

8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.

9. Требования к оформлению основного текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ — 0,8 см. **Неосновной текст**, предваряющий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и. о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (не менее 1000 знаков с пробелами каждая). Далее следует **основной текст** статьи: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и. о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, список литературы и References.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте.

2. **Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).**

3. Все материалы публикуются в журнале бесплатно.

Периодическое издание

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

№ 2 • 2023

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер ПИ № ФС77–81381 от 16.07.2021 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Технический редактор Т. Б. Беломестнова
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс П5843 в каталоге Почты России
Цена свободная

Подписано в печать 07.06.2023.
Дата выхода издания в свет 16.06.2023.
Формат 60×84/16. Гарнитура Minion 3. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 12,1. Тираж 500 экз. Заказ № 383.

Издательство Алтайского государственного университета
Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Типография Алтайского государственного университета
656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 6б